

Fate/Strange Fake

Том 5

Автор:

Нарита Рёго

Иллюстрации:

Мории Сидзуки

Перевод с английского:

Glass Moon

Перевод с японского:

OtherSideofSky

ヒッポリュテ

銀狼

エルキドゥ

フランキエスカ

プレラーティ

ベイルライダー

鎌倉 美奈

鎌倉 椿

アルケイデス

バズディロット・コーデリオン

イシュダル(フィリア)

ハルリ・ボルザーク

バーサーカー

聖堂教会

ハンザ・セルバンテス

デルミオ・セルバンテス

爛熱なる狂信者

シグマ

ウォッチャー

ジェスター・カルトゥーレ

サンジェルマン

カルテット

—
1842 г. Лето. Средиземное море.

Мягкие волны накатывали друг на друга под лучами палящего солнца.

Рассекая их и разбрасывая мерцающие брызги, по водной глади шёл корабль.

Его едва ли можно было назвать роскошным, но в этом парусном судне чувствовалась некая сила и изящность. Стоявший на палубе мужчина произнёс:

— Что это за остров вон там?

Взгляд его замер на силуэте вдалеке. Несмотря на то, что остров обладал красивой формой и плавными очертаниями, он представлял собой бесплодные просторы желтовато-коричневых скал вперемешку со следами бледно-зелёной растительности.

— А, этот... Там ничего нет, месье. Просто пустынный остров.

— Да? — с интересом откликнулся мужчина на ответ стоявшего рядом члена команды. — Там никто не живёт? Кажется, я вижу какое-то строение.

— Что? А... ну, я ничего об этом не знаю. Мы никогда здесь не задерживались, да и зачем?... Но Вы правы. Интересно, что же это.

Матрос вернулся к своим обязанностям с недоумением во взгляде. Его место занял другой человек с кружкой в руке.

— В чём дело, брат? Влюбился в этот остров, что ли? — это был хорошо одетый и крепко сбитый юноша с плавными чертами лица, но в его глазах как будто мерцал огонь внушительного интеллекта. — Разве ты не знаешь, что не стоит влюбляться в острова и океаны? Это страшные женщины – особенно когда голодные, настоящий ужас. Оставят тебя без франка в кармане, только дай им шанс. Впрочем, женщины ли? Может, они и мужчины.

Юноша пожал плечами. Мужчина, который смотрел на остров, покачал головой.

— В день нашего знакомства я был «другом», затем стал «дорогим другом», когда мы поднялись на борт. Теперь же на обратном пути ты называешь меня «братом», *принц*? Если бы тебя кто услышал, меня бы побили камнями за *lèse-majesté* (фр. «оскорбление величества» - прим. перев.).

— Что за чушь. Если кто-то дороже мне любого друга, но при этом не является объектом моих романтических чувств, то мне ничего не остаётся, кроме как считать этого человека своей плотью и кровью.

«Принц» глотнул жидкости из своей кружки и расплылся в широкой улыбке.

— Кроме того, тебя подобные формальности всё равно никогда не волновали.

— Ну, мы можем пообщаться на эту тему в более приятной, прозаической форме. Что скажешь, обменяемся письмами?

— Знаешь, люди по-настоящему уважают вовсе не меня. А таких, как ты... тех, кто дарит им радость. Я, по крайней мере, не могу так радовать людей, как это делает твоя пьеса «Алхимик» или роман «Шевалье д'Арманталь». Они вышли из-под твоего

пера – самого Александра Дюма. Твоя репутация едва ли пострадает, если тебя будет называть братом *племянник бывшего императора*.

Мужчина, которого только что столь чрезмерно похвалили – Александр Дюма – криво улыбнулся юноше и покачал головой.

— Будь я проклят. Не думал, что меня будет восхвалять прославленный племянник Его Императорского Величества Наполеона Бонапарта. Я, конечно, польщён, но мне не хотелось бы провести остатки жизни под домашним арестом на этом острове.

Юноша, к которому обращался Дюма – Наполеон Жозеф Шарль Поль Бонапарт – весело улыбнулся как раз в тот момент, когда корабль покачнулся.

Он был племянником императора Франции Наполеона I и двоюродным братом Наполеона III. Из-за того, что его отец Жером был королём Вестфалии, девятнадцатилетнего юнца называли либо принцем, либо его прозвищем «Плон—Плон».

С Дюма, который на тот момент уже был автором нескольких нашумевших произведений, он познакомился, когда писатель путешествовал по Италии, и по совету Жерома они вместе отправились на Эльбу. На этом острове, где когда-то коротал свои дни ссылки дядя Жозефа, Наполеон I, они вдоволь насладились охотой и теперь плыли обратно на корабле, который качали из стороны в сторону волны.

— Кстати, брат... — Жозеф с победной улыбкой повернулся к Дюма, который был на двадцать лет старше него. — У тебя какая-то нелюбовь к моему дяде?

На это Дюма лишь пожал плечами.

— Ха-ха! Да какие претензии могут быть у *меня* к великому Наполеону, императору Франции?

— Я слышал, что мой дядя крайне холодно обошёлся с твоим отцом. И даже отказал твоей матери в получении пособия.

— Перестань... всё это уже в прошлом. Да, я довольно долго жил практически в нищете, и маме моей тоже было несладко из-за этого. Думаю, у меня есть полное право дать ему по роже за то, что ей пришлось пережить, но...

Подумав мгновение, Дюма медленно продолжил, глядя на остров:

— Я ведь не рассказывал тебе... о том, как встретился с твоим дядей и поговорил с ним?

— Нет, впервые об этом слышу.

— Всё произошло, когда мне и тринадцати ещё не было. Он устроил парад победы, и я пошёл посмотреть на виновника торжества...

Здесь он замолк на секунду, и корабль резко накренился.

— ...с пистолетом, который был спрятан в нагрудном кармане.

Эти слова, сказанные в перерыве между ударами волн о корпус корабля, по силе воздействия были равносильны реплике из пьесы. Однако Жозеф выслушал их в полном молчании.

— Я намеревался вызвать его на дуэль. Бросить перчатку в его экипаж. Его Императорское Величество оскорбил моего старика и маму – это должно было дать мне право выбрать оружие.

— Но мой дядя не погиб на том параде, да и сам великий писатель сейчас стоит прямо передо мной, живой и здоровый.

— Ага. Я шёл вперёд, в то время как толпа вокруг меня кричала *«vive l'empereur»*. (Фр. «Да здоровствует император», - прим. перев.) Должно быть, я был похож на призрака. Через щель в экипаже я на мгновение увидел бледное лицо. Он был лишь маленьким человеком, изнурённым битвой. Всё было просто – мне нужно было лишь бросить ему вызов. Швырнуть перчатку в лицо. Я был уверен, что после этого он прикажет солдатам расстрелять меня или прогнать прочь. Но это означало бы отказ от дуэли. Он заслуживал того, чтобы народ насмеялся над ним, императором, который убежал от дуэли, словно какой-то ребёнок! Спустя мгновение нищий сопляк, упиваясь этими мыслями даже сильнее, чем видом императорского лица, достал перчатку. И как думаешь, что он с ней сделал?

Дюма рассказывал о своём прошлом ритмично, в унисон покачиванию корабля, отчётливым и звучным голосом актёра, говорившего свои реплики.

— Он помахал ею. Поднял перчатку, которую хотел бросить, высоко над головой и сам не заметил, как тоже начал кричать *«vive l'empereur»* вместе с толпой. Да, принц. Твой дядя был героем, но при этом его многие ненавидели. Уверен, не только я хотел бросить перчатку ему в лицо. Также я готов поспорить, что в толпе было много тех, кто хотел просто всадить пулю в его экипаж без всяких дуэлей. Но все они кричали слова поздравления бледному, усталому человечку. Почему? Не знаю, но император был мечтой этих людей. Их идолом. Осознав это, я больше не мог бросить ему вызов. Хороший солдат может с холодной головой и таким же холодным сердцем навести оружие на человека, которым восхищается, но я не солдат. Он заставил меня это понять, и именно поэтому я сейчас сражаюсь с пером в руке вместо оружия.

Подведя итог длинной и изначально мрачной истории беззаботным тоном, Дюма подмигнул и улыбнулся своему другу, который был младше него на двадцать лет.

— Как тебе история, рассказанная таким образом, принц?

— Ты это специально, брат?

— Кто знает? Скажу я «да» или «нет», неважно, ведь если человек захочет, чтобы всё было именно так, его вряд ли переубедишь. Правда меркнет перед лицом занимательной лжи. Иначе говоря, даже если тебе достался гнилой кусок мяса под названием «правда», который как ни вари, ни жарь, не годится для употребления, его, тем не менее, можно сделать более приятным на вкус, помариновав несколько лет в соку истории и приправив знатной щепоткой лжи.

Теперь голос Дюма был гораздо веселее, чем когда он рассказывал о своём прошлом. Жозеф был явно возмущён, однако всё равно продолжил давить на него:

— Но теперь, после услышанного, я хочу узнать, каков здесь кусок мяса на самом деле, брат.

— В данном случае «правда» в том, что, ну... я больше не питаю ненависти к Наполеону I и его родне. Если я добавляю к этому истории вроде той, что ты только

что услышал, то уже едва ли важно, правдивы они или же чистой воды выдумка, не так ли?

— Вот как. Значит, в твоих глазах, даже пустынный остров – ингредиент, достойный места на обеденном столе. И всё же из всех пустынных островов чем тебя заинтересовал именно этот? У тебя с ним, часом, *не связана какая-нибудь история?* — спросил Жозеф с хриплым смешком.

— Предчувствие, — пожал плечами Дюма. — Просто предчувствие.

— Вот как, значит? Полагаю, в твоём деле это многое значит.

— Я заметил этот остров во время путешествия с родственником Его Императорского Величества. Я просто подумал, мол, почему бы не прославить его в память о нашей встрече?

Услышав это, племянник императора Франции повернулся в сторону острова и с легкомысленностью ребёнка произнёс тоном, полным энтузиазма:

— Да, я тоже думаю, что в этом острове есть что-то такое. Несколько лет назад до меня даже дошли слухи о человеке с таким же именем. И только между нами... тайная сторона церкви даже сделала пару странных ходов. **(Возможно, это как-то связано с тем, что название острова переводится как «Гора Христа», - прим. перев.)**

— Тайная... сторона церкви?

— А забудь. Церковь даже моему отцу не раскрыла все свои секреты, а ведь он был королём. Как бы то ни было, вокруг этого острова уже давненько витают всякие сказки и байки о сокровищах. Городские дети, рыбаки, искатели приключений, религиозные фанатики... поскольку на этом острове ничего нет, самые разные люди могут внушать себе, что именно там таится то, о чём они мечтают больше всего. Но при этом почти никто не пытается броситься на поиски, опасаясь, что там действительно ничего нет.

— Эй, ты что пытаешься отнять у меня хлеб? Рассказывать историю об этом острове – моя работа. Скажи мне только, как он называется, брат.

Жозеф, довольный тем, что его тоже назвали «братом», произнёс название. Его глаза уже горели в предвкушении романа, который Дюма напишет об этом острове.

— Он зовётся Монтекристо! Остров безграничных возможностей, потому что на нём ничего нет.

Связующая глава

「Рондо чужаков」

«Наш следующий репортаж: Вчерашняя череда внезапных смертей среди сенаторов и крупнейших лидеров рынка по причине несчастных случаев или болезней, а также последовавший вслед за этим хаос, воцарившийся среди цен на акции на Нью-Йоркской фондовой бирже...»

×

×

Стоило ли называть то, что происходило в Сноуфилде, испытанием?

Любой, кто внимательно следил за событиями, сказал бы, что нет.

Потому что серия происшествий, беспрецедентных в истории города и, возможно, даже в истории всех Соединённых штатов – Война за Святой Грааль – была затеяна намеренно.

Город Сноуфилд сам по себе был испытательной зоной, созданной на американской земле для этого ритуала – *покинуть эту зону и начать всё заново* было частью плана с самого начала.

Но так думали только зачинщики.

Для обычных людей, которые знать не знали о тайных материях, всё это не имело никакого значения.

Для жителей города, не ведавших о причинах, которые стояли за всем этим, происходящее было бедствием, обрушившимся на них без всякого предупреждения.

Война за Святой Грааль.

Уникальный ритуал, о котором даже среди магов знали немногие.

Используя в качестве фамильяров Героические души, чьё естество было запечатлено в «троне» этого мира, маги сражались друг с другом, не жалея себя, ради всемогущего устройства, исполняющего желания, - самой настоящей отправной точки на пути к Истоку.

Говорят, что изначально намерения были другими, но в Третьей Войне за Святой Грааль, случившейся более полувека назад, участвовало немало фракций, которые плели свои интриги за кулисами. Затем в Четвёртой Войне за Святой Грааль более чем десятилетней давности гибель одного из Лордов Часовой башни привлекла внимание очень маленькой группы магов, которым удалось пробиться через все усилия по сокрытию информации.

Разумеется, в грандиозном плане такая война значилась как «сомнительный ритуал, проводимый на Дальнем Востоке». Однако то, что происходило сейчас в Сноуфилде, начинало проявлять себя как нечто слишком странное и искажённое даже по меркам Войны за Святой Грааль.

Для начала, количество призванных Героических душ было слишком большим.

В Войне за Святой Грааль, как правило, сражаются семь Слуг, и несмотря на то, что эта война поначалу следовала этому правилу... с того момента, как перед камерами местной телевизионной станции появилась Героическая душа, предположительно класса Сэйбер, и объявила о своих намерениях возместить ущерб, нанесённый оперному театру, началось крупное «расхождение» с изначальной Войной за Святой Грааль.

Магический ритуал должен, строго говоря, проводиться в тайне.

Для любого, кто имел дело с магией или таинствами в целом, этот принцип был безусловным. И всё же эта фальшивая Война за Святой Грааль «сломалась», не успев толком начаться.

При этом создавалось впечатление, что всё шло как раз по плану зачинщиков.

Сначала разразилась битва между Арчером и Лансером в пустыне.

Столкновение их Благородных Фантазмов превратило часть пустыни в стекло и оставило после себя огромный кратер. Официальной причиной назвали взрыв газовой трубы.

Затем произошло вторжение Ассасин в полицейский участок. Её целью, видимо, был Сэйбер, содержащийся там под стражей.

Среди воцарившегося хаоса в участок также прорвался кровосос, который, похоже, был Мастером Ассасин, и Ханза Сервантес, направленный Святой Церковью в Сноуфилд наблюдать за войной, ввязался в бой. Официально всё это назвали террористической атакой на полицейский участок.

Далее последовала атака на Арчера и его Мастера, которые обосновались в отеле «Кристал Хилл». В результате этого нападения все окна в непосредственной близости были разбиты, что объяснили ущербом от непредвиденного торнадо.

Затем два могущественных Слуги, а также *кое-что ещё*, учинили масштабное разрушение мясоперерабатывающего завода в промышленном районе – мастерской мага, обустроенной при поддержке семьи Складио.

Разрушения всё ещё были скрыты от глаз людей иллюзией, покрывающей большую территорию и, скорее всего, наложенной Слугой класса Кастер.

За какие-то несколько дней в разворачивающемся ритуале уже наметились серьёзные искажения.

В тайном ритуале, *представляющим собой смертельную битву* между магами и их семьями – и не обычными семьями, а Героическими душами, воплощениями самого таинства.

Неважно, насколько тщательно была заложена основа для этого ритуала, перед лицом череды масштабных ненормальностей, угрожающих стереть город с лица земли, его сокрытие уже почти не представлялось возможным.

Но вместо того, чтобы близиться в сторону завершения, ситуация начала приобретать всё большие масштабы.

Полностью пренебрегая всеми предшествующими атмосферными условиями, огромный ураган образовался на западном побережье.

В Вашингтоне, округ Колумбия, и окружающей его области ключевые люди в бизнесе, политике и информационной сфере падали замертво один за другим.

Те, кто знал, что происходило за кулисами, понимали, что эти бедствия не были естественного происхождения.

Они понимали, что в Сноуфилде поднялся огромный прилив, и что всё неумолимо затягивало в его тёмные глубины.

Если всё-таки сравнить это с испытанием, созданным некой высшей силой... тогда это было бы всё равно что оказаться в бесконечном лабиринте, в котором ничего нельзя было увидеть дальше своего носа, не говоря уж о выходе.

Просто тем, кто находился в этом лабиринте, ещё только предстояло осознать, что они в него попали.

×

×

Личная переписка в одной социальной сети.

Флю: Ну, примерно как-то так... Короче, давай просто скажу, что я думаю.

В Сноуфилде опасно.

Честно говоря, я хочу свалить отсюда как можно скорее.

Я к тому, что это *совсем не похоже* на то, о чём мне говорили.

Разумеется, никто из тех, кто хоть как-то связан с магией, не скажет правды, пока язык не развяжут, но даже при таком раскладе это всё равно безумие.

Ядро ритуала, вероятно, основано на войне в Фуюки, но в плане масштабов и организации с ним явно не всё в порядке.

Во-первых, Призраки прошлого.

Вы, *ветераны*, называете их Слугами. Ты сказал, что тогда в Фуюки их сражалось семеро, верно?

Что ж, я попробовал всё проверить с помощью моей астрологии, и, знаешь, здесь всё на совершенно ином уровне. Почти в два раза больше существ, с которыми мне не хотелось бы связываться... Даже более чем в два раза, если судить по некоторым возмущениям в звёздах, которые указывают и на других, но я не могу сказать, Слуги они или нет. Я наблюдал за больницей прошлой ночью. Сначала появился трёхголовый пёс, две сотни тварей, похожих на уродливых призраков, появились из ниоткуда и сошлись в бою с Героической душой, на которую смотреть-то было страшно. После этого возмущения в магической энергии стали слишком сильными для дальнейшего наблюдения.

Только не говори мне, что это были Цербер и куча демонов. Как бы то ни было, твари, которым нет места на этой стороне мира, важно расхаживали по главной

улице американского города. Если это сон, то я хочу проснуться. Только маг, который ещё из детства не вышел, мог бы наслать на меня такой сон.

Просто объяснить то, что произошло после, уже нелегко.

Я прикрепил зашифрованную псевдовидеозапись. Используй магию, чтобы открыть её.

Но если ты думаешь, что это выдумка с моей стороны, то больше у меня ничего нет.

Я не стану злиться, если ты не согласишься.

На твоём месте я бы уже требовал деньги назад и слал парочку проклятий.

Разумеется, мы с тобой разные, поэтому, может быть, тебе удастся взглянуть на это по-другому, Мистер Бич магического общества.

Эл-Меллой II: Это прозвище совсем неуместно.

Эл-Меллой II: В любом случае, спасибо за доклад. Похоже, что ситуация становится хуже, чем я думал.

Флю: И не говори. Я думал, что хуже того кратера в пустыне уже не будет, но нет, весь город кошмарит не по-детски по пару раз на день.

Флю: Ладно, с какой стати здесь так много Героических душ?

Флю: Местная земля может похвастаться хорошими духовными жилами, но, судя по тому, что я слышал, с теми, что в Фуюки, они всё равно не сравнятся. Но несмотря на это, Героических душ здесь призывали больше, чем обычно, - бессмыслица какая-то.

Эль-Меллой II: Вероятно, они разжигают пламя.

Флю: Чего?

Эль-Меллой II: Первые несколько призванных Героических душ использовали в качестве катализаторов, чтобы намеренно породить возмущения в духовных жилах и временно привлечь магическую энергию откуда-то ещё с американских земель. Это весьма радикальная мера, как, например, наносить урон собственному телу, чтобы стимулировать иммунитет.

Флю: Значит, чтобы призвать семерых Призраков прошлого, они призывали и принесли в жертву шесть других? Использовали этих безумных Призраков в качестве катализаторов, как какую-то куриную кровь? Тебе не кажется, что в это, мягко говоря, сложно поверить?

Эль-Меллой II: Чтобы привести в движение семь маятников, они, вероятно, ударили по ним... ещё пятью или шестью. Обычно, это привело бы к движению равносильное количество маятников, как в колыбели Ньютона, но тем, кто стоит за преобразованием этой земли, просто нужно приложить достаточно силы, чтобы

толкнуть седьмой маятник. Теперь, когда первые Героические души отслужили своё, их, вероятно, со временем впитает земля, чтобы сохранить баланс.

Флю: Мне это не нравится. Я не до конца поверил в то, что ты сказал, но готов поспорить, что тот парень в золотых доспехах – в самом деле аккадский Король героев. Едва я посмотрел на его звезду с помощью заклинания предвидения, у меня закружилась голова, и мне показалось, что мои мозги вот-вот в кашу сварятся. Они точно из ума выжили, раз используют такое существо не для насыщения Грааля, а в качестве какой-то растопки для печи.

Эль-Меллой II: Именно. Здравой идеей это никак не назовёшь вне зависимости от того, говорим мы о магах или же об обычных людях, не имеющих отношения к таинствам. Такие методы говорят о том, что они относятся с презрением к таинствам как к таковым. Вот кого нужно называть «бичом».

Флю: И это говорит тот, кто анализирует магию через соцсеть, пусть даже в личной переписке.

Эль-Меллой II: На сегодняшний день мало кто из магов занимается спиритическим взломом. Большинство предпочитает связь по старинке, с помощью магии. В любом методе есть свои риски, но, учитывая пределы моих способностей, этот, вероятно, самый безопасный. Даже если наши сообщения перехватят и прочтут, любой обычный человек сочтёт их просто какой-то шуткой, а от тех, кто уже на нашей стороне, их можно и не прятать. Фактически, чем более серьёзно любой нормальный маг относится к сокрытию таинств, тем с большим рвением он будет пытаться стереть эти бредовые отчёты, избавляя нас от лишних хлопот.

Флю: Разве магам не наплевать на такие разговоры?

Эль-Меллой II: Ну, ещё пара лет, и всё изменится. Карманные устройства, называемые «смартфонами», которые не так давно начали появляться на рынке, вероятно, станут достаточно популярными, чтобы оказать влияние даже на магическое общество. Опасность того, что кто-то запечатлеет таинство на фото или видео, увеличится, и способы сохранения секретности придётся менять. Всё вполне может закончиться тем, что проще будет распускать ложные слухи и называть все новости подделкой. Поэтому-то я и хочу, чтобы такой неоправданно масштабный ритуал создавал дыры.

Флю: Ты, как всегда, много болтаешь. Или уместнее будет сказать «печатаешь». Поверить не могу, что ты способен настроичить такую портянку текста всего за минуту. Ты, часом, не задействуешь во всей этой писанине какую-то магию, которую я не могу уловить?

Эль-Меллой II: Ты меня переоцениваешь. Просто игры, в которые я играю веселья ради, требуют умения быстро обмениваться большими объёмами информации.

Эль-Меллой II: К тому же я никогда бы не смог внедрить формулу такого высокого уровня, что даже ты бы не заметил. Всё же даже в онлайн-переписке манера речи не меняется.

Флю: Я к такому не привык. А в использовании настоящего имени в качестве ника вообще-то нет ничего хорошего. Отстойно будет оступиться и проклинать самого себя.

Флю: В общем я поошиваюсь здесь ещё немного и свалю, когда запахнет жареным. Все, кто пытается покинуть город, попадают под какое-то странное проклятие и возвращаются обратно, ведомые чужой волей. Но я сделаю толкование и найду место, где воздействие этого проклятия слабее всего.

Эль-Меллой II: Прости. Я искренне благодарен за то, что ты уже был в городе.

Эль-Меллой II: Я смог связаться с одним из зачинщиков – начальником полиции – и заключить временный союз, однако мне удалось выведать у него лишь частичную информацию. Судя по тому, что он мне рассказал, скорее всего, его тоже известили далеко не обо всём. Поэтому твои объективные донесения очень полезны.

Флю: О, я прибыл сюда только потому, что рассчитывал получить хорошую работёнку. Наёмник, владеющий магией, должен реагировать быстро, чтобы прокормить себя. Теперь ты у меня в долгу, и это моё самое прибыльное решение. Ты меня очень выручил, правда.

Флю: Кстати... никто из Лордов не собирается сюда заявиться? Это я так, просто интересуюсь.

Эль-Меллой II: Нет, не заявятся. Старик Руфлеус из школы спиритуализма уехал из Часовой башни по делам, к тому же он не из тех, кто лично появляется на месте событий. Также если что-то там пойдёт не так, он лишь пожмёт плечами и скажет что-нибудь, вроде «всё просто подошло к своему естественному завершению». Однако стоит сказать, что он испытывает интерес к Призракам прошлого.

Флю: Хорошо. Мне достаточно знать, что в город не нагрянет ещё больше опасных личностей. Здесь и без того столько народу моей профессии, что мне надо быть осторожнее, чтобы не раскрыть себя.

Флю: Кстати говоря, один из моих коллег, успевший заработать себе имя в Азии, по всей видимости, стал одним из Мастеров. Он, конечно, зелёный ещё в сравнении с настоящими профи... но недостаток в магической энергии он компенсирует невероятными навыками выживания. Он словно марионетка какая-то.

Зовут парня Сигма. Лучше передай своему ученику, пусть держится от него подальше.

Эль-Меллой II: Спасибо за предупреждение.

Эль-Меллой II: Я уже жалею о том, что не рассказал Флату о том, какой опасной может быть Война за Святой Грааль.

Флю: Немного обидно прозвучало, учитывая, что я приехал сюда, чтобы подзаработать.

Эль-Меллой II: Прошу прощения. Я не хотел тебя обидеть.

Флю: Да знаю я, Ваше Лордство.

Флю: Мне тут нужно кое с чем разобраться, так что я отключаюсь.

Флю: И ещё кое-что. Я тут гадал по звёздам, и результат получился довольно-таки странным. Я включил это в свой доклад.

Флю: Я выйду на связь, если что узнаю, так что не забудь про прибавку к моей оплате.

Флю вышел из сети.

×

×

Сноуфилд. Здание мэрии.

— А теперь... хвастаться, конечно, хорошо, но всё выходит из-под контроля.

Главная улица Сноуфилда была перекрыта и буквально сочилась безграничной магической энергией.

Одиноким мужчиной в здании мэрии пожал плечами, наблюдая за улицей - фактически главной артерией Сноуфилда, где располагались городская больница и полицейский участок.

Мужчина, до сего момента переписывавшийся со своим «клиентом», Лордом Эль-Меллоем II, Лордом Часовой башни, в закрытом чате, молча поднял взгляд к звёздам, светившим за окном.

«Всё же мистер Эль-Меллой, похоже, был довольно сильно взбешён».

Да, ему не удалось обнаружить ничего, похожего на проклятие, среди строк текста в чате. Однако он смог ощутить бурлящий гнев в человеке, известном как Эль-Меллой II.

«Нет, его разозлило не то, что кто-то осмелился баловаться с магическим таинством, словно с какой-то игрушкой. Может, он злится, потому что кто-то посмел осквернить то, что принадлежало ему?»

«В самом деле... он совсем не ведёт себя так, как подобает магу, но при этом раскрывает чужую магию. Вероятно, он уже нашёл способ разобрать по полочкам в своей голове всё это месиво, которое называют ритуалом».

— Я бы не побоялся помериться с ним магией, но никогда бы не рискнул выступить против него как маг. Думаю, эта чрезмерная специализация и делает его одним из двенадцати лучших в Часовой башне.

Крепко скроенный мужчина со струящейся бородой пробежался пальцами по куфии, которая выглядела не к месту в центре города, вдали от пустыни, и бросил взгляд на безлюдную главную улицу из окна пустого здания мэрии.

— Что ж, мне лучше действовать как разведчик, пока я ещё могу видеть звёзды из этого города.

Его звали Флюгер.

Он был владеющим магией наёмником и астрологом, которого окрестили «убийцей учителя».

Он узнал об этой Войне за Святой Грааль и прибыл сюда в целом не ради прямой денежной прибыли, а, скорее, чтобы предложить свои услуги самым разным магам и расширить личную сеть связей. Однако, едва узнав, что в войну была вовлечена семья Складио, печально известная даже среди дилетантов в магии, он решил довольствоваться наблюдением со стороны. Именно тогда с ним связался один знакомый Лорд из Часовой башни, и он тотчас же согласился на его просьбу провести расследование.

— Да, знамения звёзд были расплывчатыми, и я знал, что награда будет высокой в соответствии с риском, но может ли награда вообще быть достаточно высокой?

Флю вздохнул, затем, усмехнувшись, сказал себе, что отступать уже поздно, извлёк из кармана несколько кинжалов и подбросил их в воздух.

Ведите меня
— Lead me.

Описав в воздухе дуги, клинки замерли на равном расстоянии друг от друга, после чего начали активно вонзаться в пол вокруг Флюгера, словно в каждом из них проснулась собственная воля.

Несмотря на то, что пол был вымощен каменными плитами, кинжалы с лёгкостью вошли в него на половину от своей длины.

Флю ударил кулаком по центру магического круга, образованного их остриями, и высвободил свою магическую энергию, наладив контакт между землёй и небом.

Ведите меня сейчас же
— Lead me now.

Кинжалы пришли в движение, рассекая пол, словно акульки плавники, затем взмыли в воздух вопреки силе притяжения и вновь принялись парить вокруг Флюгера. Их острия задрожали, словно стрелки компаса, и начали останавливаться одно за другим. Все они указывали в разные стороны.

Несколько кинжалов, однако, продолжали бешено вращаться, словно угодив в возмущения магнитного поля, и явно не намеревались останавливаться.

— Героических душ стало меньше? Нет...

Флюгер только что использовал магию, чтобы прочесть поток судьбы с помощью астрологии и определить направления, в которых находились Героические души, и расстояние до них, что, естественно, не являлось частью этого мира.

Если Героическая душа была уничтожена, то связанный с ней кинжал должен был просто упасть на пол. Однако несколько кинжалов продолжали парить в воздухе и энергично вращаться, словно сообщая противоречивую информацию: Героические души продолжали существовать, но находились будто бы нигде.

— Да ладно... Я же просто разведчик... не собираюсь я вмешиваться в судьбу, а разгадывать тайны – это больше по части того профессора из Часовой башни. И всё же...

Он вновь посмотрел в окно. Лучи солнечного света, которые начали освещать улицу, явили взору следы недавних разрушений.

— Что же здесь произошло после?

Всё выглядело так, словно только по этой улице прошлось стихийное бедствие. Куски ограждения, окружавшего больницу, и останки припаркованных машин усеивали разодранный асфальт. Должно быть, были повреждены трубы, поскольку из нескольких глубоких «ран» в земле хлестали струи воды.

Можно было сказать, что в сравнении с кратером в пустыне урон был не таким уж серьёзным, но было очевидно, что разрушения посреди густонаселённого города ударят по умам местных жителей гораздо сильнее, чем бедствие в какой-нибудь глуши. В действительности они, скорее всего, свяжут это со взрывом в пустыне и другими загадочными феноменами.

Однако владеющего магией астролога, нанятого в качестве разведчика Лордом Эль-Меллом II, беспокоило другое.

А именно то, что среди всех этих обломков, где наверняка отгремела яростная битва, не осталось ни единого трупа или капли крови – словно отсюда исторгли саму сущность жизни.

×

×

Часовая башня.

— Вы в порядке, учитель?

— Да, всё нормально, — ответил Лорд Эль-Меллой II своей ученице, умудряясь одновременно хмурить бровь и выглядеть измождённым.

Ученица, понимая, что он просто не подаёт виду, и чувствуя, что ей нужно что-то сделать, чтобы облегчить тревогу её учителя, озвучила предложение:

— Вы не думали связаться с мисс Тосакой? Она участвовала в Войне за Святой Грааль и поэтому может подсказать Флату, как выжить.

— Это не поможет. Я и сам могу давать ему советы, исходя из собственного опыта. К тому же теперь, когда война изменилась так сильно, её информация в силу

глубокой вовлечённости в ритуал в Фуюки на поверку может принести больше вреда, чем пользы.

— ...

— Кроме того, если я всё расскажу этой леди, она вполне может устремиться прямиком в Америку. Свену или другим выпускникам я тоже ещё ничего не сказал. Я не могу осознанно послать своих подопечных навстречу опасности, даже если они уже отучились.

Рука Эль-Меллоя II вместо одной из его фирменных сигар сжимала телефон. Он совершил несколько вызовов, пока разговаривал со своей ученицей, но человек на другом конце провода всё никак не брал трубку.

Он нарисовал в уме лицо того, кому он звонил – самого старшего из его учеников, до сих пор не выпустившегося Флата Эскардоса – и проворчал, глядя на телефон, который уже несколько часов не принимал ответных звонков:

— Этот идиот... если выяснится, что он просто дрыхнет, я его век не прощу.

Несмотря на эти слова, его тон говорил о том, что он горячо надеялся, что так оно и было.

×

×

«Наш следующий репортаж: Урагану, который внезапно образовался на западном побережье, присвоили имя не из обычного списка ввиду его беспрецедентного поведения...»

Глава 14

«Золото и львы I»

Несколько часов назад.

Главная улица, рядом с центральной больницей Сноуфилда.

Зрелище походило на нечто сказочное.

Однако под словом «сказочное» подразумевались не какие-нибудь райские кущи. Нет, скорее, оно напоминало битву богов или ад, воцарившийся на Земле.

Берсеркер, Джек-Потрошитель, превратился в более чем две сотни демонов.

Их всеподавляющее превосходство уничтожило трёхголового демонического пса «истинного» Арчера, назвавшегося Алкидом, и, казалось бы, угрожало сломить и саму Героическую душу... но затем та самая сила, что позволяла ему стать демоном – духовная основа, называемаяся ^{Реинкарнация Пандоры} Благородным Фантазмом – была полностью украдена Фантазмом Алкида, Узурпатором божественного ветра.

Фантазм, крадущий чужие Фантазмы.

Его сила отвергала здравый смысл. С её помощью Алкид обрёл гротескную мощь.

Избавившись от Джека, он поднял своё оружие, чтобы убить офицеров полиции, стоявших на его пути.

Но затем появился другой Арчер – первый из всех героев, облачённый в золотые доспехи.

Дальнейшее появление Сэйбера, чьи светлые волосы с красными прядями шевелил ветер, и его группы низвергло ситуацию по спирали в ещё большее смятение.

— Ого, какой сюрприз. Это «Слуги» вообще или какие-то твари из преисподней? — спросил Сэйбер, Ричард I «Львиное сердце», темноволосого юношу за его спиной. Ситуацию явно никак нельзя было назвать нормальной, к тому же любой его неверный шаг мог стоить бессчётного множества внезапных смертей, но Сэйбер оставался спокоен, словно говоря, что здесь ему было самое место.

Темноволосый юноша – Сигма, самопровозглашённый Мастер «Лансера Чаплина» - который пусть и по-своему, но тоже явно неправильно воспринял преобладающее настроение, ответил как ни в чём не бывало:

— Мне сказали, что в Войне за Святой Грааль города Фуюки появлялись и Антигерои. Если верить моей нанимательнице, подобного рода существ порой можно призвать, если соблюдены определённые условия.

— Вот как. Ну, Грааль может даже *фей* призвать, так что неудивительно. Появись тут баньши или нечто подобное, я бы с удовольствием на это взглянул, чтобы вспомнить старые деньки, но с этим противником, похоже, в сторонке не посидишь.

Сэйбер окинул взглядом Героическую душу, принявшую демонический облик, после чего посмотрел вверх.

— То же самое можно сказать и про вон того стилиягу.

Над ними стоял человек, закованный в золотую броню, который излучал могущественную ауру.

— Знай своё место, шавка, — с недовольством сказала Сэйберу Героическая душа, взиравшая на улицу с высоты церковной колокольни. — Кто позволил тебе смотреть на меня?

Надменность.

Пожалуй, это слово прекрасно описывало его манеру речи.

Однако Сэйбер тотчас же осознал, что это было не высокомерие. В его словах он смог уловить то, что его тем не менее сочли достойным того, чтобы даровать разрешение.

Золотая Героическая душа возвышалась над ним.

Демонический лучник возвышался перед ним.

«Этот стилияга тоже Арчер?»

«Понятно. Раз тут два Арчера, то это явно не обычная Война за Грааль».

Похоже, что, как и предупреждал его Лансер, которого он встретил в лесу, эта Война за Святой Грааль была далека от того, чтобы называться нормальной.

Несмотря на это, знания, которые он получил от Грааля, относились к «правильной» Войне за Святой Грааль. Вероятно, это что-то значило.

Но в данный момент у Ричарда не было времени думать о таких сложных вопросах.

Золотая Героическая душа, возможно, значительно превосходила его. По силе своей духовной основы она могла сравниться с тем прекрасным Лансером, которого Ричард встретил в лесу. Одного взгляда было достаточно, чтобы сказать, что в открытом бою у Сэйбера не было бы ни единого шанса на победу.

То же можно было сказать и про гротескного лучника с демоническими рогами на голове, с которым он разговаривал до этого. Эта Героическая душа была также безнадежно сильнее, чем он.

Духовная основа Ричарда напряглась и упорно принялась сообщать об опасности. Предупреждение пришло от фрагментов, которых нельзя было назвать в полной мере Героическими душами, сопровождавших Ричарда благодаря его Благородному Фантазму.

— Хочешь погибнуть зазря? Отступай, пока не поздно, — убийца Локсли, стрелок Пьер и другие фрагменты духовных основ продолжали хладнокровно трубить тревогу.

Он также ощущал духовные основы безразличного с виду мечника и мага, которые лишь едва заметно улыбались, но сам Сэйбер был сосредоточен на невероятно могучих противниках. Его глаза сияли.

— Сердце позволило мне. Сомневаюсь, что когда-либо буду взирать на тебя сверху, но я полагаю, что ты легендарная Героическая душа, достойная того, чтобы смотреть на тебя снизу-вверх. Король, если судить по твоим манерам. Не каждый

день встречаешь того, кто заслуживает уважения одним лишь своим видом. Я знаю своё место и потому благодарен за то, что могу быть сегодня здесь.

— Шавка. Ты намерен возносить мне хвалы с такими глазами? Мне не нужна благодарность. Я ничего тебе не позволял, — бесстрастно произнесла Героическая душа в золотых доспехах, не меняясь в лице. — Исчезни с глаз моих.

При этих словах пространство за спиной Героической души исказилось, и из дыр в воздухе показались бесчисленные орудия. Они пришли в движение с явным намерением убить Сэйбера, на что тот широко раскрыл глаза в изумлении.

Словно стрелы, выпущенные из луков, бесчисленные орудия, окутанные магической энергией, сравнимой с мощью Благородных Фантазмов, устремились туда, где стоял Сэйбер.

Сигма, должно быть, почувствовал опасность заранее, поскольку уже отступил в переулок рядом с церковью.

Сэйбер, оставшись один, замешкался на мгновение, но затем произнёс, словно наконец-то понял ситуацию:

— А-а, сказав «исчезни с глаз моих», ты имел в виду «исчезни из этого мира»!

Он обнажил свой меч с радостной улыбкой.

— Ха-ха! Ну и чудак же ты!

Это был незаточенный декоративный меч, украшавший стены особняка в районе болот, в котором Сигма организовал свою оперативную базу. Однако Сэйберу достаточно было обхватить рукоять, чтобы превратить украшение в надёжное оружие.

Меч сверкнул и начал сбивать в воздухе орудия, что летели из-за спины золотой Героической души.

Но несмотря на это, меч смог сбить лишь несколько из них – в сравнении с дюжинами Благородных Фантазмов, дождём обрушивавшихся на Сэйбера, это была капля в море.

Золотой герой, по всей видимости, был убеждён, что этого должно хватить, и вновь обратил своё внимание на чудовищного Арчера.

Тот, однако, повернулся к Ричарду. Выражение его лица нельзя было различить из-за странной ткани. Инстинкты Героической души тотчас же предупредили Ричарда о том, что его оценивали с неизвестной целью, но у него не было времени об этом думать. Менее, чем через секунду, бесчисленные орудия обрушатся на него всем скопом.

Ричард прыгнул, снова взмахнув мечом, и протанцевал через небольшую брешь в смертоносном потоке, которая осталась после нескольких сбитых им орудий. Он уклонился от натиска, будучи в волоске от гибели, но орудия вонзились в землю вокруг него, дробя асфальт. Вывороченная земля стала новой угрозой Ричарду, дождём посыпавшись туда, где он стоял.

Однако Ричарда там уже не было.

— Вот оно что, я всё понял! Значит, столь отличные клинки несут разрушения, даже просто вонзившись в землю! — воскликнул Ричард, двигаясь с невероятной

скоростью и схватив один из Благородных Фантазмов, погрузившихся в землю – оружие в форме длинного меча. — Что за великолепное мастерство! Я просто держу его в руке, а чувство такое, будто у меня за спиной целая армия! И я говорю не только про количество магической энергии, что он содержит; эта искусная работа, эта форма, эта структура! Ясно как божий день, что даже его скромные украшения одновременно просты и совершенны! Если каждое из этих орудий создано самой планетой, то они образуют как истоки вод, так и плодородные земли! Эй! Слушай! Это же просто чудесно! Все эти орудия – произведения искусства?! И ты разбрасываешься ими, словно мусором?! Ты махараджа что ли? Скажу честно и со всем уважением: ты великолепен, и я тебе завидую!

Несмотря на то, что Ричард только что избежал атаки, которая, попади она в цель, несомненно стала бы для него смертельной, его глаза сияли, как у ребёнка. Его внезапная пламенная речь привлекла к нему озадаченные взгляды офицеров полиции, которые всеми силами старались держаться в стороне и перегруппироваться.

Следующие же слова Ричарда те, кто знал золотую Героическую душу, сочли бы чистой воды самоубийством.

— Скажи! Раз уж у тебя их так много... можно одолжить парочку?

×

×

Внутри церкви.

— Как он может улыбаться в такой ситуации?

Самая большая церковь Сноуфилда стояла через дорогу от больницы. Эти слова пробормотала женщина, наблюдавшая за происходящим на улице, затаив дыхание.

— И? — эхом разнёсся из-за её спины угрюмый мужской голос. — Судя по Вашему взгляду, мисс... могу я предположить, что Вы – Мастер Сэйбера?

Услышав слова священника, присланного Святой Церковью наблюдать за этой Войной за Святой Грааль, Ханзы Сервантеса, молодая светловолосая женщина, смотревшая в окно, Аяка Садзё, быстро взглянула в его сторону и покачала головой.

— Я... не Мастер.

— Да? Но я чувствую, что вас связывает канал магической энергии. Разве Вы здесь не затем, чтобы получить убежище?

— Нет... Сэйбер сказал, что здесь безопаснее всего, вот я и пришла, — грубо ответила Аяка. В словах её чувствовался самый минимум учтивости к обителю священника. Не особо расстроившись, Ханза присоединился к ней у окна и продолжил:

— Печально слышать. Это место должно быть убежищем. Я не могу позволить, чтобы люди относились к нему, как к сторожевой башне или окопу. Ну да ладно, ерунда. Используй всё, что можешь, - такова суть войны. Особенно войны между магами.

Ханза слегка сместил своё внимание вверх и расстроено вздохнул:

— Похоже, что Героическая душа забралась на крышу. Серьёзно, эта священная церковь для него ничего не значит?

×

×

— Я счёл тебя надоедливой мошкой, а ты, оказывается, бессовестный нищий.

Герой на крыше церкви, похоже, впервые заинтересовался Ричардом. Он не только обратил на него взор, но и голову повернул в его сторону.

В глазах золотой Героической души читалась скорее жалость, нежели гнев. Ричард же оставался невозмутимым.

— Полагаю, грубо было с моей стороны просить тебя отдать их мне! В таком случае я с радостью их куплю, если цена кусаться не будет! — ответил он своему противнику, упорно продолжая держаться непринуждённо. — Но, увидев такие сокровища, я попросту не могу сдержать те чувства, что они у меня вызывают! Да я бы устремился в бой, взяв их с собой полную охапку, если бы мог! Учитывая твой упреждающий удар, рискну предположить, что мы с тобой уже воюем, но ради такого великолепного оружия я хочу всё сделать как подобает вне зависимости от обстоятельств! Я хотел бы брать на время столько этих орудий, сколько захочу, пока мы сражаемся! Как тебе такое?

— А ты не из робкого десятка, раз смеешь шутить со мной так, да ещё и берёшь мои сокровища, шавка! — нахмурился золотой Арчер. — И всё же ты, похоже, сумел оценить их великолепие, прежде чем яркий блеск затуманил твой разум. В качестве награды я разрешаю тебе пятнать мои сокровища твоей кровью. Прими моё благоволение с радостью.

К тому времени, как его речь подошла к концу, он уже начал действовать и выпустил дюжины орудий из брешей в воздухе. Они безжалостно обрушились дождём на Ричарда, сжимавшего в руках новый меч, который он «одолжил», и клинок, с которым явился сюда.

На этот раз орудий было больше, и двигались они чуть быстрее, чем при предыдущей атаке.

Ричард ловко проскользнул между ними, ступая по кускам асфальта, которые они выдирали из земли, и с их помощью взмыл высоко вверх.

— Раз уж эта шутка может стоить мне жизни, у меня есть к тебе ещё одна просьба!

Затем, завертевшись, словно акробат, он разразился серией тяжёлых ударов.

— Мне не нужна кровь на твоих орудиях.

— Ха...

— Я хочу хотя бы поцарапать твою великолепную броню.

Уклонившись от роя смертоносных ударов, Ричард изменил направление прямо в воздухе.

Причём сделал он это без всякой опоры под ногами.

Несмотря на то, что это наверняка стоило ему немалых усилий, он изогнулся ещё сильнее, добавляя силы своему вращению, чтобы его меч смог достичь противника.

Увидев это, Героическая душа, не переставая хмуриться, тоже взяла в руки меч.

— Значит, ты, обычный гладиатор, используешь магию!

Золотой Арчер отразил практически внезапный удар и спустился с часовни на крышу церкви, свирепо глядя на Ричарда, который сжимал в руках одно из его сокровищ.

Он не потерял самообладания, а сказанные им слова не вырвались из него гневным выкриком. Нет, тон его остался прежним, принадлежащим человеку, отчитывающему другого за отсутствие манер.

— Нет, это был не я.

Ричард рассудил, что спустить золотую Героическую душу вниз у него не получится, и вновь поднял свои мечи, вызывая улыбаясь своему противнику.

— Так, небольшая *шутка* от моей свиты.

×

×

— А он быстрый...

Гротескный лучник, Алкид, держался на расстоянии и спокойным, даже хладнокровным взглядом, который противоречил его дикой внешности, наблюдал за новым соперником и его возможностями.

В ловкости он, возможно, мог сравниться с той амазонкой-Райдер верхом на скакуне.

Алкид не чувствовал в нём ничего божественного, и это говорило о том, что эта Героическая душа при жизни была чистокровным человеком.

Его скорость, однако, превосходила пределы человеческих возможностей, а окружавшая его магическая энергия была очень странной и не принадлежала ни человеку, ни божеству.

«Он не настолько силён, чтобы у меня похолодела кровь от ужаса. Но исключительно в скорости он меня, может, даже превосходит. В зависимости от того, какой у него Благородный Фантазм, к нему следует относиться с осторожностью».

Затем Алкид вспомнил силу, похожую на магическую энергию, которая исходила от тела Сэйбера.

«Совсем как... у наяд, похитивших моего слугу Гелея...»

Он уже был готов извлечь воспоминания о временах после того, как он покинул аргонатов, из глубин своей духовной основы, но ему пришлось отвлечься от этого потока мыслей.

Окружавшие его офицеры полиции вновь построились и явно были готовы возобновить свой натиск.

— Хмф... Я должен принести свои извинения за то, что сосредоточился на других врагах в разгар нашего с вами противостояния.

— Значит, отступить ты не намерен? — спросил один из офицеров.

Алкид покачал головой.

— Как у вас есть те, кого вы должны защищать, так и у меня есть то, что я должен выкрасть. Нам не нужно понимать друг друга. Если найдётся тот, кому будут по душе мои намерения, то такой злодей тоже станет моим врагом.

Он уничтожит тех, кто будет ему противостоять.

Тех, кто попытается заключить с ним перемирие, он тоже убьёт без жалости.

Это звучало в высшей степени неразумно, но Алкид продолжил, словно испытывая офицеров полиции:

— Я собираюсь оборвать жизнь дитя, не способного постичь мои мотивы. После этого мне не будет до вас никакого дела. Бросит ли кто-нибудь из вас это дитя, чтобы спасти собственную шкуру?

Задав этот вопрос, он сжал свой лук.

Просто сжал, даже тетиву натягивать не стал.

Но несмотря на это, если бы он внезапно взмахнул им, то офицеры полиции понесли бы потери.

И неважно, какого качества были Благородные Фантазмы в их руках.

Героическая душа, стоявшая перед ними, была выше всего этого.

У всех полицейских тряслись ноги, но ни один из них не побежал, спасаясь бегством. Они даже взгляд не отвели.

Нельзя было сказать, что они не боялись. Некоторые сдерживали слёзы и изо всех сил старались не стучать зубами. Будь это обычная миссия, они бы временно отступили.

Но они понимали.

Если они отступят, то всему настанет конец.

Никто не придёт на помощь, чтобы обезвредить этого ужасного преступника – ни тяжеловооружённый отряд для борьбы с беспорядками, ни национальная гвардия. А если бы и пришли, то в бою с ним вряд ли были бы полезнее, чем они, вооружённые Благородными Фантазмами.

Они были лучшими.

И они были здесь, потому что являлись лучшими пешками, которые полиция как организация могла предложить.

Они не могли сказать, было ли это внушение со стороны их начальника или же рутинная служба, которая успела проникнуть в самое их естество.

У их отряда, несущего название «Клан Калатин», было лишь заверение их начальника.

«Вы – правосудие во плоти».

Только эти слова их и поддерживали.

Но для тех, кто в них верил, эти слова были заклинанием или, возможно, благословением, определяющим их действия и судьбу.

И сильнее всех в них верил молодой офицер полиции, который стоял на поле боя несмотря на потерю правой кисти.

×

×

Орландо Рив, начальник полиции Сноуфилда, был одним из управляющих – или, можно сказать, зачинщиков – «Фальшивой Войны за Святой Грааль».

Что касалось обычных жителей города, то одного из его подчинённых, Джона Вингарда, можно было назвать образцовым офицером полиции.

Когда он был уже достаточно взрослый для того, чтобы понять, что произошло, он увидел по телевизору смерть своей матери.

Отец Джона быстро погасил экран, чтобы оградить сына от объятого огнём зрелища, но те секунды бушующего пламени оставили неизгладимый след в разуме ребёнка.

Его мать была полицейской, получившей множество похвал и наград за свои достижения. Джон помнил, как его обычно бесстрастный отец рассказывал ему, тогда ещё совсем мальчику, на ночь истории о его матери, чтобы он перестал плакать.

Когда он вспоминал об этом, это казалось ему каким-то проклятием.

С тех самых пор Джон преследовал тень своей матери, которую едва помнил.

Ему не сказали, что его отец был магом, даже когда он вступил в ряды полиции.

Джон был третьим сыном, и главой семьи должен был стать его старший брат, поэтому к нему относились как к замене брату, если с тем вдруг что-то случится. По всей видимости, отец Джона скрывал свою истинную суть даже от его матери, но похоже, что в верхах правительства Соединённых Штатов или, скорее, в конкретных ведомствах, имевших дело с магией, знали о его существовании.

Когда дело касалось таинств, ни одна нация, какой бы могущественной она ни была, не могла сравниться со Святой Церковью или Ассоциацией магов. По этой причине Джона вызвали на один полицейский объект и сообщили о его происхождении. Судя по всему, его отец уже дал на это согласие. Джона попросту продали государству на условии, что его отец, исключённый из Ассоциации магов, получит от государства финансовую поддержку.

Джон пребывал в смятении, но когда ему самому удалось впервые воспользоваться магией, то его скептицизм исчез и ему пришлось принять реальность.

Он ощутил страх.

Если такая сила существовала на самом деле, тогда в скольких расследованиях её использовали, чтобы всё скрыть? В скольких нераскрытых делах была замешана магия? Сколько невинных людей было несправедливо осуждено из-за ложной информации?

Он понимал концепцию сокрытия таинства. Однако чего он не мог понять, так это идеи жертвования другими ради этого сокрытия.

Для магов это было само собой разумеющимся, но Джон воспитывался как обычный человек. И когда его обуревала злость на эту неразумную природу магического общества, с ним заговорил Орландо Рив.

— Когда еретики вершат зло, нужны другие еретики, чтобы держать их в узде.

Орландо заполучил Джона в своё подчинение и приписал к отряду под своим прямым командованием, после чего молодого офицера полиции перевели в Сноуфилд, где он узнал шокирующую истину.

«Этот город скоро станет полем битвы для магов. Теперь, когда в дело вступило правительство, предотвратить это нельзя».

«Мы могли бы выступить против правительства, но это будет даже не безрассудство, а самое настоящее безумие».

«Поэтому наш долг – продолжать поддерживать порядок, пока всё это будет происходить. Мы должны доказать всем магам, что граница между обычным миром и магическим под защитой».

«Никогда не забывай: если мы потерпим неудачу, то ценой за это в худшем случае будет потеря восьмисот тысяч людских жизней».

Он согласился далеко не со всем, что сказал начальник полиции.

Он даже попытался отказаться от этого плана, уверенный в том, что ни одно правительство не может быть настолько жестоким.

Но чем больше он узнавал о нём, тем больше понимал, что ничьи усилия не смогут всё изменить вовремя. И постепенно он поверил, что предложенная начальником линия поведения была наиболее рациональной.

Они возьмут под контроль ход Войны за Святой Грааль и локализуют ситуацию, прежде чем будет нанесён вред мирным жителям.

Джон верил, что если у них всё получится, то это послужит доказательством.

Если у них хватит сил сдержать Героические души, сильнейших фамильяров, то тогда они станут серьёзной угрозой для магов одним лишь своим присутствием в городе, и те дважды подумают, прежде чем предпринимать что-либо.

Джон не понимал, что подобного рода здравый смысл никогда не остановит монстров, коими являлись маги. Для магов, которые даже собственную жизнь расценивали как средство для достижения Истока, «угроза», состоящая только из огромной силы, была лишь хорошим предметом для наблюдения. Джон не воспитывался как маг и поэтому даже не подозревал, на какие ухищрения шли Ассоциация магов и Святая Церковь – стражи таинств в полном смысле этих слов – чтобы раскинуть свои корни по всему миру.

И было ещё кое-что, чего он не понимал.

Каким бы удивительным оружием он ни владел, как бы он ни оттачивал свои магию, тело и разум... существовали ужасающие монстры, которые могли обратить всё это в ничто.

Джон осознал это в тот момент, когда монстр, известный как «Мёртвый Апостол» и назвавшийся Джестером Картуром, отнял у него правую кисть.

Он полностью лишился её, когда Мёртвый Апостол «съел» её в ходе нападения на полицейский участок, случившегося днём ранее. Но благодаря тому, что его сторонник Кастер – Александр Дюма – снабдил его новой искусственной кистью, начальник полиции нехотя дал ему разрешение вернуться к службе.

Ему позволили выступать лишь в качестве поддержки для остальных членов Клана Калатин и запретили появляться в первых рядах... но их построение было быстро сломлено, а различия между передними и задними рядами стёрлись. Половина из порядка тридцати офицеров полиции, вооружённых Благородными Фантазмами, получили ранения и потеряли способность передвигаться должным образом. Теперь, когда Джек-Потрошитель отступил, оставшиеся боеспособные члены отряда могли в лучшем случае поддерживать хоть какое-то построение и были не в состоянии дать нормальный отпор врагу.

Также они не ожидали, что ещё одна Героическая душа, информацию о которой они получили заранее, Гильгамеш, Король героев, присоединится к битве.

В данный момент он сражался с недавно прибывшим Сэйбером, но стиль боя Короля героев был одновременно странным и прямолинейным. Он вынуждал противников сдаться с помощью силы подавляющего количества. Они слышали про его вылетающие без разбора прямо из воздуха Благородные Фантазмы, но теперь, увидев это воочию, они могли лишь с глупым видом наблюдать за битвой, позволяя каждой её секунде огнём запечатлеваться на сетчатках глаз.

Джон даже задумался на секунду: может, они вели бой с гротескным лучником только затем, чтобы избежать мощи Короля героев? Но Героическая душа, что стояла перед ними, была ничуть не менее опасна, поэтому он отбросил эту бессмысленную догадку.

— Я собираюсь оборвать жизнь дитя, не способного постичь мои мотивы. После этого мне не будет до вас никакого дела. Бросит ли кто-нибудь из вас это дитя, чтобы спасти собственную шкуру? — мрачно поинтересовался лучник.

Они не обязаны были отвечать ему... но Джон открыл рот, прежде чем понял, что делает.

— Если бы кто-нибудь из нас так поступил, я бы не стал смеяться и не был бы разочарован. Однако это не значит, что я могу позволить тебе творить всё, что вздумается.

— О? Значит, бежать ты не собираешься?

— Если бы я сохранял хладнокровие и думал наперёд, то захотел бы сбежать. Сомневаюсь, что мне удастся сразить тебя, как бы я ни старался... Но я боюсь бросить ребёнка в обмен на будущее и холодную голову.

Однако гротескный лучник, услышав этот ответ и окинув Джона внимательным взглядом, сделал странное заявление:

— В тебе есть отвага, сын человека. Я не стану называть тебя безрассудным. *Мне тебя жаль.*

— ?..

— Нет... — сказал лучник озадаченному полицейскому. — Это не твоя забота.
В следующий миг он оказался прямо перед Джоном.
— Что?..

Это движение казалось мгновенным, но оно было достигнуто не с помощью скорости, которую даровала физическая сила, а благодаря использованию бреши в их внимании. Движение послужило доказательством тому, что гротескный лучник полагался не только на физическую силу, но также обладал навыками, полученными посредством сверхчеловеческих тренировок. Джон, однако, не впал от этого в отчаяние.

У него попросту не было времени оценить разницу в силе, потому что массивный лук врезался в его шею.

Затем, даже не успев понять, что с ним произошло, и доказать, что он может сражаться с помощью искусственной кисти, которую дал ему Дюма... Джон Вингард полетел в сторону со сломанной шеей и с громким треском пробил стеклянные входные двери больницы.

×

×

Даже когда несчастный офицер полиции был готов расстаться с жизнью, дуэль между Ричардом и золотым героем продолжала разворачиваться на крыше церкви.

Арчер не прекращал безжалостные серии атак, всё так же сохраняя при этом спокойствие. Тем не менее он бросил пытливый взгляд на Ричарда, который продолжал уклоняться от шквала его Благородных Фантазмов, и сказал ему, не теряя своей напыщенности:

— Я разрешаю тебе ответить на мои вопросы, шавка.

— Для меня это честь.

Он ослабил свои атаки, но в глазах его противника не было ни самодовольства, ни тщеславия.

Ричард отчётливо видел, что попытка воспользоваться моментом и броситься вперёд приведёт лишь к ответному тяжёлому удару. И поэтому он решил остановиться на мгновение и выслушать своего противника.

— Ты уже бывал в подобной ситуации, не так ли? Это видно по тому, как ты уклоняешься.

— Ну да, — пожав плечами, ответил Ричард. — Я вчера испытал нечто подобное на своей шкуре. Только всё было по-другому.

— Что стало с твоим противником?

— Мы подружились. Наши Мастера... ну, поставщики энергии, скажем так, похоже, тоже поладили.

Ричард поправил себя, потому что Аяка всё ещё отказывалась признавать себя Мастером, но его противнику, похоже, было всё равно, потому что он никак на это не отреагировал. Однако Ричард не заметил, что при словах «мы подружились» веки

золотого Арчера дрогнули от удивления. Как бы то ни было, от Ричарда не ускользнуло то, что его настроение изменилось.

До сих пор он «избавлялся от наглого вредителя». Теперь же, однако, его враждебность немного поутихла, и в воздухе повисла совсем другая атмосфера. Точно такой же Ричард окружал себя при жизни, но его нынешнему воплощению с этим не повезло.

— Вот как... может, он и мой друг, но с другими он всё так же мягок, — произнёс золотой герой с кривой улыбкой. Его слова озадачили Ричарда, у которого появилось нехорошее предчувствие.

— Что?

«Мой друг... Я уже где-то это слышал».

Днём ранее, если точно. Когда он предложил союз Героической душе, которую встретил в обширном лесу.

«Видишь ли, этому моему лучшему другу довольно сложно угодить. Всякий раз, когда я пытаюсь подружиться с кем-нибудь или заключить союз, он говорит что-нибудь, вроде «Я испытаю тебя и решу, достоин ли ты моего друга», и разгоняет всех желающих своими непомерными требованиями».

Тут Ричард заметил, что ситуация изменилась, и пространство вокруг него начало искажаться.

«Ой, похоже, что я сейчас умру, да?»

Окружённый со всех сторон выпускающими Благородные Фантазмы искажениями в воздухе, Ричард ощутил «смерть» каждым дюймом своего тела.

Как и сказал Лансер в лесу, золотая Героическая душа обратилась к нему:

— Я испытаю тебя и решу, достоин ли ты моего друга.

— Да ладно, то, что кто-то может увести у тебя друга, ещё не...

Ричард хотел было пошутить, но осёкся.

Его нельзя было назвать недогадливым. Одного взгляда на выражение лица Арчера было достаточно, чтобы сказать ему, что его противником не могла двигать алчность, ревность или какая-либо другая вульгарная эмоция.

— Прошу, забудь, что я сказал. Это было незрело с моей стороны.

— Ты вовремя остановился. Хвалю. Если бы ты закончил то предложение, то я бы снял твою голову с плеч и покончил бы со всем этим, даже не став тебя испытывать.

Затем золотой герой обратился к Ричарду не как король, не как воин, не как Героическая душа, а как судья.

— Обстоятельства изменились. Внемли мне, шавка, теперь в моих глазах ты не отброс общества, а «искатель», достойный моего суда. Если выживешь – станешь моим другом союзником и мне «врагом».

— И когда этот момент наступит, я разрешу тебе вновь запятнать своей кровью мои соколовища, но уже как «человеку». Прими эту честь и возрадуйся.

— _____
Щёлк, щёлк, тук.

Россыпь звуков эхом раздавалась во мраке разума мужчины.

Шепчущие голоса, смешанные со звуками столкновения твёрдых предметов, едва ощутимо вибрировали в барабанных перепонках Джона.

Металлические звуки, которые не желали прекращаться, даже когда раздавались голоса, казались грубыми, но Джон слышал в них некое музыкальное изящество.

— Где я?..

Он медленно поднялся.

Странно, но боли не было, однако все другие ощущения были расплывчатыми. Лишь запах щекотал его разум – аппетитный запах, включавший в себя ароматы фруктового ликёра и сливочного масла.

И тогда Джон осознал, что он находился в ресторане. Тёплый оранжевый свет заполнял воздух, но этот свет не был электрическим; он исходил от пламени свечей.

За чрезмерно длинным столом, озаряемым этими свечами, он заметил мужчину, окружённого женщинами сногшибательной красоты, которые весело болтали, то и дело подливая вина в бокал мужчины.

— Э-э-э... я...

Когда Джон попытался заговорить с людьми вокруг стола, мужчина изящно вытер рот салфеткой и затем лениво повернулся к нему.

— Эй, привет. Вижу, ты проснулся.

— Что?.. Мистер Дю... Кастер?!

Это был Александр Дюма, Кастер, который заключил контракт с начальником полиции и который был хорошо знаком Джону и другим членам Клана Калатин. Только волосы его топорщились гораздо сильнее, да и выглядел он немного крупнее, чем при их встрече в его мастерской.

— Эм, что я здесь делаю?.. Где остальные?

В этот момент Джон осознал, что Дюма смотрел вовсе не на него.

— Что?

Джон попытался прикоснуться к свече, но его ладонь прошла сквозь неё. И это было ещё не всё – красивая женщина, несущая еду, также прошла сквозь него, словно он был призраком. И тут Джон понял, что *он не существовал в этом месте*.

Его недолгие магические тренировки, должно быть, принесли плоды, поскольку он заметил, что это был не обычный сон, а какое-то мистическое явление.

— Расслабься. Это ресторан. Причём ресторан первоклассный, так что води себя смирно. Неважно, друзья мы или враги, пока что предлагаю выслушать меня.

Поначалу казалось, что Дюма говорил с Джоном, но его слова на самом деле были обращены к кому-то, стоявшему сзади и немного в стороне от него.

Джон всё ещё пребывал в замешательстве, но взял себя в руки и медленно развернулся.

За его спиной... стоял раненый человек.

Часть его тела была замотана бинтами, местами запятнанными сочащейся кровью. Но бинты, как белые, так и побагровевшие от крови, быстро вытеснило общее впечатление от этого человека.

Чёрный цвет.

Чернота плаща этого человека будто выражала цвет его души.

Кожа его была болезненно-бледной, а волосы едва ли можно было назвать тёмными. Должно быть, он угодил в какую-то серьёзную передрагу, поскольку несмотря то, что под плащом виднелась хорошая и дорогая одежда, присущая дворянину, сам плащ был весь обожжён. И всё же Джон не мог отделаться от ощущения, что чернота плаща была истинной природой этого человека.

Пока Джон мешкал, человек в чёрном продолжал настороженно смотреть на Дюма, не говоря ни слова.

— Ладно, беру свои слова назад. Умирать мне точно не хочется, так что лучше мне выразиться чётко и ясно: я тебе не враг. Потому что иначе ты бы уже плыл прямиком в ад. Я не прав? Учитывая «врагов», от которых ты избавился, тебе бы повезло, если бы путёвка в ад была худшей вещью, что ты заслуживаешь.

Взяв в руку стоявший рядом графин, Дюма налил в стакан воды.

— В общем, ладно, выпей. Если хочешь, чтобы кто проверил, не отравлено ли, я с радостью это сделаю.

В ответ на это человек в чёрном произнёс, не теряя бдительности:

— Кто ты такой?.. Ты... знаешь обо мне?..

— Ага, можно и так сказать. Напрямую я не замешан, но так уж получилось, что я узнал о тебе. О том, что ты сделал, и о том, что пытаешься сделать сейчас.

Тёмный человек медленно поднялся на ноги, настороженный как никогда. Дюма протянул ему стакан с водой и кивнул на место за столом напротив себя, словно испытывая его:

— Присаживайся. Не пристало графу стоять вот так.

— ...

— Или лучше называть тебя по-другому?

И тогда Дюма произнёс имя, которое служило этому человеку как фасадом, так и его естеством.

— Эдмон Дантес. Хорошее имя. На бумаге будет здорово смотреться, знаешь ли.

— Хотя «Граф Монте-Кристо» будет для романа названием получше.

Центральный Сноуфилд.

— Суда, значит? — спросил Ричард у мужчины, стоявшего вместе с ним на крыше, и поднял меч. — Вот оно как. Я думал, что ты Арчер, но... твой класс, часом, не Рулер?

Пользуясь знаниями, которые ему даровал Грааль, Ричард упомянул дополнительный класс.

Однако золотой герой презрительно рассмеялся.

— Глупец. Рулер в Войне за Святой Грааль – всего лишь беспристрастный инструмент, что судит по стандартам мира. В моих же суждениях нет ничего непредвзятого. Путь, который я прошёл, и богатства, которые я скопил в сокровищнице, будут инструментами для твоего суда.

Столкнувшись с Героической душой, которая демонстративно заявила, что все правила находились в её руках, Ричард радостно улыбнулся и кивнул:

— Глупец? Меня часто так называют.

Ричард вздохнул, положив меч на плечо и взглянув вниз на дорогу.

— Я вообще пришёл сюда, потому что услышал, что стражи этого города собрались найти Героическую душу, разносящую загадочную чуму, и подумал, что, может, смогу чем-нибудь помочь. Что ж, полагаю, такие неожиданные встречи в Войне за Святой Грааль всегда заканчиваются боем.

— Не притворяйся, шавка, — презрительно усмехнулся его противник. — На что тебе сетовать? Ты наслаждаешься этой ситуацией больше, чем кто-либо.

— ...

Вместо ответа Ричард блеснул бесстрашной улыбкой и тоже задал вопрос золотому Арчеру:

— Знаешь... твой друг назвал эту чуму «чёрным проклятием». Те стражи собрались здесь, чтобы что-нибудь с этим сделать, я прав? Уверен, что не хочешь им помочь? Мы всегда можем заключить союз.

Ожидая ответ, Ричард, настойчиво называвший офицеров полиции «стражами», вспомнил, что сказал ему его союзник Лансер – что «если проклятие смешается с грязью», случится «катастрофа».

Однако Арчер продолжал смотреть на Ричарда, всё так же сложив руки на груди.

— Ты про это дерзкое заклинание? Я уничтожу его, когда оно явит себя. Тебе никак не изменить этот исход. Да, оно стало помехой, но избавление от источника проклятия положит ему конец.

— Понятно. Это правда, что я здесь недавно и ещё не совсем в курсе всего, но похоже, что твой «суд» потребует всех моих усилий, да? — поинтересовался Ричард о своём текущем положении, хрустнув шеей. — Ведь на весах не только моя жизнь, но и мои прошлое и будущее. Не так ли?

— Довольно болтовни. Неужели ты глупец, которому надо всё объяснять?

Услышав эти необоснованные слова золотого Слуги, Ричард криво усмехнулся.

— Вот как. Это я могу принять. Значит, мы уже на поле боя, где на кону стоит выживание.

Затем Львиное сердце стремительно начал действовать, сказав при этом следующие слова:

— Договорились. Сочту слова, которыми мы обменялись, *боевыми кличами...* и *начну своё вторжение.*

Едва он шагнул вперёд, искажения в воздухе вокруг него начали сиять. Затем, словно звёзды, упавшие все разом с ночного неба, бесчисленные Благородные Фантазмы дождём обрушились на Сноуфилд.

Ричард прыгнул в сторону крыши здания рядом с церковью, спасаясь от «суда», приближавшегося к нему со всех сторон. Это была одновременно бесконечная серия ударов и одна-единственная непрекращающаяся атака. Смерть наступала отовсюду, и ей не было конца.

Но Ричард не был зверем, чтобы позволить убить себя так просто. В конце концов, он являлся Героической душой, воплотившейся в классе Сэйбер, «лучшем» из семи.

Представ перед судом непостижимого золотого Слуги, Ричард начал высвобождать собственную силу героя с духовной основой короля. Дождь из Благородных Фантазмов продолжал падать на него. Одни летели быстро, другие – медленно. Проложив себе путь между ними, Ричард оказался на крыше.

Благородные Фантазмы продолжали свой натиск.

Ричард пнул один из них и изогнулся, уклоняясь от ударов, пролетевших в волоске от него.

Его движения были слишком грубыми, чтобы их можно было назвать акробатическими, и слишком изящными, чтобы считаться боевыми. Он метнулся прямо в центр приближающейся волны ударов, каждый из которых мог стать для него смертельным, и, воплощая свои слова в жизнь, использовал свою ошеломляющую скорость, чтобы начать *вторжение* на эту территорию смерти.

Ричард поднял меч и, изогнув своё тело, изо всех сил нанёс удар снизу-вверх. Сияние дуги, оставшейся после его взмаха, полумесяцем пронеслось сквозь наседающие клинки и прорезало для него новый путь для нанесения удара.

Но даже так любое неправильное движение стоило бы ему жизни.

Он со сверхчеловеческой скоростью начал идти по этой тонкой линии между жизнью и смертью и пробормотал, чтобы скорее ободрить себя, нежели обращаясь к кому-то:

— Может, у меня и не так много качеств, которые могут сравниться с твоими.

Он словно заключал договор с самим собой.

— Но...

— В плане скорости ты мне не ровня.

×

×

Отель-казино «Кристал Хилл». Верхний этаж.

Тина Челк.

Мастер Гильгамеша, Короля героев, и девочка, относившаяся к нему с искренним почтением.

Она была жрицей, которую «создавали» на протяжении целых поколений, чтобы отомстить за её народ.

Хранители земли владели силой, обретённой в результате долгого и непрерывного процесса наследования, не принадлежа при этом Церкви. Давление как со стороны мира магии, так и из-за его пределов, оказываемое бесчисленными магами и кликой власть имущих, поставило их на колени. Чтобы однажды вернуть себе свои владения, они буквально *отдали себя* земле, которая продолжала их защищать.

Они внедряли Магические метки в тела своих новорожденных детей.

С помощью этих узоров, принцип нанесения которых слегка отличался от методов, используемых в западной магии, они насильно связывали Магические цепи детей с духовными жилами земли и растили их в качестве мистических «катализаторов».

Это было желание.

Это было чудо.

Это был крик.

Это была цепь.

Это была жертва.

Это было... плотно уложенное проклятие, доведённое до совершенства десятками тысяч жизней.

Действия магов, некогда управлявших этой землёй, были аналогичны заключению с нею контракта. Крайне простое и чистое проклятие под названием «контракт».

Если они покинут пределы духовных жил этой земли, то погибнут.

Взамен, связав духовные жилы со своими жизнями, они могли использовать могущественную магию с непревзойдённой эффективностью даже без произношения арий.

Они вынуждали землю увеличивать их Магические цепи и передавали их своим детям.

Даже Тина Челк была рождена в качестве жертвы следующему поколению. Она была механизмом для передачи своих генов и метки наследнику после перенесённых страданий.

У неё было двенадцать старших братьев и девять старших сестёр, но земля *вобрала их всех*.

После жертв, принесённых для того, чтобы объединить её человеческие Магические цепи с духовными жилами земли, тело Тины наконец-то обрело способность владеть магией лучше, чем её отец. Судьбой ей было уготовано сделать то же самое с будущими детьми следующего поколения, будь то сыновья или дочери... но Война за Святой Грааль изменила эту судьбу.

Причина, по которой маги украли эту землю у предков Тины.

Расхитители были на грани воплощения своего самого сокровенного желания.

Защитники земли возвысили Тину, начали обучать боевой магии и рассказывать ей о Войне за Святой Грааль.

Всё для того, чтобы сделать Тину Челк Мастером в этой войне.

Да, они почитали её как своего вождя. Некоторые были против, но их в племени было меньшинство.

В то же время они понимали, что, будучи вождём, которого надо уважать, девочка также была жертвой, которая отдаст свою жизнь ради достижения их цели – что она была катализатором, который они должны использовать, чтобы осуществить «возврат земли», проклятье их народа.

Но она не была жалкой марионеткой, ведомой её людьми. Она вступила в эту Войну за Святой Грааль, готовая расстаться с жизнью. Если что ею и управляло, то это была не воля её народа, а само унаследованное предназначение.

Поскольку она была ещё очень юна, Тина Челк смирилась с тем, что будет жить как *проклятие* против магов-захватчиков.

Но сейчас Тина могла лишь пристально следить за разворачивающейся сценой с широко раскрытыми глазами, запечатлевая в памяти каждую секунду.

Благородные Фантазмы падали дождём, словно метеоры.

Орудия продолжали разрезать бесчувственный воздух. Каждое из них было окутано маной, напоминавшей об Эпохе богов.

Тина использовала заклинание дальновидения, чтобы наблюдать за событиями на земле с высоты верхнего этажа отеля-казино «Кристал Хилл». Достаточно было бы просто улучшить зрение и непосредственно следить за происходящим на улице, однако характер Тины, её присущая магам способность чувствовать опасность, а также инстинкты её вида, пробуждённые каналом, связывающим её с Героической душой, - всё это отвергало саму идею смотреть на её Слугу, Короля героев Гильгамеша, свысока.

Будь Тина опытным магом, она бы сделала это без всяких колебаний. Да, скорее всего, тем самым она бы вызвала у Короля героев крайнее недовольство, но это уже другое дело.

Она гадала, можно ли было даже наблюдение за ним через фамильяра счесть неуважением, но он стерпел, когда она смотрела на его битву с Энкиду издалека, поэтому Тина рассудила, что тем самым ещё не переступила черту.

«Что и следовало ожидать от господина Гильгамеша. Тот другой Арчер – несомненно, серьёзный противник, но я уверена, что господин Гильгамеш гораздо сильнее. Этот бедный Сэйбер уже должен быть...»

Но затем Тина ахнула. В том образе, что она видела с помощью заклинания... Сэйбер был всё ещё жив. И даже начинал давать отпор Королю героев.

— Во имя земли нашей... кто эта Героическая душа?..

Сэйбер.

Класс, который считался лучшим в Войне за Святой Грааль.

Согласно информации, собранной подчинёнными Тины, если судить по реликвии, которую решили использовать в качестве катализатора, можно было предположить, что зачинщики, скорее всего, намеревались призвать короля Артура. Также она получила информацию о том, что маги Куруока, которые также внесли свою лепту в замысел зачинщиков, раздобыли в материковом Китае реликвию, связанную с Цинь Шихуанди, однако Тина была не в состоянии предсказать, в каком классе он бы воплотился.

Как бы там ни было, Тина не намеревалась красть эти катализаторы.

Реликвии, принадлежащие магам-зачинщикам этой Войны за Святой Грааль было бы непросто забрать. Кроме того, когда Тина узнала, что на этой земле появился кто-то, владеющий катализатором для призыва Гильгамеша, то сразу же решила, что Слугой, которого она должна призвать, и королём, которому она должна служить, будет не кто иной, как сам Король героев, по легендам первый из всех правителей.

Даже воочию узрев необычайных Слуг вроде другого Арчера – человека, назвавшегося Алкидом – и всадницы, царицы амазонок, Тина не сомневалась, что в конечном итоге победит именно Король героев. Вот какие благоговение, гордость и царственность, что склонит перед собой всех и вся, внушала ей магическая энергия канала, связывавшего её с Гильгамешем.

Тот Лансер, которого Король героев назвал «другом», вероятно, был единственным, кто мог бросить ему вызов. В таком случае, как ей казалось, всем прочим, кто стоял на его пути к этой последней схватке, было суждено пасть и оказаться на обочине этой войны.

Она отмахнулась от информации вроде той, что класс Сэйбер считался «лучшим», сочтя её лишь примерным предположением, и всё же...

— Как быстро...

Тине Челк пришлось осознать, что раз уж класс Сэйбер называли лучшим, то в каждом Сэйбере должно быть что-то «выдающееся». Она не знала, был ли это король Артур, как она предполагала, или же какая-то совершенно другая Героическая душа. Даже судя по тому, что она могла разглядеть с помощью заклинания дальновидения, духовная основа Сэйбера не могла сравниться с таковой у Короля героев или Алкида. Она решила, что он был примерно на одном уровне с царицей амазонок, назвавшейся Ипполитой, или, может, чуть выше.

Однако этот Сэйбер был всё ещё жив, несмотря на яростный натиск из Врат Вавилона Гильгамеша. Он не отражал каждый удар, как Лансер, которого Гильгамеш

назвал своим другом, и не принимал их все на себя, как Алкид, который в данный момент был занят офицерами полиции. Нет, Сэйбер просто уклонялся от смертоносного дождя из орудий. Время от времени меч в его руке вспыхивал и отбивал несколько Благородных Фантазмов, но он сводил эти свои атаки к необходимому минимуму.

Если бы он лишь убегал, то Тина смогла бы это понять, но самое странное были то, что действия Сэйбера явно были «наступательными», а не наоборот.

— Не может быть...

Капля пота пробежала через бровь Тины, пока она наблюдала за тем, как Сэйбер постепенно приближался к Гильгамешу.

— Он... становится всё быстрее?..

×

×

Сквер за церковью.

Юноша, прятавшийся в тени деревьев скверика, Флат Эскардос, наблюдал на сражением, развернувшимся на крыше церкви и соседних зданий.

— Ого... Атаки золотого совсем уж нечестные! — прокричал он. — Но парень, который уворачивается от них, ничуть не лучше! Он словно раз за разом прожимает уклонение, отменяя каждое своё движение! **(Имеется в виду прерывание анимации персонажа в видеоиграх, характерное преимущественно для жанров «слэшер», «файтинг» и «приключенческий экшен». Под прерыванием анимации подразумевается определённое действие (как правило, уворот), которое позволяет прекратить анимацию уже начатого движения, чтобы вовремя отреагировать на действия противника или же воздействие игрового окружения, - прим. перев.)**

— Твои улыбки всегда... такие бесчувственные... — раздалось телепатическое ворчание Слуги Флата, Джека-Потрошителя, который вновь принял форму наручных часов.

Благородный Фантазм Джека, Берсеркера, заключившего контракт с Флатом, был украден Алкидом. Сказать, что Фантазм составлял половину его духовной основы, не было бы преувеличением, и в результате его потери Джек получил чрезвычайный урон. Он принял форму неодушевлённого предмета, чтобы свести к минимуму потребление магической энергии, но...

— Ну что, тоже присоединимся?

— А ты в состоянии, Дже... Берсеркер?

— Даже если нет, ты ведь всё равно найдёшь предлог, чтобы пойти и помочь полицейским, верно? Наше знакомство нельзя назвать долгим, но я уже довольно хорошо представляю, как ты ведёшь себя.

— Блин... Я что, похож на героя? — смущённо произнёс Флат.

— Вероятно, нет, — последовал телепатический ответ Героической души в форме часов. — Но, если отбросить в сторону концепции добра и зла, твой

профессор пытается закончить то, что начал, не так ли? Я ожидаю, что ты, как его студент, будешь следовать его примеру.

— Подловил, Джек. Ты мысли мои читаешь что ли?

— Нужно быть до ужаса недогадливым, чтобы не заметить это. Ты не настолько глуп, чтобы бросаться вперёд сломя голову без всякого плана, но любой твой план с высокой долей вероятности может оказаться в высшей степени глупым. Придётся мне тебя направлять.

— Да не волнуйся ты, мой план – вернуться домой живым! Я ведь должен показать тебя всем!

— А причины получше у тебя не нашлось?

Джек наслаждался этой абсурдной беседой, но он в ней словно был раненым человеком, который тем самым пытался отвлечься от боли.

— Ладно, неважно. Ты хорош скорее в поддержке, чем в грубой и грязной работе. Поэтому поддерживай других, а я буду поддерживать тебя.

— Думаю, ты прав...

Флат намеренно не стал спрашивать, в состоянии ли был Джек вести бой. Для него было очевидно, что Джек серьёзно ослаб. Потеря концепции под названием Благородный Фантазм серьёзно дестабилизировала его духовную основу.

Вместо этого Флат задал другой вопрос:

— Если мы победим того парня, твоя духовная основа станет прежней?

— Не спрашивай то, на что уже знаешь ответ. Ты ведь сам всё видишь, не так ли?

— Да... Судя по всему, духовные основы уже стали одним целым. Они словно полностью слились в какую-то дико жуткую штуковину, похожую на грязь... Интересно, что это такое...

— Да. Даже если мы её уничтожим, эта сила, вероятно, ко мне уже не вернётся. По крайней мере, пока я не буду развоплощён и заново призван из Трона.

— Но, — удручённо ответил Флат, — тогда Дже... Берсеркер потеряет последние воспоминания. Всё сбросится. Ты будешь уже другим, разве нет?

— Можешь называть меня Джеком, теперь я не против. Я раскрыл свои Благородные Фантазмы, рассказал о своих деяниях, так что моё настоящее имя уже ни для кого не секрет... Мои воспоминания будут записаны в Троне, но если другого меня призовут как часть Войны за Святой Грааль, то он не будет ими обладать. Впрочем, всё может быть иначе при определённых - или лучше сказать «аномальных» - условиях.

— Да, я знаю. Профессор всё ещё хочет увидеть кого-то вновь, несмотря на это, но...

— Ах да... твой учитель ведь ветеран Войны за Святой Грааль, верно?

Они продолжали беседовать, словно вокруг не происходило ничего необычного, несмотря на то, что в воздухе летали Благородные Фантазмы золотой Героической души. Возможно, Флат от природы был таким, или, может быть, он просто проявлял учтивость по отношению к Джеку. Сам же Джек осознал, что если

он не будет поддерживать своё здравомыслие, продолжая беседу, то его духовная основа может оказаться под угрозой.

— *И всё же мы не можем просто стоять здесь и бить баклуши. Если отступление не в наших планах, тогда нам нужно что-то сделать, чтобы остановить эту ставшую демоном Героическую душу.*

— Было бы здорово, если бы он сцепился с тем золотым парнем и куда-нибудь отчалил, но...

— *Твой учитель предупреждал, чтобы ты держался подальше от этого золотого Арчера. Теперь я понимаю, почему. Он просто сущее бедствие для всех без исключения. Нам нужно действовать незаметно.*

Они начали обдумывать, как им поскорее вернуться в бой и поддержать полицейский отряд.

Только вот на раздумья у них едва ли было время. Дело было не только в том, что они не знали, когда шальной снаряд от битвы между Арчером и Сэйбером может прилететь в их сторону, но и в том, что офицерам полиции вряд ли удастся долго продержаться против Героической души, с которой они сражались.

— Может, используем ещё одно командное заклинание, усилим тебя и позаботимся о девочке в больнице?

— *Согласно информации, полученной от начальника полиции, мозг девочки подвержен неизвестной болезни. Я бы не стал вызволять её без помощи полицейских. Риск заразить других людей должен быть невелик, но если мы сами попытаемся вытащить девочку без поддержки офицеров полиции, то её тело может не выдержать. Кроме того, по плану мы должны были укрыть её здесь, но ты только посмотри, в каком церковь теперь состоянии.*

Флат бросил взгляд на церковь, на крыше которой вальяжно возвышалась фигура золотого Арчера.

— Тогда, может, изолируем её каким-нибудь барьером и сделаем невидимой? Я узнал много самых разных приёмов сокрытия, когда был с профессором в какой-то гробнице не так давно!

— *В таком случае лучник, укравший мою силу, просто снесёт больницу целиком. Для него это, вероятно, будет проще простого... Подожди.*

— Что?

— *Мы не одни,* — предупредил Флата Джек, прекратив разговор.

Флат переключил внимание на своё окружение и увидел фигуру, возникшую рядом с деревьями, под которыми они прятались. Едва Флат, зарегистрированный посредством ритуала Мастер, взглянул на фигуру, он сразу же понял, что это существо, как и Джек, было Героической душой. В то же время он осознал, что этот Слуга не годился для схватки.

Джек тотчас же принял форму огромного волка и угрожающе гавкнул в сторону незваного гостя.

— Попрошу не двигаться! Кто ты такой?

— Ого! Ты что, превратился в Ле Шьена, Джек?!

Флат выкрикнул какое-то имя, но Джек не ответил, продолжая пристально следить за приближавшимся к ним мужчиной.

Его волосы были коротко подстрижены, а одежда пусть и выглядела старинной, но была качественной и элегантно сшитой. Он не создавал впечатление бойца, но и на мага или всадника тоже не был похож.

— Судя по твоему одеянию, рискну предположить, что ты из Франции примерно двухсотлетней давности?

Джек принял форму волка, основываясь на слухах о том, что Джек-Потрошитель на самом деле был животным. Его вопрос сочился враждебностью и угрозой, свойственными зверю.

Человек остановился в десяти метрах от них и ответил, пожав плечами:

— Эй, тебя никто не учил не судить книгу по обложке? Я же не сужу тебя по внешности, знаешь ли. Я бы даже не удивился, если бы ты сказал, что любишь мадлены из Коммерси... Ну, наверное.

— О-о-о, мадлены из Коммерси, вкуснотища, не правда ли?! — быстро отозвался Флат, не теряя бдительности.

— О? Раз уж ты знаешь, о чём я, значит, Коммерси всё ещё знаменит своей выпечкой? — произнёс мужчина.

— Ещё бы! Мой друг из Франции всегда привозит их в качестве сувениров для профессора и друзей!

— Да ладно? Вот бы попробовать один и узнать, изменился ли их вкус с тех времён, когда я был ещё жив. Ой, кажется, я только что проболтался о том, что я из Франции, что, собственно, и видно по моей одежде. Ну да чёрт с этим, сущая ерунда в сравнении со вкусом мадленов.

Загадочный человек и Флат принялись обсуждать французские коммуны в атмосфере дружеской беседы.

Метеоритный дождь из Благородных Фантазмов продолжал рассекать небо над их головами. Джек, стоявший рядом с ними в форме огромного волка, с тревожным видом обратился к Флату:

— Эй, сейчас не время болтать. Кто знает, сколько ещё смогут продержаться полицейские...

— Даже не знаю, что о тебе думать, парень, — внезапно улыбнувшись, произнёс мужчина. Его настроение изменилось. — То, как ты позволил втянуть себя в разговор о сладостях, незаметно сплетая при этом заклинание, достойно настоящего мага. Но при этом, уже закончив заклинание, ты всё равно продолжаешь говорить о сладостях. Ну какой маг так делает, а?

Услышав это, Джек изумлённо взглянул на Флата, который явно пребывал в замешательстве.

— Чего? А, ну я приготовил его на всякий случай, вдруг ты окажешься врагом, к тому же опасным. Но раз уж ты не враг, то и приводить его в действие стало бы пустой тратой магической энергии. Да и по отношению к тебе было бы нечестно, не так ли?

— ...

Мужчина молча окинул его взглядом, после чего весело произнёс:

— Парень... *что ты такое?*

— А?.. Ой, ты хочешь, чтобы я представился! Я Флат! Полное имя не скажу, не хочу становиться жертвой проклятий, да и оно всё равно слишком уж длинное. Но обычно я представляюсь как Флат Эскардос! Я Мастер Берсеркера!

— Я не это имел в виду, ну да ладно. К тому же не думаю, что тебе стоит говорить незнакомцам даже о том, что у тебя есть ещё и полное имя. Ну, раз уж ты представился, будет честно с моей стороны сделать то же самое.

— Тоже представишься?.. — с подозрением спросил Джек. — Ты, Слуга, скажешь своё имя нам, участникам Войны за Святой Грааль?

— Не хочу слышать это от того, кто своей болтовнёй и Благородными Фантазмами всё равно что орал на всю улицу «Я Джек-Потрошитель». Впрочем, я слышал, что ты орудовал уже после того, как меня закопали в землю.

— ...

— Мои слабости не изменятся от того, назову я своё имя или нет. Если ты отрубишь мне голову – я умру. Если пронзишь моё сердце – я умру. Утону – умру, изголодаюсь – умру, замёрзну – умру, состарюсь – тоже умру. Видишь? У меня куча слабостей. Какие такие уязвимости может скрывать человек, который даже от простого проклятия защититься не может?

Героическая душа не проявляла враждебности, но, учитывая состояние его духовной основы, Джек не мог рисковать. Он прикрыл собой Флата и продолжил настороженно следить за мужчиной.

— В этом нет никакого смысла. Если ты не враждебен, тогда зачем вступать с нами в контакт?

— Эй, наши Мастера ведь заключили союз, верно? Почему бы нам, Слугам, тоже не поступить так же?

— Понятно... Так *вот* зачем ты здесь. Логично, но...

Мастер, с которым Флат и Джек заключили союз, начальник полиции Сноуфилда, сказал им: «Я не могу раскрыть настоящее имя своего Слуги, но он специализируется на логистической поддержке. Вы никогда не встретитесь с ним лицом к лицу».

Может, они и были временными союзниками, но, учитывая, что в конечном итоге они будут сражаться за Грааль, раскрытие настоящих имён и позволение Слугам вступать друг с другом в контакт сверх меры едва ли было выгодно. Джек видел в этом смысл и поэтому невольно чувствовал, что появление этого Слуги перед ними было чем-то неестественным. И всё же...

— У меня есть свои причины назвать тебе моё имя. Для нормального союза я мало что могу предложить в плане боя. Но, исходя из твоих методов, парень, я решил, что высказать всё напрямую будет лучшим способом всерьёз с тобой задружиться.

Героическая душа с радостным видом пожала плечами, словно говоря, что она была в курсе направленных на неё недоверчивых взглядов, и представилась:

— Я Дюма. И почему-то Кастер.

— Чего?

Флат не смог сдержать скептический ответ. Героическая душа, назвавшаяся Дюма, снова пожала плечами.

— Александр Дюма. Никогда не слышал обо мне что ли?

— Что?!

На этот раз возглас Флата был явно исполнен изумления, после чего он прокричал:

— К-который?!

— В смысле «который»?

— Сильноуший генерал, работавший на Наполеона?! Или его сын, написавший «Трёх мушкетёров» и «Les Mille et Un Fantômes»? (Фр. «Тысяча и один призрак», - прим. перев.) Или, может, его сын, написавший «Даму с камелиями»?!

— Второй. Если не считать «Les Trois Mousquetaires», ты назвал довольно малоизвестные произведения. И всё же я рад, что люди знают работы моего сынишки лучше, чем мои, — произнёс Кастер – Дюма – с самоуничижительным смешком.

— Разумеется, знаю! Я видел «Трёх мушкетёров» как кино, как мультик и даже как кукольное представление! Ого! Ты правда тот самый Дюма?!

— Героическая душа по сути является копией, так что насчёт «того самого» даже не знаю, но если ты спрашиваешь, Дюма ли я, то... *oui*. (Фр. «Да», - прим. перев.) Однако я даже не думал, что мои романы продержатся больше сотни лет. Хорошо это или нет, но, думаю, это показывает, что человеческая природа не так уж сильно изменилась. Но если хочешь восхищаться кем-то, то пускай им лучше будет мой сын. Вот уж у кого действительно талант.

— О, прошу, не говори про себя так, будто ты бездарность! Есть у меня один знакомый выпускник, потомственный книголюб, в семье которого хранится куча оригинальных копий, отпечатанных ещё в твоё время! Ну ничего себе! Это даже круче целой армии, Джек! Вот бы ещё с ним поговорить, узнать как можно больше, но нам первым делом надо полицейских выручить, так что давай попросим его помочь!

— Хм-м. Да, времени у нас очень мало. Как скажешь, Мастер, доверюсь ему пока что, но...

Сказав это, Джек снова принял форму часов и закрепился на запястье Флата.

Дюма внимательно проследил за этим, после чего хихикнул.

— Ценю твою уверенность, но ты же знаешь, что одному мне с этим не совладать, верно? И раз уж ты вопреки ситуации предпочитаешь форму часов, чтобы двигаться как можно меньше, полагаю, твоя духовная основа далеко не в самой лучшей форме.

Взгляд Дюма был прикован к вспышкам света, которые с перерывами доносились с главной улицы по другую сторону церкви. Другие Героические души, похоже, покинули крышу церкви, поэтому сложно было сказать, кто именно был источником этих вспышек или следовавшего за ними громогласного рёва.

— Однако, если ты всё равно хочешь что-нибудь сделать, я могу подсобить.

— Правда?!

— Парень... ведёшь ты себя совсем не как маг... но ты готов бросить свою жизнь в котёл, чтобы получить желаемое?

— Чего?

— Не волнуйся, это не ведьмовской котёл, который срабатывает только тогда, когда ему самому захочется. Нет, это современная навороченная скороварка. Я даже таймер поставлю.

Дюма блеснул бесстрашной улыбкой в сторону Флата и Джека, продолжая свои странные метафоры.

— И что самое важное, готовить буду именно я.

Интерлюдия

「Наёмник, убийца, вампир I」

— Они все такие безрассудные...

На лице Сигмы не отражалось ни следа эмоций, но в его голосе промелькнуло раздражение.

Он был молодым наёмником, владевшим магией и выступавшим на стороне «зачинщиков» Войны за Святой Грааль. Изначально он должен был стать Мастером Лансера, но вместо этого заполучил Героическую душу загадочного класса «Уотчер» и заключил временный союз с Сэйбером и Ассасин, чтобы увеличить свои шансы на выживание.

Он пришёл сюда, чтобы увидеть не только Слугу, с которым заключила контракт коматозная девочка в больнице, но и нацелившиеся на неё другие вражеские фракции, основываясь на информации, предоставленной тенями Уотчера. Он передал то, что узнал от своего Слуги, Сэйберу и Ассасин, прикрывшись тем, что это были «данные от его нанимателей».

Таинственная Героическая душа, судя по всему, видела всё, что происходило в городе.

Сигма оказался втянут в Войну за Святой Грааль, ничего не зная о показателях класса Уотчер и не обладая чёткой целью. До этого все называли его «Солдатом А». Франческа, которая привела его в эту войну, хотела, чтобы он и дальше им оставался, так что в этой ситуации не было ничего удивительного. Но Героическая душа, заключившая контракт с Сигмой, принялась преобразовывать его в нечто особое в этой «Фальшивой Войне за Святой Грааль».

Но даже несмотря на это боевые способности Сигмы не могли сравниться с таковыми у Героической души. Он повидал немало полей сражений, стал опытным наёмником, владеющим магией, но ему, разумеется, никогда прежде не приходилось сражаться с необычайными фамильярами, коими являлись Слуги. Вида атак золотой Героической души было достаточно, чтобы показать ему, насколько он здесь был не к месту.

— Это Гильгамеш, Король героев. Один из первых, — сказал мальчик со змеиным посохом, одна из «теней».

Они были «терминалами» Уотчера, системой, для передачи информации Мастеру. Возможно, они были связаны напрямую с мозгом Сигмы, потому что больше их никто не видел и не слышал.

Сигма думал, что было бы гораздо легче, если бы они были просто галлюцинациями, но предоставляемая ими информация была точной. Вдобавок они рассказывали ему то, о чём он попросту не мог знать, поэтому Сигме пришлось признать, что они действительно были силой Героической души.

— Откровенно говоря, сейчас у тебя нет никаких шансов.

«Это очевидно», — мысленно согласился Сигма с тенью юноши с механическими крыльями за спиной, появившейся вместо мальчика с посохом.

Одного взгляда ему хватило, чтобы понять, что орудия, которые Героическая душа выпускала прямо из воздуха, не были обычными.

С этим противником не получится совладать с помощью магии или современного огнестрельного оружия. Может быть, Сигме удалось бы на мгновение ослепить его световоздушной гранатой, но он сомневался, что это дало бы ему какое-либо преимущество перед Героической душой по имени Гильгамеш.

Может быть, что-нибудь и получилось бы, добейся он идеальной слаженности действий с Сэйбером, но они встретились лишь совсем недавно, да и Мастер Сэйбера – Аяка Садзё – заявила, что не является Мастером в правильном понимании этого слова или даже магом.

Из всего этого можно было сделать вывод, что оставался только один боец, который мог вступить в бой в данной ситуации. Как и Сэйбер с Гильгамешем, она была Героической душой – девушка-Ассасин, стоявшая рядом с ним.

— Что будешь делать?

У него не было чёткого плана. Но если он и дальше будет стоять здесь, не атакуя и не отступая, то лишь погрязнет в этой безжалостной трясине.

Он рассудил, что в таком случае лучше всего будет действовать в соответствии с картами на руках тех, кто его окружал.

— Я собираюсь защитить дитя, — тихо ответила она. — Ты знаешь, где находится её палата?

— Ты всерьёз намерена?.. Тебе же, вероятно, придётся столкнуться либо с демоническим лучником, либо с тем золотым пулемётом.

— Я не пойду напролом. Неприятно это признавать, но из-за моей незрелости мне придётся буквально отдать себя всю ради того, чтобы казнить их. Но даже в этом случае я не уверена, что смогу выжить. Сама я этого не боюсь, но наша цель – спасти дитя.

— Это цель офицеров полиции, а не твоя.

Ассасин в замешательстве посмотрела на Сигму, словно не могла понять его намерений.

Сигма как ни в чём не бывало произнёс:

— Ты никогда не встречалась с этим ребёнком. К тому же вероятность того, что она станет нам врагом или союзником, весьма мала. Получается, что если Героическая душа, связанная с ней контрактом, окажется враждебной, то ты в итоге вступишь в прямое столкновение с противником, сражаться с которым нет нужды. Логично, что никакой выгоды тебе это не принесёт.

— Я и забыла, что в тебе нет веры, — кивнула Ассасин, словно это всё объясняло, после чего посмотрела на Сигму и сказала: — Но выгода есть. Логичная причина.

— Что за причина?..

Сигма сам не знал, зачем он это спросил. Вероятно, лишь из-за того, что он не мог полностью понять, почему Ассасин добровольно хотела вмешаться в трудную ситуацию.

Ассасин без промедления ответила:

— Если мои действия спасут растущее дитя, то большей выгоды я и представить себе не могу.

Сказав это, она беззвучно пришла в движение. Ассасин начала обходными путями подбираться к больнице, осторожно минуя опасные участки на поле боя, в которое превратилась улица. Сигма последовал за ней.

— Что?.. Я не понимаю, — сказал он отчасти самому себе. — Ребёнок или нет, она всё равно совершенно незнакомый тебе человек. Ты ведь даже не знаешь, той же она веры, что и ты.

Если она делала это для того, чтобы обратить девочку в свою веру, то Сигма понял бы это. Но стоило ли рисковать своей жизнью ради спасения ребёнка?

— Меня всё ещё тяготит моя незрелость. Строго говоря, глубоко верующие не думают о выгоде. Они просто живут, слышат голос свыше так же естественно, как и дышат, и выбирают свой путь.

— Я не до конца понимаю общепринятые нормы нравственности, но... разве ты не пытаешься спасти ребёнка в данной ситуации, потому что твоя вера глубока?

Слова Сигмы заставили взрослую фанатичку развернуться и посмотреть на него. Её глаза были полны злости на саму себя и невероятной печали.

— Я не смогла избавиться от своей злобы на небесах. Я не смогла обрести терпимость. Пока мои текущие действия смешаны с желанием спасти других, это всего лишь гордое презрение к судьбе. Из-за этой незрелости мне не позволено идти по пути к горному отшельничеству.

— ...

Они незаметно пересекли главную улицу и подобрались к больнице. Полицейские начали сражаться с лучником, в то время как Сэйбер и другой Арчер – Гильгамеш – тоже были заняты боем друг с другом. Ассасин могла пережить попадание шального снаряда, но только не Сигма. Он использовал магию, чтобы приглушить издаваемые им звуки и усилить своё тело, и старался не отставать от осторожно продвигавшейся вперёд Ассасин, оставаясь при этом на чеку и прислушиваясь к обоим сражениям.

Ассасин же продолжала бесстрастно говорить с Сигмой.

— Но это неважно. Моя незрелость не является причиной бросить дитя на произвол судьбы.

— Понятно...

Сигма слегка опустил взгляд, думая о слове «дитя», и невольно пробормотал:

— Нас никто не спас...

На мгновение Ассасин, почти достигшая обратной стороны больницы, застыла.

Сигма осознал, что именно сорвалось с его языка, и с каменным лицом отвёл глаза от Ассасин. Спустя секунду за его спиной раздался голос одной из «теней» - старика, сказавшего «называть его капитаном».

— Ну ты и сказанул, парень... Совсем идиот? Чем ты думал, когда решил понять, ляпнуть, что «тебя никто не спас», кому-то, кто пытается спасти другого человека?

Ты что, завидуешь тому ребёнку, спящему в больнице? Ты будешь рад, если задержишь её своей хернёй, и та девочка кончит так же плохо, как и ты?

Сигма даже не попытался возразить презрительному голосу.

Отчасти потому, что если бы он ответил голосу, который мог слышать только он, то вызвал бы к себе подозрение со стороны Ассасин. А ещё потому что ему нечего было возразить.

У Сигмы не было ни сильного желания к Граалю, ни причины выживать. Он был наёмником, который продолжал сражаться и дожил до этого момента лишь благодаря смутному «нежеланию умирать».

Учитывая, что это поведение позволило ему продержаться так долго, возможно, это на самом деле являлось одной из его сильных сторон... но точно не то, чем бы он мог гордиться.

Слова Ассасин напомнили ему о детстве - напомнили о том, как человек, сидевший рядом, мог быть лишь бескровной «вещью», которой к ночи уже не станет – поэтому те слова инстинктивно сорвались с его языка.

Почему?

Почему они не обрели спасение?

Почему девочка в больнице будет спасена? Чем она отличалась от них?

Прежде он отмахнулся бы от такого, сказал бы, что это «просто удача». Тогда почему он сказал то, что сказал сейчас? Сигма осознал, что вот-вот потеряет самообладание.

«Нехороший знак. Как для заклинателя, так и для наёмника».

Люди, которые позволяли себе сомневаться, погибали. Он видел, как это происходит, много раз за те годы, что был наёмником.

— Прости, я не должен был говорить тако...

Сигма попытался взять себя в руки, закончив разговор, но Ассасин прервала его, резко развернувшись и посмотрев прямо на него:

— Моя незрелость не позволила мне спасти тебя, когда ты был ребёнком.

— ...

— Я не смогла оказаться рядом и спасти тебя. Это доказательство моей незрелости.

— Ты же Героическая душа, — ответил Сигма на, как ему показалось, необоснованное заявление Ассасин. — Я не знаю, когда ты умерла, но мы существовали в разных веках и местах. Ты не могла спасти меня, когда я был ребёнком.

— Разница во времени и месте мало что значит. В доказательство этому мы с тобой сейчас здесь, *стоим рядом друг с другом*.

С точки зрения Сигмы её слова нельзя было назвать нормальными. Она со всей уверенностью заявила, что если бы её вера была безупречной, то она бы смогла явиться юному Сигме и спасти его.

Будь он сейчас в приподнятом расположении духа, слова Ассасин разозлили бы его.

Если, несмотря на то, что ему не повезло, Сигма избрал бы собственный путь, он мог бы с ней поспорить.

«Я удовлетворён», — сказал бы он. «Но ты не явилась мне, поэтому меня так никто ни разу и не пожалел».

Однако злость так и не пришла. Сигма сам был отчасти согласен с тем, что она сказала.

«А, вот оно что».

«Неужели я... хотел, чтобы меня кто-нибудь спас?»

«Если бы кто-нибудь спас нас тогда... обернулось бы тогда всё по-другому? Я бы обрёл спасение, прежде чем Франческа и прочие разрушили страну... прежде чем все бы умерли... или даже раньше... Если бы моя мать была спасена?..»

«Нет, если бы моя мать обрела спасение, я бы так и не родился».

Сигма молча опустил взгляд, вспоминая подробности своего рождения.

«Если бы ты всех спасла, я не был бы рад или не рад этому... Меня бы вообще не существовало...»

— Довольно интересный взгляд. Кажется, даже комедия такая была.

Ассасин, похоже, смутилась, услышав, как Сигма разговаривает сам с собой.

Сигма ответил на вопрос, который она задала ему до того, как они начали двигаться к больнице.

— Если смотреть отсюда, то Куруока Цубаки – цель полицейских – находится в крайней справа палате на верхнем этаже.

Ассасин выслушала его и едва заметно кивнула.

— Благодарю. Я позабочусь об остальном.

— Подожди.

— ?

Сигма, не меняясь в лице, остановил Ассасин. Он подумал немного и произнёс:

— Я тоже пойду. Не уверен, что у меня хватит сил защитить девочку, но, возможно, я помогу как-нибудь вынести её, избежав заражения.

Если верить информации, полученной от Уотчера, Куруока Цубаки была заражена «патогеном, не передающимся по воздуху», но не было никаких гарантий, что он останется таким и впредь.

В конце концов, с ней была неизвестная Героическая душа. Существовала вероятность, что Слуга мог как-то подействовать на неё и изменить свойства бактерий. С другой стороны, если им удалось бы задружиться с Героической душой, то она стала бы сильным союзником, и переправить Цубаки в безопасное место было бы гораздо проще. А если после полицейским удастся обезвредить Героическую душу, как и планировалось, то тогда он без особых проблем сможет предоставить Фалдеусу удовлетворительный доклад. Сигма на это надеялся.

— Не заставляй себя. Я вынесу её, если возникнет необходимость, — сказала Ассасин Сигме. Похоже, она не ожидала, что он пойдёт с ней до конца.

Однако черноволосый юноша покачал головой.

— Сомневаюсь, что тело девочки выдержит твои передвижения. Она много времени провела в коме. От большой нагрузки её сердце может остановиться.

«Так умер один из моих товарищей, когда я был маленьким».

Но Сигма не стал озвучивать это воспоминание и предложил стратегию:

— Вероятно, мне привычнее обращаться с носилками, чем тебе. Когда мы вытащим её, я скажу об этом тому демоническому лучнику. Тогда он перестанет угрожать больнице.

Если им удастся защитить Цубаки, но больница рухнет, то это будет катастрофа.

— Ого, как интересно. И ради кого ты предложил этот план?

Тень в форме мальчика со змеиным посохом, которая задала этот вопрос, почему-то выглядела довольной.

«Ради кого?..»

— Это не имеет отношения к твоей миссии. Ты сам это сказал не так давно. Тебе с этого нет никакой выгоды. Тогда почему ты пытаешься помочь ей?

«Тень» словно испытывала его.

— О, прошу прощения. Я, может, и тень, но на меня влияет личность, что была у меня при жизни. Вероятно, я выглядел бы иначе, воплотись я как Героическая душа... И всё же мы, тени, обладаем поведением, напоминающим собственную волю. Забудь, Пусть это будет просто шутка от пережитка прошлого, запечатлённого в тени.

Несмотря на слова мальчика со змеиным посохом, Сигма не мог это так просто забыть. В конце концов, Сигма сам *не мог объяснить*, почему он решил пойти с Ассасин.

«Действительно, нехороший знак».

«Почему бы не доверить всё ей и не отступить?»

«Сходить с пути и изменять самому себе смертельно опасно как для мага, так и для заклинателя».

Сигма готов был вот-вот заявить, что он передумал и всё-таки решил отступить, когда...

— Благодарю тебя... — сказала Ассасин, опустив взгляд. Её голос захватил сердце Сигмы. — Ты стремишься делать добро. Ты гораздо более достоин спасения, чем я, запятнанная грехом.

...

«Если скажу сейчас “я ухожу”, то это создаст смертельную брешь. Это уменьшит как мои шансы на успешное выполнение миссии, так и на выживание».

Эта мысль промелькнула в голове Сигмы. Он молча последовал за Ассасин, так ничего и не ответив.

Звуки неистовых схваток Героических душ эхом разносились в ночи.

Обогнув госпиталь, Сигме и Ассасин удалось набрать дистанцию между ними и этим шумом. Убедившись, что рядом никого не было, они проникли на территорию больницы.

Внутри десятиэтажной больницы полицейские-маги предприняли меры, чтобы очистить коридоры от людей, и наложили заклинание сна на стационарное

отделение. Даже медсёстры, работавшие в ночную смену, сейчас спали. Что же касалось пациентов, то для них это как раз было нормальное время сна. Поскольку существовал риск возникновения непредвиденных жертв по причине того, что состояние спящих пациентов могло вдруг ухудшиться, магия была наложена таким образом, чтобы действовать минимально возможное количество времени. Сигма, услышавший это от Уотчера, решил, что может себе позволить немного пошуметь, и предпринял попытку добраться до стен больницы кратчайшим путём. Он начал быстро двигаться через задний двор... но где-то на половине пути Ассасин схватила его за воротник и резко дёрнула в сторону.

— ?!

Не успел он спросить, что она пыталась сделать, как на то место, где он стоял, дождём посыпались они.

Множество кусков металла воткнулось в землю.

Это были извращённые орудия смерти – копья, созданные из бесчисленных скальпелей, ножниц и других острых инструментов, наполовину расплавленных и слитых воедино.

Увидев их, Сигма предположил, что эти «копья» содержали в себе все скальпели, ножницы и косторезы, которые только можно было найти в больнице.

— Именно, парень. Всё это время он собирал острые предметы по всей больнице, — ухмыльнулась вдалеке тень в форме капитана.

— Пришло время второго испытания. Преодолей его и вырасти, парень.

Сигма проигнорировал его и посмотрел в ту сторону, откуда прилетели копья. И...

Там, в районе пятого этажа, перпендикулярно белой стене стоял мужчина.

— !..

Магические цепи Сигмы содрогнулись. Отчасти потому что магическая энергия Ассасин, стоявшей рядом, будто сошла с ума. Но главная причина заключалась в том, что магическая энергия «существа», стоявшего на стене вопреки законам гравитации, была очень неприятной. Или, возможно, дело было не в восприятии Сигмой энергии, а в инстинктах того, кто так долго сражался в шкуре наёмника-заклинателя.

«Это “существо”... плохо дело».

«Тени сказали, что где-то здесь есть кровосос, но это “существо” даже среди них явно одно из сильнейших. Не самое сильное, но на совершенно ином уровне, чем обычный монстр».

«С таким человеку даже в бой вступать не стоит».

Прежде Сигма однажды сражался с подобным существом. Тогда ему едва удалось победить, работая совместно с другими известными магами и заклинателями... но инстинкты выживания, что он приобрёл, всю предупредили его, что это «существо» было гораздо опаснее того, что он победил.

Сигма застыл на мгновение, охваченный не страхом, а магической энергией. И затем «существо» заговорило с ним.

— Ты сделал правильный выбор, парень.

— ?..

— Если бы ты сейчас, — продолжило «существо», медленно хлопая в ладони насторожившемуся Сигме, — попытался бросить эту милую девочку и отступить в одиночку, то я бы вырвал твоё сердце, втоптал его в грязь и бросил на корм свиньям.

Сказав это, он с широкой улыбкой спрыгнул на землю. «Существо» вежливо поклонилось и, каким-то хитрым образом умудряясь исступлённо улыбаться и в то же время смотреть на Сигму исполненными гнева глазами, произнесло:

— А ещё ты сделал наихудший выбор из всех возможных, парень.

Абсурдное заявление, которое противоречило тому, что он сказал ранее.

— Жалкому человеку совершенно непростительно гулять с моей любимой. *Я не потерплю*, что моя милая Ассасин даже разговаривает с таким, как ты.

«Существо» хрустнуло шеей, после чего широко распростёрло руки и возвестило о своём неистовом возмущении со свирепой улыбкой:

— Я лишу тебя возможности умереть и *высосу* твои Магические цепи одну за другой. Я раздавлю твои глаза, сломаю каждую косточку в твоём теле, сдеру с тебя плоть, оскверню твой мозг, изнасилую сердце, сотру лёгкие в кашу и превращу кишки в фарш. О да! Непременно! Я порежу твоё тело на миллионы кусочков, пока ты ещё будешь жив, и разбросаю по кормушкам в курятнике!

Его голос становился всё громче. Он прогнулся назад и посмотрел в ночное небо, озаряемое вспышками Благородных Фантазмов золотой Героической души... затем вновь восторженно улыбнулся и повернул голову в сторону Ассасин.

— Интересно, как ты изменишься в лице, когда всё это произойдёт с тем, кому ты совсем немного, но всё же открыла сердце. Ах... Ох... Замечательно! Ты поистине чудесна! Мне достаточно представить себе твоё лицо, залитое слезами, чтобы самому заплакать!

«Существо» - Мёртвый Апостол, называющий себя Джестером – действительно разрыдалось от радости. Ассасин, наблюдая за ним, уже пришла в движение.

Заглушив эмоции и вложив всё своё негодование, скопившееся до этого момента, в магическую энергию, она прыгнула на монстра, который был её Мастером.

Вместо магической энергии этого злодея у неё был временный запас, который ей одолжил Сэйбер. Она вложила большую его часть в свой Благородный Фантазм.

— Окутайте меня в пронзительную черноту...

Забания

— Бесчувственные блуждающие духи.

Глава 15

「Золото и львы II」

Король героев, облачённый в золотую броню – «судия» Гильгамеш – стоял там же, где и прежде, на крыше церкви.

Крыша была утыкана Благородными Фантазмами, как подушечка для иголок, и обвалилась в нескольких местах, но установленный на ней защитный барьер, вероятно, был очень мощным, поскольку её всё ещё пусть и с натяжкой, но можно было назвать крышей.

Обычный наблюдатель сравнил бы это зрелище с красивым танцем.

Тина и другие маги, наблюдавшие за сценой с помощью заклинания дальновидения, зачарованно смотрели на Сэйбера, с невообразимой скоростью танцующего на грани между жизнью и смертью.

Это было сражение королей, но силы явно были неравны. Золотой король стоял на возвышении, в то время как другой король из всех сил старался потеснить его. Если провести другое сравнение, то всё выглядело так, словно великий король подверг суду более скромного правителя.

Но именно поэтому он и продолжал наступать. Если они оба являлись королями, то ответ на вопрос, кто из них был сильнее, мог измениться со временем и учётом обстоятельств. Их битва превратилась в борьбу за звание лучшего правителя, в самую маленькую в мире войну, всего лишь между двумя духовными основами королей.

Разумеется, один из них был вооружён бесчисленными Благородными Фантазмами, что он собрал за время правления и что создали его подданные. Другой же, напротив, имел в своём распоряжении лишь семь «помощников».

Золотой король и судья обрушивал на Сэйбера атаки, не проявляя при этом ни малейшей слабости в своей защите. Тем не менее король, у которого, как однажды сказал кто-то, в груди билось «сердце льва», продолжал свой натиск, двигаясь всё быстрее и постоянно пребывая на волоске от гибели.

Сверхчеловеческая скорость.

Сверхчеловеческое было вполне обычным явлением в битве между Героическими душами. Но даже с учётом этого проворность Сэйбера была необычайной.

Скорость, которой наделяли основные способности Героической души.

Скорость, увеличенная с помощью магии.

Скорость, которую можно было лишь причислить к некой «божественной защите», связанной с рассказами о его подвигах и дарованной ему Троном.

Соединив их все вместе, он стремительно прокладывал свой путь между зданиями, которые стали его полем боя, с необыкновенной даже для Героической души скоростью, петляя и медленно, но верно сокращая дистанцию.

Наступление Львиного сердца, стоило ему начаться, было подобно буре, жатвенной косой проносящейся по воде и суше. Бесподобная скорость его продвижения была столь велика, что по легенде «лишь военачальник, получивший дар защиты от ветра, наконец-то смог его остановить».

Невероятно, но Львиное Сердце, который по преданиям мчался по полю боя в три раза быстрее любого обычного воина, наконец-то подобрался достаточно близко к противнику, чтобы нанести удар мечом.

— Значит, тебе хватило наглости предстать предо мной?

Словно заявляя, что это лишь начало, золотой король отпрыгнул назад, открыв огонь из Врат Вавилона в попытке увеличить расстояние между ним и Сэйбером.

Но его усилия дали Сэйберу идеальную возможность.

— Экс... калибур!

Меч Сэйбера засиял, и дуга от его взмаха превратилась в огромную полосу света, которая устремилась к находившемуся в воздухе золотому Арчеру.

— Не так быстро!

Гильгамеш призвал перед собой множество щитов и развеял полосу света.

— Подумать только, ты попытался нанести мне удар жалкой подделкой реликвии планеты. Не будь мы сейчас в разгаре твоего суда, я бы покарал тебя за такую глупость смертью, шавка! Хм?..

Когда свет исчез и парящие щиты рассеялись, золотой король увидел, что Сэйбера перед ним уже не было. Приземлившись, он ощутил невероятную магическую энергию за своей спиной, чуть ниже на скошенной части крыши. Золотой Арчер развернулся и прищурился, увидев Сэйбера с поднятым для удара мечом.

— Экс... калибур!

Вторая полоса света устремилась вверх по скату крыши. Как и в первый раз, её встретило множество щитов... но этот удар был на порядок мощнее предыдущего. Свет врезался в щиты, подняв золотого короля в воздух на несколько метров.

— Да как ты смеешь...

Сквозь щели между щитами золотой король увидел, что Сэйбер держал в руках один из Благородных Фантазмов, выпущенных из Врат Вавилона.

— Я же сказал, что одолжу их, разве нет?

Сэйбер, всё ещё сжимая длинный меч, тотчас же скользнул прямо под своего врага, находящегося в воздухе, и вновь окутал свой клинок ослепительным сиянием.

Когда он в первый раз высвободил настоящее имя своего Благородного Фантазма, декоративный меч, который изначально был при нём, разлетелся на куски с одного удара. Однако Благородный Фантазм, окутанный аурой из Эпохи богов, остался цел после второго высвобождения и даже сохранил свои свойства.

Он высвободил магическую энергию и послал третью полосу света.

Золотой король развернул щиты под собой и заблокировал атаку, но его подбросило ещё выше в воздух.

Затем по нему ударила четвёртая полоса света.

Не давая противнику опомниться, Сэйбер вслед за четвёртой полосой отправил пятую, а затем шестую, целясь прямо вверх с крыши церкви.

Но самым пугающим было то, что интервалы между ударами стремительно сокращались. Когда количество ударов подобралось к двадцати, они слились в один огромный нескончаемый поток света, устремлявшийся с земли в ночное небо.

Словно говоря, что это тоже была одновременно бесконечная серия ударов и одна-единственная непрекращающаяся атака.

×

×

За несколько минут до этого. Парковка перед больницей.

Немногим ранее.

На парковке, расположенной между больницей и главной улицей.

Местность была очищена от людей, в результате чего на довольно обширной парковке почти не было машин. Поэтому Джон во время полёта, в который его отправил удар демонического лучника, не встретил никаких препятствий, прежде чем проломить своим телом входные двери больницы.

Атака на Джона послужила сигналом для остальных офицеров полиции, и они ринулись в бой, вкладывая все силы. Все они держали в руках самые разные Благородные Фантазмы. «Фальшивки» - всего лишь реликвии, утратившие изначальное таинство и магическую энергию, но чьи легенды были переписаны Кастером.

Было бы честно сказать, что полицейские использовали всевозможные уловки, которые только могли придумать – финты, скрытные атаки из слепых точек и много чего ещё. Справедливости ради можно было даже упомянуть, что их командная работа заметно улучшилась со времени битвы с Ассасин в полицейском участке.

И всё же Арчер, укравший Благородный Фантазм Берсеркера и получивший силу демона, даже не пытался уклониться от них или отразить своим оружием. Он принимал на себя каждый клинок и снаряд, но они на него как будто не действовали.

— Чёрт... Он что, такой же, как и тот Мёртвый Апостол Джестер?.. — скрипнул зубами один из офицеров.

Воспоминание о поражении, которое им нанесли в полицейском участке, промелькнуло в их головах. Оказавшись в ситуации, которая также могла обернуться для них неудачей, члены Клана Калатин даже не думали бежать. Если они отступят, то тогда потеряют свой *raison d'être* (Фр. «Смысл существования» - прим. перев.) - «правосудие».

Как и Джон, они ни на секунду не забывали чуть ли не гипнотические слова их начальника. Однако благородной смерти они тоже не хотели. Полицейские продолжали думать, как остановить монстра.

А пока они думали, гротескный Арчер наступал.

Полицейские пробовали бить по жизненно важным частям тела, но их атаки останавливала ткань, которую носил лучник. Они пытались атаковать его обнажённые руки и ноги и даже чувствовали, как их оружие поражало цель, однако силы фальшивых Благородных Фантазмов явно не хватало, чтобы нанести противнику ощутимый вред.

Помимо ткани, которая полностью сводила на нет все атаки полицейских, показатели тела Арчера, должно быть, тоже были необычными. Если учесть, что он ещё впитал силу демона – правда, офицеры полиции не понимали, как именно лучник это сделал – то они предположили, что это также привело к увеличению его выносливости и сопротивляемости магической энергии.

В таком случае... была ли у их противника вообще какая-нибудь слабость?

В то время как слово «сдаться» всё чаще проносилось в головах полицейских, гротескный лучник уверенно подвигался вперёд шаг за шагом.

— Почему он нас просто не перебьёт?.. — спросила одна из офицеров.

— Да, — отозвался другой, — он вероятно, мог бы разделаться с нами за секунду...

В ответ на это женщина, стоявшая неподалёку и спокойно наблюдавшая за ситуацией – Вера Левитт, помощница начальника полиции и по сути одна из лидеров Клана Калатин – произнесла:

— Вероятно, он опасается нападения.

Она являлась не только офицером полиции, но и самым настоящим магом.

Вера была младшей дочерью в семье магов, но у её старшей сестры практически не было Магических цепей, вот мать и родила её, чтобы передать Магическую метку. Сестра Веры Амелия работала доктором в Сноуфилде, всё ещё не ведая о мире магии.

Поскольку её семья помогала в проведении этой Войны за Святой Грааль, Вера, будучи преемницей, присоединилась к ней, унаследовав часть Магической метки матери. Несмотря на то, что пересадка метки ещё не была завершена и Вера не являлась наследницей в полном смысле этого слова, своей силой она всё равно выделялась среди других членов Клана Калатин, и её без всякого преувеличения можно было назвать правой рукой начальника.

Она сняла с пояса небольшую стеклянную пробирку, никак не вязавшуюся с её современным снаряжением, бросила перед вражеским лучником и выстрелила в неё из странно украшенного револьвера.

Пуля с точностью поразила пробирку. Спустя секунду большое пространство вокруг покрыла дымовая завеса.

И это была не просто дымовая завеса – она была заряжена магической энергией меняющейся случайным образом природы. Своего рода «глушилка» для восприятия магической энергии.

Наблюдая за распространением густого дыма, который, естественно, мешал что-либо разглядеть, лучник негромко пробормотал:

— Какая дерзость.

Затем он прыгнул, посылая своё огромное тело вверх, чтобы избежать дыма.

Вера правильно оценила ситуацию.

Гротескный лучник – Алкид – опасался не офицеров полиции, а других факторов – если конкретно, то Сэйбера, который появился без предупреждения, и Короля героев, вступившего с ним в бой. Сейчас они сражались друг с другом, но было неизвестно, когда они решат обратить свои атаки на него. Он также чувствовал духовную основу другой Героической души на стороне Сэйбера, да и присутствие монстра, который остановил его первую атаку на больницу «водным щитом», никуда не делось.

Эту схватку нельзя было назвать дуэлью, в которой подобает сражаться достойно. Нет, это была нескончаемая бойня, в которой нужно было перехитрить врагов и ни за что не поворачиваться к ним спиной.

Алкид понимал это. Он мог перебить полицейских, которые рассредоточились и нападали на него все разом, но ему пришлось бы делать это осторожно, чтобы не допустить бреши в своей обороне. Полицейские обладали не только мощью, чтобы вести бой. То, что они обрели, решимость рисковать своими жизнями, не было пустым звуком.

На главной улице присутствовали двадцать пять офицеров полиции. Остальные пребывали в полицейском участке, охраняя начальника и собирая информацию. Адский пёс лучника – Цербер – появился именно в тот момент, когда они собирались отправить передовую группу к больничной палате их цели, поэтому никто из них пока что в больницу не проник.

— Сколько человек мы отправили в палату Куруока Цубаки?!

— Если Слуга Куруока Цубаки враждебен, небольшая группа только погибнет зря, — шёпотом озвучила Вера своё мнение офицеру-женщине, вооружённой Благородным Фантазмом в форме лука. — Я бы хотела отправить Берсеркера, который мог бы справиться в одиночку, но...

Берсеркер получил серьёзный урон по своей духовной основе и, скорее всего, отступил с помощью командных заклинаний Флата.

— ...если Слуга способен понять, что жизнь Куруока Цубаки находится под угрозой, то он должен принять меры для защиты своего Мастера. Факт того, что она по-прежнему находится в палате, означает, что Слуга либо до сих пор ничего не заметил, либо не намеревается её защищать... либо уверен, что сможет защитить её и там.

Вера, думая, что верно, скорее всего, последнее предположение, сняла с пояса ещё несколько пробирок и разбросала их вокруг себя. Когда пробирки, брошенные с помощью магии, разлетелись на достаточное расстояние, чтобы покрыть большую площадь, их все разбили пули, распространяя по улице ещё больше дыма.

Вера уже хотела приказать кому-нибудь воспользоваться задержкой и проникнуть в больницу, чтобы разведать обстановку в палате, когда...

— Зря стараетесь.

Гротескный Арчер взмахнул демоническими крыльями, выросшими у него на спине, создавая вокруг себя ветер, заряженный густой магической энергией. Его порывы, несущие зловещую энергию, породили несколько маленьких вихрей, которые начали втягивать в себя дым, будто пожирая его.

— И как нам бороться с этой хренью?.. — спросил один из полицейских, у которого начала дёргаться щека.

Офицеров уже начало охватывать отчаяние... когда сквозь дымовую завесу навстречу врагу устремилась одинокая фигура.

— Стой! Это бесполезно! — окликнули фигуру офицеры в надежде остановить. Из-за дыма и завихрений воздуха они не могли разглядеть лица, но фигура явно была облачена в ту же полицейскую форму, что и они.

Алкид решил, что это просто безрассудная атака.

Что бы там ни задумал этот офицер полиции, на него это не подействует. Защита шкуры Немейского льва не отреагирует на удары голыми руками, да и незачем. Кулаки всё равно его даже не поцарапают. Если, конечно, они не будут заряжены огромным количеством магической энергии.

Если он сейчас натянет тетиву лука, то его руки на мгновение окажутся заняты. Очевидно, что это даст шанс другим Героическим душам напасть на него. В частности, Король героев мог отправить в его сторону смертоносную атаку, не отвлекаясь от сражения с Сэйбером. Даже «шальной снаряд» может стать смертельным, если он случайно попадёт в часть его тела, не защищённую шкурой Немейского льва.

Если бы он только обладал Благородным Фантазмом, дающим ему двенадцать жизней, с которым он расстался перед превращением, он бы вряд ли стал думать о такой возможности и натянул тетиву лука изо всех сил... но тот, кем он стал теперь, не мог себе такого позволить.

Он решил, что в таком случае ему нужно лишь отбросить нападающего в сторону одним ударом руки, как он поступил с первым храбрым полицейским, чья шея превратилась в кашу.

Алкид поднял руку и начал ждать приближавшегося к нему офицера полиции, сокрытого тьмой и дымом.

В следующий миг он ощутил, как за его спиной возникла магическая энергия огромной мощи.

— !

«Эта энергия... Сэйбер».

Сэйбер, который сражался с Гильгамешем, должно быть, высвободил какой-то Благородный Фантазм. Чувствуя, что эта магическая энергия была направлена не на него, а в небо, Алкид не стал отводить взгляд от небольшой угрозы, приближавшейся к нему спереди. Причиной тому было нежелание терять бдительность даже перед самым слабым врагом.

Нет.

Дело было не в том, что он не хотел отводить взгляд.

Он *не мог* этого сделать.

Это был эффект, производимый его «Глазом разума».

Это не было инстинктом.

Его накопленные умения и опыт, его отточенные чувства и плоть с кровью возобладали над его духом и отказывались позволить ему отвести взгляд.

Потому что не других Героических душ ему действительно следовало опасаться.

А приближавшегося к нему одинокого офицера полиции.

Всё, что он накопил и отточил, всё его естество твердило ему об этом.

А причина тому вскоре станет ясна.

За спиной Алкида возник столб света, который пронзил небо и осветил лицо рискнувшего напасть на него офицера полиции. Увидев это лицо сквозь бреши в дымовой завесе, создаваемые вихрями, Алкид пробормотал:

— Что?..

Ошибки быть не могло. Это было лицо человека, чью шею он сломал и тело которого отбросил ко входу в больницу незадолго до этого.

— А-а-а-а-а!

С бессловесным рёвом офицер с силой оттолкнулся ногами от земли.

Его мгновенное ускорение превзошло все ожидания Алкида. Он начал поднимать руку, чтобы защититься, но не успел. Небольшая фигура мужчины налетела на Алкида со скоростью пули... и со всей силы нанесла удар ногой прямо в прикрытый тканью нос гротескного Арчера.

— Д-Джон?! — изумлённо воскликнули офицеры полиции.

Недавний полёт Джона, вызванный ударом лучника, запечатлелся в их головах словами «мгновенная смерть». У него, может, и были Магические цепи, но он не обладал Магической меткой, которую мог унаследовать только один ребёнок в семье. Другое дело, если бы у него была метка, которая применила бы магию самовосстановления, когда он был на грани смерти. Однако никто даже думал, что Джон сможет хотя бы выжить без метки, не говоря уж о том, чтобы стать гораздо сильнее и словно превратиться в другого человека.

Но Джон выжил.

Он появился вновь, окутанный магической энергией, сильно превосходившей таковую у обычного мага, и использовал её, чтобы во много раз усилить свои тело и нервы.

«Джон».

«Ясно. Значит, этого человека зовут Джон».

Алкид, несмотря на то, что удар колена отбросил его назад, равнодушно запомнил информацию о своём противнике, после чего сделал кульбит в воздухе и приземлился на ноги.

Однако его снова лишила опоры подсечка Джона, который умудрился незаметно обойти Алкида и оказаться у него за спиной.

— Ого...

Алкид явно был впечатлён. Упёршись одной рукой в землю, второй он заблокировал следующую атаку Джона. Тело Алкида содрогнулось, послышался хруст плоти и костей.

Джон начал наносить удары голыми руками, продолжая наседавать на Алкида и не давая ему возможности поднять лук.

«Что произошло? Он словно стал другим человеком... Или, может, он... повзрослел?»

Он перешагнул пределы обычных людей. Даже магу не добиться такого уровня. Опыт, накопленный Алкидом за всю его жизнь, предупреждал, что мощь этого офицера полиции могла сравниться с грубой силой вражеских военачальников, с которыми он сражался в Древней Греции.

«Это его Благородный Фантазм? Неужели Кастер что-то с ним сделал?»

Алкид заметил, что его тело получало урон, но этого было недостаточно, чтобы начать бить тревогу. Эта боль не шла ни в какое сравнение с той, что он ощутил, когда царица амазонок ударила его своим Благородным Фантазмом. Сейчас его будто бил ребёнок.

Но всё же... он стал относиться к этому человеку с максимально возможной осторожностью.

«Почему?» — гадал Алкид, парируя шквал ударов. «Почему я опасаюсь этого человека?»

Вихрь магической энергии, возникший за его спиной, должен был беспокоить его больше, чем эти удары. Однако всё его естество твердило ему не спускать глаз с этого полицейского.

«Его сила, несомненно, превосходит уровень обычного человека, но ей далеко до мощи Героической души».

Тогда почему? Он не переставал гадать, принимая на себя удар за ударом. Сначала его внимание привлекла неестественность атак противника.

«Почему он не использует правую руку?..»

Нанося удары, офицер полиции по имени Джон ни разу не атаковал своей правой рукой.

Эта разница в его центре тяжести... Протез?

Молниеносно атакуя и защищаясь, Алкид тотчас же пришёл к правде, скрывавшейся за неестественными движениями противника.

В таком случае, подумал он, что это был за протез?

Он скрывал в себе оружие? Если так, то оно не пробьёт эту шкуру.

Нет, этот человек уже должен был понять это. Тогда стоит ли предполагать, что в протезе таится какая-то магия?

Алкид сосредоточил каждый нерв в своём теле на правой руке Джона, не переставая уклоняться от его рукопашных атак.

«Должно быть, какое-то... Нет, неужели?..»

Он почувствовал присутствие. Едва заметное присутствие – особая магическая энергия или, возможно, проклятие – чувствовалось в искусственной руке полицейского. Едва это присутствие, сохранившее лёгкие отголоски Эпохи богов, коснулось кожи и ноздрей Алкида...

...по его спине пронеслась холодная волна страха.

Заметив это, инстинкты Героической души заставили его замереть от изумления на мгновение.

Как бы сильно ни изменилась его духовная основа, он имел для него особое значение. Потому что он знал про его опасность лучше, чем кто-либо, потому что знал, насколько он ужасен, лучше, чем кто-либо. В конце концов, *он сам когда-то вымачивал в нём наконечники своих стрел.*

— Будь ты проклят!..

Когда Алкид выкрикнул это, рука Джона *засияла тёмным светом...* и из тыльной стороны ладони возник странно изогнутый клинок.

Чёрная жидкость извивалась вокруг лезвия, словно проклятие, обладающее собственной волей. Это было одно из величайших бедствий и самых страшных проклятий Эпохи богов, погубившее бессчётное количество героев и вынудившее одного из них лишить себя жизни. Яд гидры.

И клинок, окутанный этим несравнимо чудовищным ядом, стремительно приближался к щели в одеянии Алкида.

Невозможно!

Он каким-то образом дожил до этой эпохи! Этот водяной змей попросту не должен больше существовать!

Алкид остро ощущал, насколько наивными были его мысли.

Маги этого времени и в подмётки не годились волшебникам Эпохи богов, но им хватало ума пользоваться тем, что осталось после их великих предшественников. Учитывая, что его Мастер сам нёс в своём теле ядовитую проклятую грязь, ему стоило учесть вероятность того, что и его враги могли обладать чем-то столь же ужасным. Например, ядом гидры.

Представ перед оружием, способным убить его, Алкид сжал свой лук и отпрыгнул назад, бросив на это все свои силы.

— Скорее!.. В больницу! — крикнул Джон своим товарищам, как только убедился, что Алкид оказался на достаточном расстоянии от них и обратил всё своё

внимание на него. — Я выиграю столько времени, сколько смогу! А вы тем временем обеспечьте безопасность цели!

— Джон... Что с тобой произошло?!

— Я сам не совсем понимаю... но похоже, что мистер Кастер что-то сделал со мной!

Затем Джон сорвался с места, словно говоря, что разговоры лучше отложить на потом... но вдруг по всему его телу прошла волна холода, из-за чего он невольно остановился.

— ?..

Джон напряг глаза. Всё его тело обливалось холодным потом.

Гротескный лучник стоял в двадцати метрах от него. Угрожающая аура, которую он излучал, усилилась многократно.

Джон с лёгкостью понял, почему: лучник наложил стрелу на тетиву своего оружия.

Он уже несколько раз до этого стрелял из лука, но теперь всё было иначе. Теперь он намеревался действовать серьёзно.

Гротескный лучник произнёс, отдавая дань уважения Джону, который пытался наступать, несмотря на дрожь в теле:

— Ты, владеющий оружием, способным убить меня.

— Я признаю тебя своим врагом.

×

×

«Кристал Хилл». Верхний этаж.

— Господин Гильгамеш!

Тина взирала на короля, который был её Слугой, но не с помощью заклинания дальновидения, а невооружённым взглядом.

Гильгамеша вынудили подняться вверх вплоть до уровня их базы на последнем этаже здания. Его сияющую золотую броню полностью окутала ещё более яркая полоса света, из-за чего его фигуру невозможно было разглядеть.

Не только Тина, но и другие члены её племени, стоявшие рядом, смотрели на него с широко раскрытыми глазами.

Колонна света, поднимавшаяся к небесам с крыши церкви, выросла ещё сильнее, и её конец затерялся где-то в вышине.

Даже Король героев не мог выбраться из этого потока силы невредимым.

Чувствуя это, Тина была на грани того, чтобы использовать командное заклинание и отозвать его... но затем она ощутила внутри колонны света нарастающую магическую энергию Гильгамеша.

Точнее было бы сказать, что вокруг него возникли точки массивного скопления энергии.

Это было то же, что он делал всё время.

Просто выстреливал Благородными Фантазмами из своей сокровищницы.

Только в этот раз... природа Фантазмов, которые он высвобождал, была немного иной.

Бесчисленные Благородные Фантазмы, каждый из которых окутывала невероятная магическая энергия, образовали одну огромную волну, которая окружила поток света и развеяла его грубой силой.

Фантазмы, которыми он до этого просто монотонно выстреливал, теперь совершали сложные движения подобно гигантской змее.

Но Гильгамеш не использовал магическую энергию, чтобы управлять своим вооружением – Благородные Фантазмы сковывали и насильно направляли возникшие отовсюду прямо из воздуха золотые цепи.

Гильгамеш возник из рассеявшегося света и, собрав вместе дождь из Благородных Фантазмов, превратил их в водопад, который обрушился на землю в сопровождении неистовой волны.

×

×

Церковь.

Сэйбер, который продолжал выстреливать своим Благородным Фантазмом с крыши церкви, ощутил, что магическая энергия, что он высвобождал, начала сдавать позиции.

Затем при виде падавшей на него сверху плотной тучи Благородных Фантазмов у него на лбу выступил холодный пот.

Глядя на приближающегося «дракона» из Благородных Фантазмов, он на секунду закрыл глаза... после чего заставил себя бесстрашно улыбнуться и начал вливать магическую энергию в следующий удар.

×

×

Тем временем прямо под Сэйбером...

— Что? Что происходит?.. — озвучила своё замешательство Аяка, его Мастер.

Насколько ей было видно из окон, всё выглядело так, словно на крыше церкви что-то сияло, но Аяка не была магом и поэтому не могла сказать наверняка, что именно происходило снаружи.

— Вы в порядке, мисс? — озадаченно спросил её священник-Наблюдатель.

— А?.. Ну да, кажется, я немного устала...

— Немного. Вот как...

Задумавшись на секунду, Ханза произнёс:

— *Что* Вы такое, мисс?

— Чего?

— Способность снабжать Героическую душу такими объёмами магической энергии никак нельзя назвать нормальной. По крайней мере, любой, кроме первоклассного мага, уже обессилел бы к этому моменту, но Вы...

— Я не понимаю, к чему Вы клоните. Я даже не знаю, что такое «магическая энергия»...

Аяка нахмурилась, явно встревоженная. С огромным интересом наблюдая за ней, Ханза сказал:

— У нас нет времени на вопросы. Вам лучше пройти вглубь церкви.

— Почему?..

— Я усиливаю барьеры, — ответил священник, глядя на высокий потолок церкви, — но крыша вот-вот обвалится.

— ?!

В следующее мгновение часть крыши поддалась, и через появившуюся брешь в церковь проникла фигура.

Аяка едва удалось избежать прямого попадания обломков благодаря тому, что Ханза дёрнул её за руку.

Однако прежде чем её разум успел осмыслить ситуацию, через дыру в крыше донёсся голос надменного мужчины:

— Я намеревался раздавить тебя вместе с церковью. Полагаю, стоит похвалить тебя за то, что ты меня остановил.

Это был мужчина в золотой броне.

Его доспехи местами треснули, но он оставался невозмутим. Руки его были скрещены на груди, а взгляд был направлен прямо на кучу обломков, образовавшуюся посреди церкви.

— Что?..

Стоило Аяке посмотреть на этого мужчину, как её мозг испытал мощное потрясение.

Стоило ей посмотреть на его лицо, если говорить точнее.

Она чувствовала, что уже видела такое же лицо много лет назад.

И в церкви, похожей на эту.

Когда она попыталась вспомнить, её мысли пронзил шум.

Её мозг гудел... шум добрался даже до зрения. И в просветах между искажениями, что он создавал, появилась девочка в красном капюшоне.

— А-а-а...

Аяка попыталась обхватить руками голову, но затем кое-что осознала.

Почему мужчина в золотой броне обращался к куче обломков?

«Полагаю, стоит похвалить тебя за то, что ты меня остановил».

Кто остановил его?

Аяка попыталась обдумать это, но ответ не заставил себя ждать.

Она узнала фигуру среди обломков.

На мгновение Аяка спутала торчавшие из его тела мечи и копья с кусками крыши. Несомненно, это был... Сэйбер, который совсем недавно шёл рядом с ней и вёл дружелюбную беседу.

Его сердце и голова не пострадали, но живот, плечи и бёдра пронзало множество орудий – этого было достаточно для того, чтобы убить обычного человека.

— Сэй... бер?..

Едва Аяка узнала его, шум исчез, а вместе с ним и девочка в красном капюшоне.

Она чуть не осела на пол, но в последний момент взяла себя в руки и попыталась подойти к Сэйберу.

Но споткнулась об обломки и упала.

Мужчина на крыше, явно не подозревавший о её присутствии, продолжал обращаться к Сэйберу:

— Ты мог бы избежать этих ран, если бы уклонился. Ты намеревался защитить эту церковь? Я должен казнить тебя за твоё высокомерие, но тебе удалось отразить один удар. И за это ты достоин похвалы.

Услышав это, Сэйбер, который до этого лежал неподвижно, вяло пошевелился, изогнул губы в улыбке и ответил мужчине на крыше:

— Это... честь для меня, — сказал Сэйбер, всё ещё слабо дыша и глядя вверх на золотую Героическую душу. — Поверить не могу, что ты собирался разрушить церковь. Не вини меня, если Господу найдётся что сказать по этому поводу.

— Нелепица. Я сполна вкусил гнева богов давным-давно.

— Богов... Ясно, значит, ты многобожник... И то, как ты говоришь... Ха-ха. Значит, ты... Нет, вы оба «исконные путешественники»...

Сэйбер рассмеялся. Из уголков его рта потекла кровь.

— Шавка... что ты таишь в себе? — глядя на него, надменно спросила золотая Героическая душа без всякого гнева или презрения.

— В каком... смысле?..

— Я не про твою *свиту*. Я имею в виду твою духовную основу.

Мужчина на крыше продолжал бесстрастно говорить с еле дышавшим Сэйбером.

— Как бы то ни было, похоже, что у тебя всё ещё нет причины сражаться. Бросить мне вызов с таким отношением – верх высокомерия, шавка. Если сомнительные желания есть всё, что ты можешь выразить перед лицом моих сокровищ, тогда сгинь, и всё, что ты несёшь в себе, сгниёт.

Его руки даже не пошевелились, всё ещё будучи скрещенными на груди, но в воздухе позади него возникли искажения.

— Сейчас я оглашу свой приговор. У тебя есть последние слова?

— Хотел бы я сказать, что нет... но да... Девушка, что снабжала меня магической энергией... она не мой Мастер... Я просто пользовался ею...

Аяка вскочила на ноги. Её глаза широко распахнулись, когда она услышала слова Сэйбера. Она осознала, что он собирался сказать дальше.

Остановись.

Не говори это.

Она попыталась что-то сказать, но горло отказывалось работать.

Аяка прерывисто дышала и была готова вот-вот снова рухнуть на пол, когда Сэйбер с улыбкой произнёс:

— Она не противилась тебе... поэтому будь с ней помягче.

— Очень хорошо, но не забывай, что я лишь дарю ей своё внимание. Если она окажется бесполезной, то я просто избавлюсь от неё, как и от прочего мусора.

Сказав это, мужчина в доспехах медленно поднял руку и обратился к Сэйберу в последний раз.

— Шавка, я приговариваю тебя...

Однако договорить он не успел.

Спустя мгновение Героическую душу в золотой броне...

×

×

Несколькими минутами ранее. Главная улица.

— Это... Джон?

Человек, который внезапно появился и спас их, был офицером полиции, их коллегой, которого не так давно одним ударом отправили в полёт со сломанной шеей.

Его внезапное проявление сверхчеловеческих способностей как будто говорило о том, что он поистине «переродился». Члены Клана Калатин были охвачены замешательством.

Но сквозь их нерешительность пробился отчётливый и громкий голос Веры:

— Передний ряд, отступите и защищайте задний ряд! Задний ряд, поддерживайте Джона всеми силами!

Резкие приказы от обычно тихой Веры привели их обратно в чувство.

Офицеры подняли свои Благородные Фантазмы и окружили Джона и гротескного лучника, заняв позиции согласно её приказам.

Полицейские с оружием ближнего боя не смогут оказать поддержку и будут лишь мешать в бою с лучником.

Поэтому они рассудили, что должны доверить офицерам в заднем ряду, способным атаковать с расстояния, отвлекать его. А если это действительно был Джон, то он должен был знать, как скоординировать с ними свои действия.

Они планировали поддержать Джона и при этом улучшить момент, чтобы послать половину отряда в больницу, как он и хотел... но несколько стрел, пущенных противником, разбили их построение в мгновение ока.

Крупный офицер с Благородным Фантазмом в виде большого щита попытался заблокировать одну, но поверхность щита, принявшего на себя удар стрелы, содрогнулась, словно от взрыва клейкой гранаты, и полицейского отбросило назад.

А ведь тетива даже не была полностью натянута.

Эта стрела была лишь одной из нескольких отвлекающих снарядов, стремительно пущенных один за другим.

Полицейские с болью осознавали, что единственная причина, по которой они, а заодно и весь город, ещё не превратились в груды останков, заключалась в том, что эта Героическая душа проявляла здравомыслие и либо по приказу Мастера, либо по собственному желанию пыталась поддерживать сокрытие таинства.

Когда лучник впервые прибыл сюда верхом на Цербере, они предположили, что он был мародёром, которого не заботили подобные вещи, но всё на самом деле было с точностью до наоборот.

Но возможно, в понимании такой Героической души скормить мясо своих врагов такому зверю, как Цербер, больше способствовало сокрытию таинства, чем если бы она сама сражалась в полную силу.

— У него что, нет никаких слабостей?! — вскричал один из офицеров.

Да, Джон двигался наравне с Героической душой, но сила его противника во много раз превосходила все ожидания.

Раньше полицейские предполагали, что подобной силой могли обладать только Гильгамеш и, возможно, другая Героическая душа - судя по всему, Лансер - с которой Король героев сошёлся в бою в первый день войны, но они слишком поздно осознали, что были чересчур наивными.

Как бы то ни было, они с самого начала понимали, что их способности не сравнятся с таковыми у Героических душ.

Им нужно было поддержать Джона – который точно также вышел за рамки их расчётов – и по крайней мере вынудить лучника отступить.

Лучник должен понимать, что уничтожение офицеров не позволит ему прямо атаковать их Мастера или Слугу.

В таком случае полицейским как минимум нужно было лишь убедить его в том, что продолжать с ними бой не будет стоить его усилий.

И так думал далеко не один из них...

...когда они вдруг осознали, что, помимо Джона, на поле боя позади гротескного лучника появился ещё один офицер полиции.

— !

Полицейские хотели закричать ему, чтобы он следовал приказам Веры, но, повысив голос, они лишь сообщили бы врагу о его появлении.

Они сосредоточили своё внимание на офицере, чтобы увидеть, кто именно решил послушаться приказов... и всё поняли.

Не успели они опомниться, как полицейских за спиной лучника стало два, затем четыре.

Он не был одним из них.

Это был не кто иной, как Героическая душа, которая сражалась до этого с лучником в обличье полицейского, - Слуга Берсеркер.

Берсеркер – Джек-Потрошитель – превратился в толпу офицеров полиции.

Полицейские, количество которых бесшумно увеличилось до шестнадцати, попытались внезапно атаковать противника со спины, чтобы оказать Джону поддержку.

Но их быстро разметало в разные стороны.

Не поворачиваясь, лучник взмахнул гротескными крыльями, торчавшими из спины, и рассёк тех нескольких Джеков, которые прыгнули на него.

— Значит, ты всё ещё можешь двигаться, — произнёс лучник, даже не оглянувшись. В его голосе были в равной степени смешаны восхищение и раздражение.

При этом он продолжал отражать атаки Джона своим луком.

Сверхчеловеческое чутьё, которое сообщило ему о присутствии Джека, было поистине достойно называться «Глазом разума». Думая об этом, один из оставшихся Джеков подал голос:

— Я тоже впечатлён тем, что ты можешь пользоваться украденными у меня крыльями.

При этих словах на лучника бросился ещё один Джек.

Новые Джеки уже даже не были офицерами полиции. Они выглядели, как обычные жители города, доктора, молодёжь и старики, мужчины и женщины.

Возможно, Джек больше не мог позволить себе поддерживать в своих воплощениях облик полицейских. Джеки были похожи на толпу обычных людей, собравшихся, чтобы дать отпор демону из легенд или в противном случае расстаться с жизнью.

— Абсурд.

В конце концов, сила Джека даже не была той, что раньше. Движения фигур были вялыми и медленными.

Лучник, похоже, понял это, поскольку большая часть его внимания по-прежнему была сосредоточена на настоящем офицере полиции перед ним.

Однако спустя мгновение его суждение полностью изменилось.

Из теней Джека вдруг выросли бесчисленные чёрные руки, которые обвились вокруг тела лучника.

— Хм?..

Тени.

Его окружил чёрный вихрь, который, казалось, поглощал даже мрак ночи.

Распознав в нём магию, лучник – Алкид – быстро осмотрелся, продолжая отражать удары искусственной руки офицера полиции своим луком.

Он обнаружил искажение в пейзаже.

Это была грубая иллюзия. Обычный человек ни за что бы её не раскусил, но для такой сильной Героической души, как Алкид, она была очевидна.

— Значит, ты всё же выполз из своей норы, маг.

Алкид рассудил, что это был Мастер Берсеркера, и тотчас же понял, чем именно были эти тени.

Всего лишь отвлекающим манёвром.

Магия современной эпохи, наносящая прямой урон, была не в состоянии навредить ему.

Разумеется, будь этот Мастер волшебником из Эпохи богов, то ситуация была бы другой, но он, судя по всему, таковым не являлся.

Согласно сведениям, предоставленным его Мастером, Баздилотом Корделионом, Мастером Берсеркера был гений из штаб-квартиры Ассоциации магов, известной как Часовая башня. Алкиду можно было не бояться его магии, и сам маг тоже должен был об этом знать.

В таком случае эти тени стоило считать диверсией.

На самом деле Алкид понимал, что в текущей ситуации, когда поблизости находилось несколько Героических душ, диверсия была гораздо опаснее любой непродуманной атаки.

Поэтому следующий его ход был рассчитанным и осторожным.

— Вонзите в них свои клювы.

Эти слова, которые он произнёс негромко, стали весомым проклятием, раскинувшимся на всю округу.

Джон и Берсеркеры были вынуждены отступить перед мощью горизонтального взмаха его огромного лука.

Алкид воспользовался этой мимолётной возможностью и разом пустил множество стрел, которые держал в руке.

Их стержни в мгновение ока превратились в птиц войны с бронзовыми клювами и когтями, устремившихся к искажению в пространстве на тротуаре дальше по главной улице.

Стая окутанных магической энергией птиц разорвала искажение, являя взору фигуру юноши, стоявшего там, где ещё секунду назад никого не было.

— Ох ты ж! И-и-игра в мяч!

Юноша искажил окружающие потоки воздуха, чтобы избежать атак птиц, и поспешно возвёл магический барьер.

Однако могучий выстрел Алкида проложил свой путь между птицами, которых разметал вихрь, и пронзил живот юноши.

— ...

Аватара разрушения пробилась к своей цели, невзирая на сильные ветра и барьеры.

Она с точностью разрушила ядро юноши, разрывая окружающие кости и плоть и уничтожая его органы.

— Мастер! — вскричал Берсеркер за спиной Алкида.

— Флат! — выкрикнул имя мага офицер полиции Джон.

Услышав это, Алкид вспомнил, что в предоставленных сведениях фигурировал некий Флат Эскардос, и заверил себя в том, что ему удалось избавиться от Мастера Берсеркера.

Магическая метка на теле мага могла активироваться автоматически, запустить процесс исцеления смертельных ран и возродить его, но Алкид не собирался этого допускать. Он уже пустил вторую стрелу, а вслед за ней и третью, чтобы полностью

уничтожить тело мага вместе с меткой. Птицы, освободившиеся от власти ветра, тоже налетели на мага и начали клевать его.

Однако...

Не успело торжество разрушения начаться, как тело юноши *начало исчезать подобно туману*.

— Что?..

На мгновение Алкид заподозрил иллюзию, но быстро понял, что ошибся.

Он отчётливо ощущал, как «птицы», часть его Благородного Фантазма, связанные с ним каналами магической энергии, пронзали своими клювами и когтями тело его врага.

Однако тело исчезало, словно поверженная Героическая душа.

Основное внимание Алкида на несколько секунд переключилось на Мастера, которого он убил.

И в эти несколько секунд... он заканчивал своё сложное и причудливое заклинание.

— Игра в мяч.

Рядом с Алкидом раздался голос.

Он донёсся от Берсеркеров, которые стали трупами за это короткое время.

Посреди этой кучи одно тело, которое Алкид не помнил, как сразил, двигало губами и руками, торопливо используя магию.

Спустя мгновение... Одна из стрел Алкида, наложенных на тетиву, взорвалась, отчего его гротескная фигура пошатнулась.

«Невероятно».

Алкид тотчас же осознал, что с ним произошло.

Противник вмешался в поток магической энергии, необходимый для задействия Стимфалид, которые являлись частью Царских приказов, его Благородного Фантазма, и закоротил его.

Однако это было лишь начало заклинания.

— Гх!..

Он попытался снова прочно встать на ноги, но его поразил очередной мощный взрыв магической энергии.

Алкид не был магом, но, поскольку его тело само по себе являлось скоплением магической энергии, каждую его вену, каждый нерв можно было назвать Магической цепью.

Все они стали запалами и теперь вызывали один всплеск неконтролируемой магической энергии за другим, создавая цепную реакцию.

Магическая энергия взрывалась в его худощавых руках, прочных, как сталь.

Магическая энергия взрывалась в пальцах его ног, натренированных настолько, что порой они могли разить врагов не хуже клинков.

Магическая энергия взрывалась в кровеносных сосудах, пронизывавших всё его тело подобно могучим корням великого дерева.

Магическая энергия взрывалась в его сплетённых нервах.

Магическая энергия взрывалась в каждой его альвеоле, не давая ему даже возможности сделать вдох.

Магическая энергия взрывалась за его глазными яблоками, скрытыми за тканью.

Магическая энергия взрывалась в стволе его мозга.

Она взрывалась, взрывалась, взрывалась...

Интервалы между всплесками магической энергии становились всё меньше, пока он наконец не ощутил мощный взрыв рядом со своим сердцем. Боль слилась с жаром.

Половина крыльев на его спине и рогов на голове отвалилась. Магическая энергия взорвалась даже в ладони, сжимавшей лук, оторвав несколько его толстых ногтей.

Энергия выходила из-под контроля и в его теле, раздирая внутренние органы.

Но его духовная основа, которую некогда называли великим героем, внушала страх.

— Нет! — с усилием выкрикнул он, ударив ногой по покрытию улицы и направив свою неистовствующую магическую энергию в землю.

Спустя секунду несколько сотен метров асфальта на главной улице треснули и вздыбились. Одновременно с этим из лопнувших труб в воздух ударили фонтаны грязи и воды.

Многие Героические души уже попросту лопнули бы от такого, но ему удалось сохранить своё тело в целостности с помощью одной лишь чистой физической силы.

Но даже так нанесённый ущерб был невероятным.

Ответная реакция разворотила улицу вокруг него, а несколько припаркованных машин были перевернуты и наполовину искорёжены.

Внутренности Алкида, однако, пострадали гораздо сильнее машин.

При обычных обстоятельствах один маг ни за что бы не смог нанести такой урон Героической душе.

Духовная основа Алкида с её невероятно мощной защитой от магии была невосприимчива к современным заклинаниям.

Получается... её обратили против него самого.

Потому что одна часть его духовной основы была защищена от магии довольно слабо.

Эта часть - а именно украденный у Берсеркера Благородный Фантазм, превративший лучника в фантазменного демона - всё ещё была связана с юношей каналом магической энергии. Маг воспользовался этим и с помощью заклинания внёс разлад в поток магической энергии Алкида.

Но провернуть такое всё равно было крайне непросто.

Даже невозможно, ведь магу для подобного нужно было бы полностью понять сложный поток магической энергии Алкида в таком состоянии.

Выходит, ему это удалось.

— Пришлось подобраться к тебе почти вплотную, чтобы это сработало, — произнёс маг, прятаясь среди тел Берсеркеров, и облегчённо улыбнулся.

Трупы вокруг него начали исчезать. Одновременно с этим тело мага, которого Алкид только что прострелил насквозь, полностью рассеялось.

Это был Берсеркер в обличье мага Флата Эскардоса.

Стечение обстоятельств на мгновение затуманило «Глаз разума» Алкида.

И это кратковременное замешательство... открыло смертельную брешь в его защите.

По ушам Алкида ударил рёв.

Он возвестил о том, что офицер полиции по имени Джон вложил всю свою силу в отчаянный удар... и к тому моменту, когда этот рёв достиг ушей лучника, Джон уже его нанёс.

Движение руки полицейского в мгновение ока преодолело звуковой барьер, создав ударную волну, которая отбросила Флата и лежавшие рядом куски асфальта.

И всего лишь через долю секунды атака настигла цель.

Алкид ощутил, как удар угодил ему в бок, но настолько слабо, что при других обстоятельствах даже не придал бы этому значения.

Да, это был сверхзвуковой удар искусственной рукой, превращённой в Благородный Фантазм, но даже он почти не навредил сверхчеловеческому телосложению Алкида.

От удара клинок протеза сломался у основания, а отдача была такой, что Джона отбросило назад, и он кубарем прокатился по земле несколько метров.

Но этого было достаточно.

Джон вложил все силы в этот удар своей искусственной рукой – в эту атаку клинком, с которого капал яд гидры.

Эта рана стала бы смертельной почти для любой Героической души... но была причина, по которой яд вгрызся в духовную основу Алкида с особой свирепостью.

Смерть.

Чистое проклятие смертельного яда.

Нечто, когда-то заставившее Алкида оборвать собственную жизнь.

Когда яд проник в тело лучника, Флат произнёс последние слова своего заклинания, возвещая о том, что его уловка подошла к концу.

— Игра окончена.

Он создал шанс для Джона, который обладал оружием, способным нанести удар, достойный называться последним.

Шаги, которые Флат предпринял, чтобы обеспечить эту возможность, были простыми и очевидными.

Он предложил свою душу.

Предложил её Слуге класса Кастер, с которым познакомился лишь несколько минут назад.

×

×

«Как Героическая душа, я специализируюсь на работе со всякими вещами, имеющими какую-никакую известность, и их превращении в Благородные Фантазмы... но мне редко выпадает шанс поработать с настоящей Героической душой.

Видите ли, для этого мне нужно согласие владельца, которое я, как правило, не получаю.

Но «исключениями» как раз и зовутся случаи, когда все подходящие частицы идеально собираются в одном месте. Именно из них и получается лучшая приправа.

Короче говоря, я поработаю немного над твоей способностью «становиться кем угодно» и улучшу её.

Сделаю так, что ты сможешь ещё более идеально превращаться в других людей.

Разумеется, тебе решать, считается ли твой Мастер чужим человеком или нет».

Александр Дюма предложил им весьма рискованную сделку.

Она заключалась во временном улучшении способностей Джека-Потрошителя путём совмещения одного из навыков его духовной основы, «Тысяча лиц», и его Благородного Фантазма «Прирождённые убийцы» с ещё одним ингредиентом – сущностью его Мастера Флата Эскардоса.

Разумеется, это была метафора; Дюма не нарезал Флата на кусочки и не бросал его в котёл.

Однако для Мастера и Слуги, чьи связи магической энергии Дюма усиливал и чьи естества он искусственно смешивал, это было равносильно измельчению в миксере и превращению в фарш.

Для Мастера это означало то, что сама его природа будет совмещена с духовной основой «убийцы». Предсказать побочные и последующие эффекты было невозможно. Он мог лишиться своей магии или начать неосознанно совершать убийства под воздействием эпизодов, связанных с Героической душой Джеком-Потрошителем.

Всевозможным негативным эффектам могло не быть конца... но Флат согласился без раздумий.

Джек получил усиление Благородным Фантазмом Дюма и обрёл способность стать магом Флатом Эскардосом до мельчайших деталей, включая его магию.

Неожиданно для всех столб света, устремлявшийся в небеса, исчез, и часть церкви, служившей ему основанием, рухнула.

Округу объяла тьма, и в воцарившейся тишине отчётливо раздался тихий голос.

— Почему? — спросил Берсеркера Алкид, из бока которого всё ещё торчал отравленный клинок, отломившийся от искусственной руки Джона.

Алкид понял, что Берсеркер использовал идеальную маскировку, чтобы запутать его и не дать обнаружить Мастера (правда, он так и не сообразил, как им это удалось), но это не избавило его от сомнений.

— Если ты в состоянии полностью воспроизвести не только своего Мастера, но и его способности, то почему ты не сам не сотворил заклинание? Почему ты рискнул своим Мастером на поле боя?

Берсеркер в облике офицера полиции ответил:

— Всё просто. С какой бы точностью я ни воспроизвёл своего Мастера, *есть вещи, которыми я никогда не смогу обладать.*

Услышав это, Алкид перевёл взгляд на Мастера Берсеркера, Флата Эскардоса, который в этот момент поднимался с земли.

Второе командное заклинание на тыльной стороне его левой ладони утратило свой цвет.

Алкид осознал, что это был «последний штрих» в заклинании, которое внесло разлад в его магическую энергию.

— Значит, ты изменил одно из своих командных заклинаний.

Командные заклинания воздействовали лишь на Слуг, связанных контрактом с их владельцем.

Обойти этот принцип и отдать абсолютный приказ чужому Слуге было невозможно, но... ловко переписав необъятную магическую энергию командного заклинания и с её помощью «взломав» канал, связывающий Алкида с его Мастером... Флат навязал ему заклинание, равносильное приказу оборвать свою жизнь.

— Ну... думаю, это была та ещё авантюра... Твой Мастер ведь уже использовал все командные заклинания, да, мистер Арчер? Если бы осталось хотя бы одно, то сила этой связи, наверное, попросту отбила бы моё заклинание.

Увидев, как Флат улыбнулся с облегчённым видом только потому, что ему повезло, Алкид осознал, насколько ненормальным был этот юноша.

— Вот как. Не ожидал, что ты владеешь «взором», способным это воспринять...

Затем он пробормотал себе под нос так тихо, что Флат не смог его услышать:

— Значит... это ты.

— ?

На лице Флата читалось недоумение, но Алкид не ответил на его неозвученный вопрос.

Он осознал... что «смерть» снедала его тело.

«Смерть», которой было достаточно для того, чтобы лишить тела и души того ненавистного человека, «сына бога», который когда-то был его другой половиной.

Алкид посмотрел сначала на клинок, застрывший в его боку, затем на Джона, владельца сломанного протеза.

Обращаясь к офицеру полиции, который всё ещё силился подняться на ноги, Алкид произнёс:

— Молодец, сын человека, брат мой, отвергнувший волю богов и стоящий на собственных ногах.

Раздался влажный звук – из-под ткани, закрывавшей лицо гротескного лучника, капала тёмная кровь.

— Будь сила твоя даром божьим, я бы убил тебя в мгновение ока, однако она была сотворена человеком и землёй. Боги не приложили к ней руку. И поэтому я возношу хвалу этому миру и этой эпохе. Да, ты использовал яд водяного змея, но я поздравляю тебя с тем, что тебе удалось разработать технику для моего уничтожения, отвергая при этом божью помощь.

Была ли эта спокойная речь признаком того, что Героическая душа чувствовала приближающуюся смерть и намеревалась встретить её с достоинством?

Джон полагал, что так оно и было, однако Алкид продолжил:

— И... мне жаль тебя, герой.

— Что?..

Бок Алкида, снедаемый ядом, превращался в чёрную рану прямо на глазах у озадаченного Джона...

Но в следующий миг смолянистую отраву поглотила «грязь» ещё более зловещего оттенка.

— Что?!

Офицеры полиции, Флат и Берсеркеры невольно застыли.

Похожая на грязь масса магической энергии, появившаяся из тела Алкида, окутала яд гидры, словно пожирая его, пожирая саму «смерть», и затем втянулась в рану.

— Если бы перед вами стоял тот я, который отбросил покров божественности, то, может, после этих невероятных мучений я бы обрёл покой.

Отравленная рана, которая успела стать настолько глубокой, что обнажила рёбра и бедренную кость, исчезла без следа.

— До извращения моей духовной основы эта царапина сразила бы меня. Один лишь этот яд проел бы насквозь все мои бесчисленные жизни.

Затем он встал перед потерявшим дар речи Джоном и заявил:

— Но... нам обоим не повезло.

Слабый намёк на смирение в его голосе тотчас же сменился гневом.

— Я лишился моих двенадцати жизней... но знай, что тебе не одолеть меня, поражённого мерзкой грязью, с помощью смертельного яда.

С яростью, направленной не на Джона и остальных, а на себя, на саму безграничную «силу», Алкид взревел, словно изрыгая проклятие:

— Этого яда не хватит, чтобы вытравить мою осквернённую кровь... чтобы затушить огонь возмездия, пылающий в моей душе!

После чего его магическая энергия выплеснулась наружу.

Поначалу это была просто дрожь, но она быстро обратилась осязаемым ветром, ударившим по телам всех, кто находился поблизости.

Вихрь магической энергии, окрашенный тёмным багрянцем, пронёсся по округе. Алкид как будто превратился в чудовищный торнадо.

Фамильяров, наблюдавших за битвой, смело прочь. Магические цепи вскричали. Одно лишь касание ветра повергло некоторых на колени.

Алкид же даже пальцем не шевельнул.

Таково было воздействие одного лишь его присутствия.

— Он даже не... воспринимал это всерьёз... — пробормотала одна из офицеров полиции с отчаянием на лице.

— Напротив, — криво улыбнувшись, отозвался Берсеркер. — До сего момента он был настороже... наверное. Он ничего не упускал из виду.

На лице Берсеркера также застыло такое выражение, будто он уже смирился с тем, что ничего нельзя было сделать, и теперь раздумывал над тем, как сбежать вместе со своим Мастером.

— Поэтому мы должны были убить его здесь и сейчас... прежде чем он полностью поддастся своим убийственным порывам.

Спустя мгновение Алкид начал действовать.

Его целью, однако, были не полицейские, и не Берсеркер.

Словно говоря, что они больше не были достойны его внимания, одинокий мститель оттолкнулся от земли.

Алкид взмыл высоко в воздух, где он натянул тетиву лука, на которую была наложена стрела, и без всяких колебаний отправил снаряд в полёт.

Его целью был Арчер, который, окутанный аурой божественности, как раз готовился вынести свой приговор Сэйберу.

×

×

На крыше церкви.

Гильгамеш стоял на участке крыши, который каким-то чудом избежал обрушения, и смотрел сверху вниз на Сэйбера, истекавшего кровью на куче обломков.

— Шавка, я приговариваю тебя...

Он уже был готов огласить свой вердикт, не как король, а как «судия», когда его объяла буря тёмно-красной магической энергии, сочившейся невероятной жадой крови.

— Какая невоспитанность, — неодобрительно произнёс Гильгамеш ледяным тоном, прервав своё суждение.

Пространство исказилось, и из Врат Вавилона вылетели Благородные Фантазмы, чтобы перехватить приближающуюся стрелу.

— Будь я здесь как король, то просто отмахнулся бы от этой выходки, как от глупостей шута, но ты помешал моему суду, и за это я уничтожу тебя.

Он медленно повернулся к Алкиду – Арчеру и Авенджеру – который приземлился на противоположном краю церкви.

— Гляжу, с тебя сорвали маску, клоун. Я позволяю тебе избавиться и от этой ткани, — продолжил Гильгамеш, словно говоря, что тёмно-красная магическая энергия, окутывавшая его противника, его нисколько не волновала. — Я хочу взглянуть на твоё заплаканное лицо.

— Мои слёзы перестали течь давным-давно. Я проронил их все в тот день, когда божественные тираны отняли у меня всё.

— Значит, теперь вместо них из твоих глаз бежит грязь? Ну и уродство ты с собой притащил... Я заставлю организаторов этого ритуала заплатить за то, что они осквернили Грааль, одно из моих сокровищ, грязью, пропитанной одержимостью какой-то шавки.

Намекнув, что он осознал природу красно-чёрной, похожей на грязь магической энергии, Гильгамеш спросил Алкида, словно испытывая его:

— Итак, что будешь делать теперь? Можно сказать, что ты принял пусть и дерзкое, но правильное решение, возжелав отнять мою жизнь, пока у тебя ещё есть силы, однако... ты действительно думаешь, что я не смогу развеять твою презренную скверну?

— Да, могучий король, избавиться от этой скверны не составит для тебя проблем, если ты используешь свои сокровища.

В отличие от огромного вихря магической энергии, окружавшей его, сам Алкид был пугающе спокоен и безмятежен.

Его руки свисали по бокам. Правая беспечно сжимала лук.

Однако расслабленные конечности Алкида внушали зловещее чувство, что они могут в любой момент стать клинками, сносящими головы с плеч.

— Но... ничтожный воин, не скверна убьёт тебя.

— О?

— Это сделает... труп, потонувший в этой грязи.

×

×

Между двумя Героическими душами зияла огромная дыра, образовавшаяся в результате обрушения крыши церкви.

— Эх... жалость какая, — пробормотал Сэйбер, наблюдая за перепалкой двух Слуг над ним. — Вот-вот начнётся крупная заварушка, а я её, похоже, пропущу...

— Идиот! — негромко воскликнула Аяка, практически вскарабкавшаяся на кучу обломков. — Нашёл, о чём переживать. Нам нужно выбираться отсюда!..

— Да. Прости, Аяка. Я хотел защитить церковь... но немного сплеховал.

— И это, по-твоему, «немного»?! Слушай, тебе нужно оказать первую помощь... В церкви должны быть бинты или ещё что...

— Хочешь исцелить Героическую душу бинтами?.. Пожалуй, ты и вправду... не маг.

Покрытый кровью Сэйбер криво улыбнулся Аяке.

— Кроме того... твоя забота... лучше любого лекарства...

— Сейчас не время для шуток! Нам нужно покинуть это место.

Аяка схватила Сэйбера за руку и попыталась взвалить его на свои плечи.

— Ох, подожди-ка... Если я приму такую помощь от человека, которого я должен защищать... то опозорю себя не только как рыцарь, но и как король...

— Да ты уже опозорился в тот самый момент, когда решил ошиваться со мной! Шевелись давай!

— Из-за меня ты так унизила себя... Какой позор... для Героической души...

Сэйбер каким-то образом умудрился самостоятельно подняться на ноги и, словно говоря, что, по крайней мере, его сердце всё ещё было не сломлено, выдавил из себя болезненную улыбку:

— Разумеется... после того, как я втянул нас во всё это... не стану возражать, если ты скажешь, что Слуга из меня никудышный...

×

×

Слова, которые Сэйбер пробормотал, шагая по куче обломков, разумеется, не достигли ушей Героических душ, стоявших на крыше.

— Может, я уже труп, но грехи мои вечны.

Назвав себя мертвецом, Алкид сделал шаг вперёд.

— И поэтому я отправлю свои тело и душу в оплот забвения, что дрейфует в Аиде.

Небрежный шаг.

Тем не менее, его противник, Король героев, признал это весомым шагом, насыщенным всем естеством Алкида.

— Мой великий друг и жалкий собрат, присоединись ко мне в моём безумном порыве.

После этих слов Алкид, по-прежнему стоявший абсолютно расслабленно, с силой произнёс:

— Девять жизней.

Почти в тот же миг, когда Гильгамеш развернул свои Врата Вавилона, Алкид выстрелил из лука.

Сотни Благородных Фантазмов устремились вперёд.

Но это были не слабые Фантазмы, которыми Гильгамеш атаковал во время их предыдущего столкновения на склоне ущелья. Каждое из этих орудий могло сокрушить духовную основу его противника.

Если бы Гильгамеш действовал из тщеславия, то попросту обрушил бы бесчисленные Благородные Фантазмы сверху, подобно дождю порочной жажды крови, даже не задумываясь об эффективности и ничего не принимая во внимание.

Однако теперь, когда он стоял на той же земле, что и его друг Энкиду, Гильгамеш забыл о тщеславии.

Его атака заключалась в точном направлении Благородных Фантазмов в те части тела Алкида, которые не были прикрыты шкурой Немейского льва. Это был смертоносный рой, способный уничтожить любую обычную Героическую душу.

Однако стремительный поток стрел, который выпустил Алкид, отпрыгнув в сторону, сбивал эти Фантазмы один за другим.

Каждая стрела отбивала сразу несколько Благородных Фантазмов, но ещё больше, чем их сила, изумляли необычные траектории их полёта и скорость потока.

Алкид накладывал на тетиву по две или три стрелы за раз и стрелял так быстро, что невозможно было уследить.

И это было ещё не всё. Его стрелы меняли направление прямо в воздухе и, словно каждая из них обладала собственной волей, с точностью поражали Благородные Фантазмы Гильгамеша.

Те же, от которых ему не удавалось полностью уклониться, он полностью блокировал и сводил урон на нет шкурой льва, вовремя поворачиваясь корпусом.

Видя, что шкура остаётся невредимой, Король героев фыркнул и сделал следующий ход.

— Я лично оценю...

Рядом с ним в воздухе образовалось большое искажение.

— ...насколько хорошо эта твоя шкура справится с творением рук человеческих.

Слева от него возникло полыхающее белое пламя.

Справа от него появилась блестящая серебряная жидкость.

Точнее говоря, сама жидкость была бесцветной, но влага в воздухе вокруг неё мгновенно застывала, придавая ей серебристый блеск.

Поскольку пламя и жидкость возникли из сокровищницы Короля героев, они, должно быть, были сотворены руками человека.

А объединяли их рукотворные электрические заряды. Буря огня, льда и молнии устремилась к Алкиду.

Тот в свою очередь натянул тетиву своего лука особенно сильно.

Плечи лука согнулись назад. Когда оружие, казалось, уже готово было треснуть и сломаться, Алкид спустил тетиву... и в небесах над церковью возникло «это».

Это были девять стрел, окутанные зловещей магической энергией, чьи извивающиеся траектории полёта походили на гигантских змей.

Они закрыли собой небо над главной улицей, подобно легендарной гидре, пожирая не только выпущенные Благородные Фантазмы, но и пламя, холод и даже молнии.

Если бы лучник был прежним собой, то его выстрелы окутывала бы не зловещая магическая энергия, похожая на грязь, а чистая божественность.

Изначально это был апогей навыка и божественной силы, «подобной драконам».

Этот Благородный Фантазм, который, будучи высвобожденным с мечом в руке, превращался в стремительный танец из девяти ударов, а с копьём принимал форму девяти молниеносных выпадов, не являлся тайным искусством, передающимся от отца к сыну. Нет, это был миф, который великий герой создал и довёл до совершенства в одиночку.

Однако стрелы, которые он выпустил, став адептом возмездия, пронеслись между небоскрёбами, приняв облик, похожий на змей или злых драконов.

И словно заявляя, что золотой Король героев станет их последней добычей, девять огромных змеиных голов устремились к Гильгамешу.

— Яд гидры? Да, может, сам мир подразумевает, что королю к лицу умереть от отравления, но тебе не хватает артистичности, шавка.

Он приостановил свой натиск Благородных Фантазмов и вызвал очередное искажение в воздухе перед ним, приготовившись открыть дверь для нового сокровища.

— Досадно принимать змей в сокровищницу, но у меня уже есть такой же яд.

— Вместе с его плотью, кровью и противоядием.

×

×

— Вы можете победить, господин Гильгамеш! Можете, я знаю!..

Тина, наблюдавшая за сражением с верхнего этажа отеля-казино, инстинктивно стиснула кулаки.

Гротескный лучник, назвавшийся Алкидом, наверное, был одним из самых опасных противников в этой Войне за Святой Грааль.

Но их противостояние убедило Тину в том, что её Слуга, Гильгамеш, выйдет победителем. Он отражал все атаки противника, а эти девять стрел, которые судя по всему, являлись Благородным Фантазмом, наверняка были козырной картой Алкида.

Исходя из косвенных признаков, Алкид обладал Фантазмом, который мог украсть Благородный Фантазм у противника, что больше походило на нечестную игру. Но пока всё складывалось так, что Гильгамешу даже не придётся извлекать Эа, Меч разрыва, чтобы высвободить Энума Элиш, так что можно было не опасаться, что его украдут.

Но больше всего Тина испытывала облегчение от поведения Гильгамеша, в котором не было даже намёка на страх или тревогу.

— Меньшего я и не ожидала, мой король!..

Слова, которые Тина не смогла удержать в себе, принадлежали не главе племени, желающей вернуть землю своего народа.

Это были слова девочки, которой ещё только суждено было повзрослеть, восхищённой сиянием Короля героев.

Тина Челк забыла.

Забыла, что она являлась не только подданной Короля героев, но ещё и Мастером Гильгамеша.

И Тина не ведала, что, каким бы великим и благородным ни был Гильгамеш, даже если Король героев отбросил тщеславие и небрежность...

...Война за Святой Грааль не была настолько простой, чтобы в ней можно было победить без командной работы Мастера и Слуги.

×

×

Гильгамеш готовил свой Благородный Фантазм, чтобы перехватить девять стрел, окутанных гротескной, тёмно-красной магической энергией, которые приближались к нему, как вдруг...

Искажения в пространстве вокруг него *исчезли*.

— Что?

Увидев это, Гильгамеш впервые нахмурился.

Исчезновение искажений указывало на одно.

Врата в сокровищницу Вавилона, содержащую все сокровища короля, в хранилище, которое, как утверждают одни, всё ещё существует где-то в этом мире или, как говорят другие, находится в совершенно другом измерении, *полностью закрылись*.

Сам Гильгамеш, разумеется, не стал бы этого делать.

Но кто ещё мог совершить такое?

Это было невозможно.

За то мгновение, что потребовалось Гильгамешу для того, чтобы сделать вывод, несущие погибель героям отравленные стрелы приблизились к нему ещё сильнее.

Но Гильгамеш на этот раз не был преисполнен самоуверенности или ослеплён беспечностью.

Отказываясь поддаваться отчаянию слишком рано, он попытался использовать те Благородные Фантазмы, что уже находились в воздухе, чтобы отразить стрелы, когда...

— _____

«Это» странно походило на песнь земли, которую пел Энкиду в первый день.

«Это» прозвучало над Сноуфилдом без предупреждения, став какофонией, терзающей мозги всех, кто был в городе.

От песни Энкиду «это» отличалось тембром.

«Это» был не прекрасный голос, возносящий хвалу земле и её народу...

«Это» был злобный рёв жуткого монстра, который словно проклинал весь мир.

×

×

В этот момент Тина с помощью заклинания дальновидения увидела выражение, застывшее на лице Гильгамеша.

— Что?..

На мгновение она не поверила своим глазам.

Такого выражения его лица она никогда прежде не видела.

На первый взгляд оно походило на удивление, когда он ощутил присутствие Энкиду.

За исключением его глаз.

Невероятно, *но в его глазах была заметна эмоция, которую Король героев никогда не должен показывать.*

Эта эмоция, как правило, появлялась в глазах противников Короля героев, когда они смотрели на него.

В его глазах читались изумление, раздражение, нерешительность... и едва заметный проблеск *страха.*

Все, кто стали свидетелями этого зрелища, пусть и мимолётного, пришли к тому же выводу.

Едва услышав этот рёв, Король героев дрогнул.

Невероятно.

Это неправда. Мои глаза обманывают меня.

Тина даже не успела закончить свою мысль, когда заклинание дальновидения явило ей трагедию.

Момент, когда одна из стрел, падавших на Короля героев, пронзила его плечо.

×

×

— Гха!..

Стрела едва не задела его наиболее важные органы.

Но, поскольку она была отравлена, это едва ли имело значение.

Оставшиеся стрелы, ранее отклонившиеся от траектории, вновь приближались к нему.

Его сокровищница отказывалась открываться.

От попадания стрелы он потерял равновесие.

А рой стрел, направленный на него, летел со слишком большой силой, чтобы он мог отразить их своим мечом.

Гильгамеш ничего больше не мог сделать. Вторая и третья стрелы вонзились в руку и ногу Короля героев.

Остальные наверняка попадут в жизненно важные места.

Но в тот момент, когда все сочли, что Король героев вот-вот поддастся панике... мимо Гильгамеша пронеслось «копье земли», возникнув словно из ниоткуда, и устремилось навстречу стрелам.

Магическая энергия, окутывавшая снаряды, была отражена с громоподобным грохотом, от которого задрожали стёкла в окнах соседних зданий.

— Похоже, нас прервали.

— Будь ты... проклята.

Искажённое гневом лицо Короля героев было обращено к ночному небу. Было невозможно сказать, услышал ли он вообще слова своего противника.

— Никогда бы не подумал, что ты забредёшь сюда... Только не говори мне... что ты пала так низко.

Его слова предназначались не для Алкида.

Глаза Гильгамеша, замершие на пустом воздухе, уже ощутили это присутствие.

Присутствие, которое до сего момента было умело сокрыто.

Присутствие, которое возникло в тот момент, когда Гильгамеша поразила отравленная стрела, словно говоря, что в прятках больше не было необходимости.

И в ответ на его слова... в небе над главной улицей раздался третий голос.

— «Пала»? Как грубо.

Это был прекрасный, чистый голос, но он был настолько холоден, что у всех, кто его услышал, по спине пробежали мурашки.

— Моё положение никогда не менялось. Просто вы убедили себя в том, что вам удалось подняться выше нас. Я права?

Из-за небоскрёба, паря в воздухе, возникла женщина, обладавшая белой кожей, красными глазами и нечеловеческой красотой.

Гильгамеш не узнал её внешность.

Но существо, засевшее в этом теле, было знакомо ему больше, чем хотелось бы.

Можно было даже сказать, что он знал её слишком хорошо.

— И всё же ты наконец-то дал слабину... Думаю, сейчас ты уже должен испытывать невыносимую боль от этого яда. Нет желания начать корчиться? Давай уже, кричи в агонии. Я сделаю тебе одолжение и посмеюсь над тобой, — сказала Гильгамешу красавица с едва заметной улыбкой, когда яд начал вгрызаться в его тело.

Но Гильгамеш, несмотря на то, что он наверняка испытывал такие муки, описать которые словом «боль» было недостаточно, невзирая на то, что по его венам словно текла мощная кислота, и не обращая внимания на пот, выступивший на его лбу, *посмотрел свысока* на женщину, зависшую в воздухе над ним.

— Как хорошо ты тявкаешь. Подумать только, даже минувшие тысячелетия не смогли стереть надменность из твоей души. Похоже, эта плесень сильно в тебе укоренилась.

— Можешь говорить что угодно, — с самодовольной улыбкой сказала женщина, которую Король героев, само воплощение слова «эгоизм», разгуливающее в доспехах,

назвал надменной. — И всё же разыскать тебя было непросто... Ты заслуживаешь тысячи смертей только за то, что заставил меня зайти в ту мрачную пещеру.

При слове «пещера» Гильгамеш и Тина, услышавшая её через заклинание дальновидения, одновременно подумали об одном и том же месте.

О пещере, в которой маг-чужеземец призвал Гильгамеша.

— Но я прощаю тебя. В конце концов, это помогло мне найти то, что поможет прикончить тебя.

Взирая сверху вниз на Гильгамеша, женщина извлекла богато украшенный ключ великолепной работы.

То, что она держала в руке, было тем самым катализатором, который маг использовал для призыва Гильгамеша.

Ключ от главных врат в его сокровищницу.

Не тот ключ-меч, который открывал самые её глубины, где хранился Эа, Меч разрыва.

Это было то самое произведение искусства, предназначенное для открытия главных врат сокровищницы.

— Всего лишь бессмысленная безделица, с которой обычный человек ничего бы не смог сделать, верно?

— Будь ты проклята...

Женщина взглянула на Гильгамеша, который стонал, обливаясь холодным потом, но не изменила своей горделиво выпрямленной осанки, очаровательно склонив голову вбок... и произнесла с улыбкой, от которой веяло пробирающим до костей холодом:

— Но этим ключом... я могу, по крайней мере, «запереть» её.

Тем самым она заявила, что запечатала сокровищницу Короля героев. А для фракции Тины эти слова были подобны смерти.

Но, словно говоря, что есть вещи и поважнее этого, Король героев ухмыльнулся и с сарказмом произнёс:

— Я удивлён тому, что ты закрыла врата прежде, чем мои сокровища ослепили тебя. Я сказал, что ты пала, но я ошибся.

— ...

— Ты заслуживаешь похвалы, Иштар.

На имя, которое Король героев будто выплюнул из своей глотки, женщина отреагировала холодной улыбкой вместо благодарности. Гильгамеш продолжал иронично ухмыляться, подавляя боль от яда, державшего его тело, одной лишь своей сверхчеловеческой гордостью.

— Или на тебя так влияет этот сосуд?

— Ну уж нет. Я полностью затмеваю её изначальную личность... Она кукла, созданная исключительно для того, чтобы стать сосудом.

В следующее мгновение...

Под ней вспыхнуло семицветное сияние, похожее на радугу, из которого возникло огромное «нечто».

Скорее всего... это и было существо, «рёв» которого заставил Гильгамеша дрогнуть.

— Как и эта кроха.

— !..

При виде огромного создания – «Истинного Берсеркера», призванного Мастером по имени Харли, однако Гильгамеш не мог об этом знать – на лице Короля героев мелькнуло несколько эмоций.

Затем, глядя на него исполненными ярости глазами, он медленно покачал головой.

— Ну и ну. Даже меня удалось одурачить. Чтобы я, и спутал «истинное» с жалким эхом проклятия.

— ...

На это Иштар лишь едва заметно улыбнулась. Вместо того, чтобы ответить Гильгамешу, она окинула взглядом окружающую местность, и её губы растянулись в широкой и весёлой улыбке.

— Я бы очень хотела поиграть с тобой ещё немного... но, похоже, ситуация станет слишком уж неприятной, если я задержусь здесь.

— Что?..

— Слуга Эрешкигаль... или, может, Нергала? Советую тебе бежать. Кроха говорит, что наелась, но ты же только что испытал на себе «божью кару»?

Возможно, она подслушала его разговор с Сэйбером. С этими бесстрастными словами она и огромная Героическая душа развернулись, чтобы удалиться.

На прощание она произнесла с улыбкой, которая была слишком извращённой – или чарующей – для божества:

— Я пощадила тебя, рана не смертельная. Так что страдай сколько хочешь.

— Сказала бы я.

Иштар вдруг замерла и повернула голову к Гильгамешу с ещё более жестокой улыбкой.

— Но даже если я прощу, эта кроха, похоже, вас никогда не простит.

В следующее мгновение из стального колосса возник семицветный ореол, который скрутился и сузился, приняв форму, похожую на долото отбойного молотка... и вонзился прямо в живот Гильгамеша.

— Господин Гильгамеш! Нет! Не-е-е-ет!

Крики юного Мастера эхом разнеслись высоко в небе, но они не достигли женщины по имени Иштар или Алкида, которые находились у самой земли.

Услышал ли их её Слуга Гильгамеш, понять было невозможно.

Очевидно было лишь одно: Гильгамеш стоял величественно и непоколебимо перед лицом своих врагов, пока сознание не покинуло его.

Виной тому была ужасающая, невыносимая боль, от которой даже кентавр, наставник множества героев, отказался от своего бессмертия, чтобы обрести спасение в смерти.

Даже снедаемый ядом в трёх местах и пронзённый атакой стального зверя... Гильгамеш продолжал стоять перед своими врагами как король.

Гильгамеш, Король героев.

В этой битве он забыл о тщеславии.

Однако даже так он стал жертвой козней божества и жестокости зверя.

Наконец крыша под его ногами стала рушиться, и канал магической энергии, связывающий его с Тиной, начал угасать...

И духовная основа Короля героев полностью исчезла.

Затем, спустя несколько десятков секунд... возник рой всепоглощающей «черноты», отличной от грязи Алкида.

Непроглядно-чёрный ветер, подувший из одной палаты в больнице, объял местность...

И вся жизнь исчезла с главной улицы, на которой развернулось так много сражений.

Этот ветер стёр Гильгамеша, Алкида, офицеров полиции, Флата и даже священника-Наблюдателя, Аяку и Сэйбера внутри церкви.

Не осталось ничего, даже насекомых...

Лишь безмолвный городской пейзаж.

Даже начальник полиции, Фалдеус или Франческа Прелати, которые были на стороне зачинщиков, не могли в полной мере постичь то, что произошло.

Над главной улицей просто продолжала доветь тишина.

Интерлюдия

「Наёмник, убийца, вампир II」

Вскоре после того, как Сигма стал владеющим магией «солдатом удачи», его предал другой наёмник, сражавшийся бок о бок с ним.

И не простой наёмник, а один из тех, кого вырастили на той же «фабрике», что и Сигму.

На «фабрике» его называли Лямбда, а по уровню своих магических навыков он превосходил Сигму в несколько раз.

Когда они отправились на подавление преступного синдиката, члены которого пользовались магией, Лямбда завёл Сигму в западню и затем выстрелил ему *Гандром* в спину.

Вслед за этим последовала череда событий и неожиданных поворотов, но в итоге выжил именно Сигма.

Лямбда был более искущён в магии, но из-за этого он полагался на неё слишком сильно. Сигма воспользовался этим и одержал над ним верх с помощью тактики, включающей использование современного вооружения.

— Почему я?.. Почему... я умираю?

Заклинатель в ходе сражения потерял контроль над смертельным проклятием и умирал от самоотравления.

Он не мог пошевелить ни одним мускулом, а его сердце готово было вот-вот остановиться, но с его губ продолжали срываться слова обиды.

— Потому что ты меня продал.

Его хотели убить, поэтому он убил в ответ. Только и всего.

Еле дышавший заклинитель покачал головой, отвергая простой ответ Сигмы.

— Нет, я не о том. В этом нет смысла. Нет смысла. Выживает сильнейший. Для нас это естественный закон. Жажда крови становится проклятием, запечатлённым в мире, и возвращается назад, если цель отражает её. Это естественно. Но я не о том... Я не... это пытаюсь сказать...

Он продолжил выкрикивать своё негодование, изрыгая чёрную кровь вперемешку с желчью:

— У меня... есть причина жить! Я нашёл людей, которых я должен защищать! Я столько всего хочу! Той «фабрики», может, уже и нет, но наша родина не изменилась! Я должен её изменить! Чтобы больше не было таких, как мы! И ради этого я не мог допустить, чтобы этот синдикат сгинул здесь и сейчас!.. Я отдал всё, что у меня было! Ради этого блага я пытался принести в жертву своё время, свою жизнь, даже тебя, моего лучшего друга, которого вырастили вместе со мной!

Его взгляд говорил, что он готов был в любой момент вскочить на ноги и задушить Сигму, но пламя его жизни неумолимо угасало.

Однако Лямбда продолжал сыпать проклятиями на Сигму, который просто стоял и бесстрастно слушал.

— Так почему?! Почему. Сигма?! У тебя же нет ни цели, ни стремлений, вообще ничего! *И ты даже не хочешь их обрести!* Почему ты убил меня?! Как... ты смог меня превзойти?! Какое убеждение придало тебе столько сил?! Ради чего ты живёшь?! Какой тебе прок от моей смерти?! Почему... выжил ты... а не я?!

Когда поток слов наконец-то иссяк, Сигма потратил секунду на обдумывание этих проклятий... и дал простой ответ:

— А разве мне... нужна причина?

— Что?..

— Я просто не хочу умирать. Боль я тоже не люблю. Поэтому я ответил на агрессию и убил тебя. Вот и всё.

— Ты... просто... не хочешь?..

Его лицо стремительно бледнело.

Должно быть, он осознал, что его крики негодования – проклятие, которым он пытался прожечь своего противника – не достигли цели, потому что над ним возобладал другой вид гнева и отчаяния.

Однако и это не смогло пошатнуть хладнокровие Сигмы.

— Даже если бы ты объяснил свою причину и затем попросил меня умереть ради неё, то я, наверное, всё равно бы сказал «нет». Поэтому внезапная атака была правильным выбором. Ты должен гордиться своим предательством... наверное.

Сигма оставался бесстрастным, а в его словах не было уверенности. Заклинатель попытался собрать последние толики жизни, что ещё оставались в его теле, чтобы выкрикнуть что-нибудь в ответ.

— Не...

Но ему это не удалось.

Кровеносные сосуды в его голове лопнули, и из глазниц потекла кровь... возвещая о том, что жизнь в нём угасла.

Хладнокровно глядя на мертвеца, Сигма размышлял.

«Ради этого блага я пытался принести в жертву даже тебя, моего лучшего друга!»

— Значит... ты считал меня своим лучшим другом...

В то же время он осознал, сколько боли стоило этому человеку по имени Лямбда его предательство. Осознал, что никогда не считал Лямбду своим другом.

— Какая дурная шутка.

Когда всё закончилось, Сигма получил оплату от нанимателя и начал раз за разом пересматривать взятый напрокат DVD с комедийным шоу.

В глазах других он, наверное, не выглядел как человек, испытывающий удовольствие.

Но он просто был невыразительным. Он наслаждался шоу... но от удовольствия его отвлекала одна непрошенная мысль.

Он вспомнил заклинателя, который умер со смесью гнева и отчаяния на лице, словно у проклятой статуи, и подумал:

«Неважно, был он мне врагом или нет, наверное, ужасно умирать с таким видом».

Может, он скончался бы более мирно, если бы Сигма смог под конец отколоть какую-нибудь умную шутку.

Но он всё ещё понятия не имел, что ему следовало сказать. Всё, что он смог, – это негромко озвучить свои искренние чувства, глядя на комиков в красных нарядах:

— Комики просто невероятны... Поверить не могу, что они даже Инквизицию могут выставить посмешищем.

×

×

Настоящее. Сноуфилд. За больницей.

Сигма гадал.

Гадал, почему он вдруг вспомнил лицо своего бывшего товарища.

Ситуация явно к этому не располагала.

Ассасин придала густому туману, окутывавшему её тело, множество очертаний – крупных зверей, больших змей, красивых женщин, гигантов – и каким-то образом атаковала мужчину, который, похоже был кровососом – нет, монстром, известным как Мёртвый Апостол – с помощью физической силы.

Она наносила удары чудовищу в человеческом обличье, который восхищённо танцевал по полю боя, порой уклоняясь, порой теряя конечности и тотчас же отращивая их.

— Ха-ха-ха! Это что, джинны? Удивлён, что ты можешь ими управлять! С тобой всегда так весело! Если ты примешь меня, то сможешь управлять даже более сильными джиннами. Разве ты не хочешь быть как великий Сулейман?

— Я не управляю ими. Ты оскорбляешь моих великих предков и их учения!.. — с ненавистью прошептала Ассасин, после чего прыгнула в пекло битвы сама и набросилась на противника вместе со зверями и гигантами, сотканными из её тумана.

Однако, увидев, что даже это не смогло преодолеть регенерацию смеющегося злодея, Ассасин невольно прищурилась.

— Чудовище...

— Чудовище! Чудовище, значит? Отчасти ты права, но не называй меня столь расплывчатым словом. Я могу приревновать к другим монстрам и уничтожить их всех, прежде чем образумлюсь! Это невозможно, но ради тебя я сделаю невозможное возможным! Но, дорогая моя, почему бы не называть меня по имени? Меня зовут Джестер, Джестер Картур! Я буду повторять столько, сколько потребуется! Да, буду!

Джестер продолжал исступлённо смеяться. По его крикам можно было даже и не понять, что он находился в пылу сражения.

Сигма отмахнулся от этого с мыслью:

«Ну, что маги, что монстры – все они большей частью чудаки».

С другой стороны, он не мог отвести глаз от Ассасин, продолжавшей сражаться с монстром, чья смерть была для него невообразима.

Её лицо горело от ярости.

С печатью ненависти к своему врагу и собственному бессилию.

«А, ясно».

Сигма осознал, почему он вдруг вспомнил лицо своего товарища.

Потому что они были похожи.

Этот монстр пытался опорочить образ жизни своего противника, как и он когда-то.

Как он когда-то осквернил решимость товарища тем, что не имел причины жить, так и этот монстр пытался опорочить Героическую душу, рисковавшую всем ради выживания.

Между Ассасин и его товарищем не было ничего общего.

Даже в плане добра и зла, пожалуй, справедливо было назвать их полными противоположностями друг другу.

Но... неважно, добрыми они были или злыми, выражения на их лицах, исполненные ярости и отчаяния, были похожи.

Его товарищ предал его, но, как и Ассасин, он пытался защитить то, от чего не мог отказаться.

«Что же он, Лямбда, пытался защитить?»

Он никогда даже не пытался узнать Лямбду поближе. Он даже не вспоминал про него до этого момента.

Однако одно можно было сказать точно – проклятие Лямбды не смогло достичь души Сигмы... но оно поселилось в уголке его памяти.

Не для того, чтобы причинять боль. В этом оно походило скорее на указание, нежели на проклятие.

Другими словами...

Это было лёгкое умственное принуждение помочь Ассасин в этой ситуации.

Даже товарищ Сигмы, который хотел передать лишь своё негодование, не думал, что всё так обернётся, но – вот ведь ирония, достойная комедии – он, сам того не желая, дал Сигме подсказку.

Как итог, Сигма выхватил оружие и тотчас же выстрелил в Джестера.

Расстояние было внушительным, но усиленные тело и чувства Сигма были настроены под эту огневую позицию, и поэтому его выстрел угодил Джестеру точно в лоб.

Естественно, этого было бы мало, чтобы убить его, но пуля, обработанная магией, несла в себе урон, который не могло нанести обычное оружие.

— Вот обязательно тебе нужно было вмешаться, — неодобрительно произнёс Джестер. — Жалкий человек.

Он мгновенно восстановился от ранения и с ненавистью посмотрел на Сигму.

Сигма воспользовался этой возможностью... чтобы задать вопрос с помощью телепатии.

Вопрос теньям его Слуги, «Уотчера». Его интересовало всё, что им удалось узнать об этом монстре.

И затем... он вслух произнёс:

— Сколько этих «пуль» внутри тебя ещё осталось?

Сигма хотел задеть противника, сказав нечто, что могло бы сбить его с толку.

Он не знал личности своего Слуги, но уникальная способность Уотчера, будучи призванным, воспринимать всё, что происходило в городе, делала из него превосходную систему для наблюдения.

И согласно информации, которую он смог получить с помощью этой способности... вампир, известный как Джестер, обладал некоторым количеством ядер, которые он называл «пулями». Переключаясь между ними, он мог полностью перестраивать не только своё тело, но и душу.

Похоже, что его духовную основу мага уничтожила Ассасин, но Сигма не знал подробностей, потому что на тот момент Уотчер ещё не был призван.

— Что?

Эффект от провокационного намёка Сигмы на то, что ему был известен секрет Джестера, был простым, но незамедлительным.

Джестер стёр все эмоции со своего лица, и на невозмутимого Сигму уставилась такая же бесстрастная маска.

— ?..

Когда Джестер внезапно перестал двигаться, Ассасин, не теряя бдительности по отношению к противнику, посмотрела на Сигму.

Джестер в свою очередь тоже не забыл про неё. Глядя на Сигму, он спросил:

— Ты Мастер?

— Я не буду на это отвечать.

— Как ты узнал про меня? Слуга нашептал?

— Я не намерен раскрывать свой источник. Могу сказать лишь, что ты принял облик ребёнка, чтобы сбежать от экзекутора, и затем проник в больницу, где попытался что-то сделать под кроватью девочки.

Сигма говорил как ни в чём не бывало. Джестер, который считал, что действовал совершенно незаметно, нахмурился и раздражённо повысил голос:

— Ну ты и гад... Я всё равно собираюсь забить тебя до смерти, но, пожалуй, сначала заткну твой умный рот.

И когда он уже собирался переключить свои атаки на Сигму...

В небе над Сноуфилдом заплясали огромные змеи.

— !

Даже Джестер настороженно отнёсся к этому потоку магической энергии и обратил на него своё внимание, отдалившись при этом от Ассасин и Сигмы.

— Это же... Лучник такой силы, должно быть... Вот как, ясно. Война за Святой Грааль с такой степенью подготовки почти как Эпоха бо...

— _____

Над главной улицей разнёсся рёв, который будто проклинал всё сущее.

Услышав этот крик, подобный плачу самой земли, Джестер широко распахнул глаза, а Сигме и Ассасин показалось, что их души разлетелись на куски. На мгновение они словно выпали из потока времени.

— Что?.. Неужели Святой Грааль и вправду может призвать нечто такое?.. — встревоженно пробормотал Джестер, ощутив в истоке этого рёва духовную основу. — Чёрт побери. Такими темпами из этого не получится комедии или трагедии по моему вкусу. Они спалят публику, сцену... вообще всё.

Но как только Джестер в преувеличенной манере выразил своё сожаление, его лицо расплылось в злобной улыбке, и он бросил взгляд на Ассасин.

— Ну ладно. В таком случае сменим сцену.

— Что ты... имеешь в виду?..

Едва она с неослабевающей враждебностью привела в движение магическую энергию, чтобы превратить окружающий её туман в зверей ещё больших размеров... из больницы хлынуло «нечто», похожее на чёрный дым.

— ?!

— Это...

На глазах у изумлённых Сигмы и Ассасин Джестер широко распростёр руки, словно приветствуя чёрный туман.

— Это начало второго акта! Не волнуйтесь. Вы достойны стоять на подмостках иных, чем эта жестокая резня. Вашей сценой станет сам покой во плоти... безмятежный рай!

Он позволил своему телу раствориться в чёрном тумане, но голос его продолжал звучать в воздухе.

— Жду не дождусь... увидеть, как вы оскверните его прекрасные виды собственными руками.

Какое-то мгновение голос, казалось, доносился со всех сторон, словно облизывая их с головы до ног. Затем рой «черноты» устремился вперёд, подобно огромной волне, окутывая Ассасин и Сигму...

И огни сцены погасли.

Глава 16

「Рассвет нового дня и беспробудные сны I」

Во сне.

Дует ветер.

Дует ветер.

Бу-у-уш, сву-у-уш, всё тает вместе:

Звёзды, высокие-высокие здания, а вместе с ними и сонные жители города.

×

×

Даже в мире сна девочка продолжала спать.

Она спала, потому что стемнело. Она спала, потому что хотела спать.

Таково было её скромное желание.

И поэтому...

— ...

— ...

Её защитник просто действовал так, чтобы и дальше исполнять его.

Чтобы погасить ослепительные огни, нарушавшие покой девочки.

Чтобы унять шумный ветер, угрожавший её избавлению.

×

×

Во ____.

Голос.

Голос начал достигать ушей дремлющих «наблюдателей».

— Такой, как ты, поведает историю моей любви и ненависти?

Чей это был голос?

Он был резким и в то же время дрожал от пламенного негодования. Каждый его звук морозил воздух и, казалось, предвещал трагедию.

«Наблюдатели» узнали другой голос, который раздался вслед за первым.

— Хорошо. По рукам. Я немного обыграю твою месть и сделаю из неё роман. Я расскажу о тебе всему Парижу. Нет, всему миру.

Этот голос принадлежал Слуге, который дал им силу сражаться, Александру Дюма.

Вслед за голосом пришёл неясный образ.

«Наблюдатели» увидели мужчину в чёрном, приставившего острую вилку к горлу Дюма.

Вероятно, это было какое-то сражение.

Его отец был генералом, но для себя Дюма избрал совсем иной путь. Однако сейчас он стоял перед достойным противником. И заговорив с ним, поставил на кон собственную жизнь.

— Каждый получает хотя бы чуточку любви и ненависти. Даже у ребёнка найдётся связанная с ними история. Но кто может поведать твою историю любви и ненависти, Эдмон Дантес, «Граф Монте-Кристо»?.. Я могу. Только я, мститель. Чем твоё недовольство тем, что у тебя украли целую жизнь, отличается от обиды мальчика на младшего брата, который взял его конфеты? Разумеется, кое-чем отличается! Но ты не из тех, кто в состоянии рассказать об этом наиболее ярко и драматично. Ты можешь тронуть сердца тысяч, миллионов людей? А я могу! Для этого и нужно моё перо! Или, если сказать иначе, ты уже поведал о себе миллионам людей! Да, на бумаге твою историю запечатлеет моё перо, но это ты показал мне свою жизнь!

Несмотря на приставленную к горлу вилку, Дюма встал с места во время своей речи. Говорил он громко, подобно суровому командиру, обращавшемуся к своим солдатам.

— ...

Последовало недолгое молчание.

Человек в чёрном невыразительно смотрел на Дюма, но в итоге опустил вилку, всем своим естеством излучая отвращение, и чуть ли не плюнул в ответ:

— Я не ищу компенсации, но твоя «сделка» едва ли разумна.

— О, будет тебе компенсация, — ответил Дюма, пожав плечами и скривив губы в широкой улыбке. — Я сделаю тебя знаменитостью.

Затем он широко распростёр руки и с блеском в глазах, словно у ребёнка, описывающего свои планы на будущее, начал излагать человеку в чёрном своё видение романа:

— Мой герой будет идти по дороге возмездия, вымощенной ярко-красной кровью и чёрной ненавистью, но все будут только рады, потому что в этом и заключается красота мести. Я сделаю так, что в ближайшие тысячу лет каждый человек во Франции при упоминании слова «мститель» будет думать о тебе.

«Наблюдатели» наконец осознали, что Дюма вёл переговоры.

И что человек в чёрном, наверное, был прообразом персонажа в произведении Дюма.

Некоторые начитанные «наблюдатели» поняли, кем был этот человек, но не могли избавиться от сомнений: «Он ведь не мог существовать на самом деле?»

— Это придаст твоей мести полноту. Ты был оболган обществом, забыт всеми и брошен миром. Но впервые люди поймут, что ты был прав.

— Прав?.. Думаешь, я хочу этого?

— Пусть не для тебя... но для людей, которые были связаны с тобой, это может стать избавлением.

После этих слов человек в чёрном вновь погрузился в молчание. После чего медленно покачал головой.

— Делай, что хочешь.

— Ты не против?

— Человека по имени Эдмон Дантес больше не существует. Осталась лишь злорада, которая продолжает мелькать где-то на границе любви и ненависти.

Несмотря на столь философский взгляд на ситуацию, в которой он оказался, голос мужчины, казалось, всё ещё горел сумрачным огнём.

Дюма вновь поводит в воздухе своим бокалом вина с намёком на одиночество:

— Значит, ты отрекаешься от Эдмона Дантеса.

— Это имя человека, который должен был сгинуть в замке Иф.

— Твой плащ подобен чёрному огню. Ты хочешь рано или поздно спалить себя? Или... ты уже это сделал? Как и чёрный тюльпан, это зрелище наверняка всколыхнуло бы сердца людей. Не думал отступить, пока от тебя только кучка пепла не осталась?

«Наблюдатели» были в замешательстве.

Дюма говорил так, будто одобрял месть. Почему он пытался отговорить Дантеса?

— Да, верно. Тебя ждёт лишь ад. Тьма непрогляднее даже чёрного пламени, которым ты объят. Тебе нет спасения. Я достаточно людей повидал, чтобы с уверенностью говорить такое. Десять к одному, что ты не выкарабкаешься. Всё закончится тем, что ты уничтожишь обычное счастье собственными руками. Но если ты отступишься сейчас, то, возможно, встретишь ту же судьбу, что и герой романа, который я собираюсь написать.

Дюма будто пытался сказать мужчине, чтобы тот не разрешал ему писать роман. Мститель в чёрном выслушал его и с невероятно довольной улыбкой огласил пустоту зловещим смехом.

— Вот как... Значит, ты, человек, которого называли «королём Парижа», с уверенностью говоришь, что меня ждёт ад.

— Почему ты смеёшься?

— От облегчения. Это значит, что мой путь достоин того, чтобы по нему идти.

Мститель впустил в свой голос ярость, пламя которой угрожала поглотить его целиком, и продолжил:

— Мне не нужно спасение! Не нужно милосердие! Как я мог бы говорить о «мести», если бы отказался заплатить цену за то, что даже невинного утопил в своей ярости?

«Почему мы здесь?»

«Почему видим всё это?»

«Наблюдатели» гадали, но не могли найти ответы.

Но в то же время они были не в силах отвести взгляд.

Даже если им была неведома личность человека, разговаривавшего с Дюма, они с болью ощущали тёмное пламя души глубоко внутри него.

Словно это пламя и привлекло их сюда.

Не зная, какими обстоятельствами руководствовались этот человек и Дюма, они просто чувствовали, как мужчина в чёрном таинственном образом воздействовал на их сердца.

Мужчина замолк, повернулся к Дюма и вновь произнёс:

— И всё же... То, что станет с человеком, идущим прямой дорогой в ад, не должно тебя касаться.

Он хихикнул и с ноткой удовольствия продолжил:

— Сперва я подумал, что ты такой же алчный до денег негодяй, как и мои заклятые враги... но ты на удивление радушен, писатель.

— Это не важно, не так ли? Просто у меня уже столько денег, что я не знаю, куда их девать, — Дюма поскрёб пальцами голову, явно встревоженный этими внезапными словами.

Человек в чёрном отвернулся от Дюма и направился к задней двери помещения.

— Это просто имя, от которого я отказался. Если ты говоришь, что увековечишь его своим пером, тогда сделай это, если сможешь.

— О, я-то сделаю. Да... Сперва подготавливаю немного... но в следующий раз, когда я услышу упоминание об острове Монте-Кристо в каком-нибудь месте, никак не связанном с тобой, то пойму, что это судьба посылает мне сигнал. И, думаю, тогда начну писать. Буду публиковаться в газете или ещё где, так что жди с нетерпением.

— Смотри не забудь. Если мне не понравится концовка, я заявлюсь к тебе в спальню, чтобы разорвать рукопись и твою трахею.

В ответ на угрозу, которую с остроумной улыбкой выдал человек в чёрном, Дюма с сарказмом произнёс:

— Разумеется. Если роман принесёт мне кучу денег, я построю усадьбу на берегу Сены и назову её «Монте-Кристо», так что ты будешь знать, где меня найти.

Он понятия не имел, что однажды воплотит эту свою колкость в жизнь.

— Как бы то ни было, если концовка тебя устроит, то можешь зайти и воздать мне немного аплодисментов. Мне бы хотелось по возможности узнать, чем всё закончилось для прообраза моего персонажа.

— Могу сказать тебе лишь одно.

Человек в чёрном криво, едва заметно улыбнулся и, не оборачиваясь, заявил:

— Жди и надейся.

«Наблюдатели», слушавшие их разговор, больше ничего не смогли увидеть.

Вместе со словами мужчины их сознания покинули это место.

При этом у них было чувство, что они уже были включены в жизнь Героической души Александра Дюма – в его «историю».

И затем сознания «наблюдателей» окутал свет...

×

×

В утренних лучах солнца.

— Что... это было?..

Вера, координатор отряда полиции, осознала, что она лежала на скамье на территории больницы, и медленно встала.

— Где... Как я здесь оказалась?

Другие офицеры, лежавшие на земле рядом с ней, также начали подниматься на ноги, слово по команде.

Они все озирались с выражением замешательства на лицах.

— Где?..

— Что? Это же сейчас был...

— Мистер Кастер... и человек в чёрном...

Слушая их бормотание, Вера рассудила, что они все видели одно и то же.

— Сон?.. Но всё было таким...

Ярким и реалистичным.

Они даже не могли толком вспомнить, что услышали. Всё было так, словно что-то исторгло их пробуждающиеся сознания из тел и закинуло их в другое время и место.

— О, вы тоже это видели?

— Джон?..

Голос, раздавшийся за спиной Веры, принадлежал Джону, который, похоже, уже полностью очнулся.

Его протез был наполовину уничтожен и лишился клинка, смазанного ядом гидры.

Разумеется, если бы от клинка что-нибудь осталось, то он представлял бы невероятную опасность, так что в каком-то смысле им повезло.

— Раз уж вы упомянули мужчину в чёрном, полагаю, вы увидели, как мистер Кастер разговаривал с мстителем в ресторане... Ну, я первым делом тоже это увидел...

— Первым делом?.. Что с тобой произошло, Джон? Как ты обрёл такую силу?

Джон ответил на спокойные вопросы Веры с явным замешательством.

— Ну... я и сам ничего не понимаю... Мне показывали самые разные «героические сказания», начиная с этого, где-то... часов десять, наверное. Невероятно сильные мушкетёры вроде знаменитой троицы и герой-революционер Гарибальди. Им на смену пришли поразительные писатели, которых он встретил в Париже... О, думаю, они тоже были героями...

Судя по голосу, Джон был сбит с толку. Вера отреагировала на кое-что из его недоумённых слов.

— Десять часов?..

— Да. Что странно, когда я очнулся, с потолка больницы всё ещё падала пыль. Полагаю, на самом деле прошло, наверное, несколько минут. Но ясно одно: эту силу мне дал мистер Кастер... в этом я уверен.

— Кастер?.. Он покинул убежище? Он тоже здесь?

— Кстати говоря... «Здесь» это где?..

Джон затих и посмотрел на двери больницы, выходящие на главную улицу.

— Я очнулся перед церковью, но... Впрочем, сами посмотрите. Я не знаю, как это объяснить...

— ?

Прислушавшись к его совету, Вера взяла с собой несколько других офицеров, успевших прийти в сознание и вышла из больницы наружу, где они увидели... полное отсутствие разрушений. Над нетронутой главной улицей порхали птички.

Церковь, которая должна была быть наполовину уничтожена, также была восстановлена. Впрочем, «восстановлена» было не самым уместным словом, потому что всё выглядело так, словно она вообще не была до этого разрушена.

Всё словно говорило о том, что погром, вызванный ночной битвой между Героическими душами, был лишь иллюзией.

Явно измождённый Джон, стоявший за спинами озадаченных офицеров полиции, задал вопрос, похоже, отчасти обращаясь к самому себе.

— Если сражение до того, как мы потеряли сознание, произошло на самом деле... тогда где мы очутились?..

×

×

Сноуфилд. Специальный исправительный центр Коулсмана.

— Они исчезли. По-другому и не скажешь.

Для общественности это учреждение являлось частной тюрьмой, что было вполне распространённым явлением в Соединённых Штатах.

Фалдеус, находившийся на особом объекте для наблюдения глубоко внутри исправительного центра, негромко вздохнул.

Просмотрев доклад, он теперь раздумывал над исчезновением нескольких его людей, которые находились близ главной улицы.

Исходя из доклада, полицейские окружили больницу.

А ещё кто-то из полицейского участка связался с больницей заранее.

Увидев имя пациента, приписанного к доктору, с которой был осуществлён контакт, Фалдеус покачал головой.

— Куруока Цубаки... Чёрт бы побрал этих Куруока. Поверить не могу, что они сделали Мастером свою коматозную дочь.

У Фалдеуса были сомнения по поводу мотивов Куруока, магов, которые сговорились с зачинщиками этой Фальшивой Войны за Святой Грааль, но благодаря хаосу, воцарившемуся днём ранее, он в общих чертах понял обстоятельства.

— Не знаю, случайно у неё появились командные заклинания, или же это было намеренно... но теперь я понял. Они используют свою дочь, чтобы управлять Слугой и снабжать его магической энергией из безопасного места... Хитро, но, полагаю, вполне разумно. Я слышал, что даже в Войне за Грааль города Фуюки один знаменитый Лорд использовал свою невесту в качестве источника магической энергии.

— Думаете, что это сделал Слуга Куруока Цубаки?

— Франческа заверила меня, что она не нашла никаких следов магии, нарушающей восприятие или создающей какую-либо иллюзию, — ответил Фалдеус, кивнув Алудре, женщине, служившей ему адъютантом. — Разумеется, она, похоже, наслаждается сложившейся ситуацией.

— Значит, более тридцати человек исчезли с главной улицы за короткий промежуток времени. Включая Слуг, если предположить, что они не перешли в призрачную форму, чтобы скрыться.

Деловое и бесстрастное заявление Алудры подтолкнуло Фалдуса вновь просмотреть список, приведённый в докладе.

— Помимо отряда полиции, среди пропавших значатся Флат Эскардос, самопровозглашённый Наблюдатель Ханза Сервантес и четыре монахини – судя по всему, его подчинённые – которые были в церкви... Официально он обычный священник, но, исходя из докладов Орландо Рива и записи боя, зафиксированной нашей сетью наблюдения, он, должно быть, экзекутор. Причём довольно умелый.

Фалдеус нахмурился, после чего прочёл вслух оставшиеся имена.

— И ещё... Сигма и Мастер Сэйбера, которая была с ним.

Глядя на светловолосую девушку в очках, которую он видел на видеозаписях, Фалдеус погрузился в размышления.

— Её личность меня беспокоит... но не похоже, что она маг. Исключать вероятность нельзя, но мы должны счесть это работой Слуги Куруока Цубаки.

Они потеряли связь с Сигмой, который был, в сущности, на их стороне. Также им не удалось определить, что произошло с Ассасин и Сэйбер, находившимися, судя по всему, рядом с ним с самого утра.

Даже если не считать Ассасин, призванную для того, чтобы «разжечь пламя», при уничтожении Сэйбера его духовная основа и магическая энергия должны были влиться в Грааль.

Но этого, судя по всему, не произошло, значит, существовала большая вероятность, что Сэйбер, по крайней мере, был всё ещё жив.

В таком случае куда они исчезли?

Фалдеус хотел тщательно обдумать этот вопрос, но Алудра привлекла его внимание к ещё более насущной проблеме.

— Скажем, что разрушения на главной улице стали результатом взрыва подземного газопровода... цепная реакция, вызванная недавним происшествием в пустыне. Газовой компании придётся несладко... но мы для того её и создавали, чтобы пустить в расход. Жаль, конечно, простых работников, которые ничего не знают, но пусть ими занимаются «обычные» политики со своими планами социального обеспечения, — без всякого интереса сказал Фалдеус и переключился на другую проблему.

«Пришло время найти собственного Слугу».

«В худшем случае мне придётся использовать командное заклинание, чтобы призвать его к себе...»

Он уже хотел вернуться к своей работе... как вдруг ощутил слабое изменение в потоке магической энергии внутри него.

— ...

Это было странное ощущение, отличное от его обычных пяти чувств. Словно что-то внутри его тела слегка *потускнело*.

Фалдеус интуитивно распознал в этом «сигнал». Доверив Алудре разбираться с оставшимися деталями, он покинул комнату наблюдения.

Фалдеус шагнул в свою «мастерскую», которая находилась в этом же здании, убедился, что закрыл дверь, изолируясь от всех внешних радиоволн и магической энергии, и затем произнёс:

— Могу я поинтересоваться, чем ты занят?

— О чём ты хочешь узнать, мой контрактор? — раздался за спиной Фалдеуса голос, полностью лишённый эмоций и поэтому пробирающий до костей.

Фалдеуса окружали марионетки, которые передавались в его семье из поколения в поколение.

Невольно представляя себе, что голос доносился от каждой из них, он произнёс величественным тоном Мастера:

— Разумеется, я имею в виду приказ, что я отдал тебе, Ассасин... нет, Хассан ибн Саббах.

В том, что он произнёс его имя вслух, был смысл.

Фалдеус обращался к собственному Слуге, которого он мог называть «Истинный Ассасин», а не к девушке-фанатичке, призванной для того, чтобы «разжечь пламя».

— Я приказал тебе убить Гальвароссо Складио, главу семьи Складио. И всё же дела, похоже, приняли странный оборот.

За день, прошедший с того момента, как он отдал этот приказ, часть Соединённых Штатов впала в хаос.

За один только этот день тридцать пять важных фигурах в сферах бизнеса, медиа, политики и дипломатии скончались из-за несчастного случая или болезни. И большинство смертей по естественным причинам стали результатом именно внезапного инсульта или сердечного приступа, а не продолжительной борьбы с болезнью.

— Я ещё не получил доклада о смерти Гальвароссо... но в области, где он, как предполагается, обитает, происходит одна смерть за другой. Было бы глупо не заподозрить связь.

Фалдеус говорил агрессивно, скрывая тот факт, что на его спине и ладонях проступил холодный пот.

Если его Слуга совершал серию убийств по какой-то собственной причине, то Фалдеусу нужно было приструнить его, даже если ради этого придётся применить командное заклинание.

Однако если Слуга был из тех, кто не боится уничтожения, вполне возможно, что он попытался бы убить Фалдеуса прежде, чем тот успеет использовать командное заклинание.

Фалдеус приготовил свой разум и магическую энергию к тому, чтобы активировать заклинание, но тень – Хассан – просто ответила как ни в чём не бывало:

— Я не нарушил наше соглашение. Я лишь отправил жизни, оборвать которые тебя убедила твоя вера, на другую сторону сна.

Голос был холодный и механический, словно принадлежал тени, не обладавшей собственной волей.

— Как тот, кто шествует в тени священного очищения, клянусь: я лишил жизни тех людей, Гальвароссо Складио.

— Тех... людей?..

Фалдеус озадаченно нахмурился и ещё раз обдумал эти слова.

— Неужели!..

— Именно так.

Возвышавшаяся за его спиной «тьма», тихо заявила, развеяв тем самым все сомнения:

— «Человека», носящего имя Гальвароссо Складио, уже полностью растащили паразиты. Вот и всё.

×

×

Днём ранее. Где-то в Соединённых Штатах. Поместье Складио.

Семья Складио.

Один из главных преступных синдикатов Америки, оказывающий значительное влияние не только на криминальный мир, но и на сферу бизнеса.

Существовала причина, по которой семья Складио сохранила свою власть, даже когда меры по отношению к картелям усилились.

Она обращалась к тем, кого по тому или иному поводу изгнали из Часовой башни или азиатских магических организаций, и другим беспризорным магам, и использовала свои обильные финансовые ресурсы, чтобы поддерживать их деятельность.

Взамен они предоставляли семье Складио свою магию, но их никто к этому не принуждал. Они добровольно помогали семье, дабы не лишиться в её лице идеального покровителя или заступника, оберегающего их от конкурирующих организаций.

У семьи Складио также были внушительные связи с южноамериканскими наркокартелями, но их «наркотики» никогда не попадали на рынок. Эти вещества, подвергшиеся самым разным улучшениям, использовались магами под покровительством семьи в качестве особых катализаторов или ингредиентов для эликсиров.

Часовая башня занимала в их отношении следующую позицию: якобы, их стоило бы уничтожить, как только представится возможность, но в нынешнем положении минусы, а именно обострение отношений с Соединёнными штатами и

высвобождение всех связанных со Складио магов, значительно перешивают плюсы. Под этим предлогом они, по большей части, сохраняли статус-кво.

Глава этой могущественной организации, чьё влияние распространялось не только на общественность и криминальные круги, но и на мир магов, в данный момент... безвольно лежал на огромной кровати в глубинах обширного особняка. К его телу были подключены аппарат искусственного дыхания и множество трубок.

Любой при его виде сказал бы, что жить ему осталось от силы пару лет, но он улыбался под своей дыхательной маской и протягивал большую плюшевую лису девочке, стоявшей рядом с его кроватью.

— Спасибо, прапрадедушка! Я буду дорожить ею всю свою жизнь!

— Хорошо... Оливия. Незачем хранить её так долго. Когда найдёшь что-нибудь, что будет тебе более дорого, забудь про меня, — сказал прикованный к постели старик девочке пяти или шести лет. Голос его был хриплым, но в нём всё ещё чувствовалась сила.

Его имя было Гальвароссо Складио.

Оно было ненастоящим, но можно было без преувеличения сказать, что это имя, оставившее свой след в мире, было всем, чем он являлся.

Он был главой семьи Складио, человеком, который использовал все доступные меры, чтобы продлить свою жизнь. Официально ему было сто девять лет, но ходил слух, что на самом деле он был ещё старше.

Большая часть этих мер была связана с использованием магии и потому стать достоянием общественности не могла. Однако сам Гальвароссо магом не был, поэтому он мог замедлять своё физическое старение и умственную деградацию лишь до определённого предела.

Поистине могущественные маги могли превратить себя в кровососа или другое «нечеловеческое существо», но вот преобразовать другого человека... По крайней мере, маги семьи Складио не могли сделать это без сопутствующего риска. В особенности это касалось тех, кто магом не являлся, вроде Гальвароссо.

— Послушай, Оливия.

— Да, прапрадедушка?

Гальвароссо улыбнулся и сказал девочке, которая была самой младшей из его сорока трёх праправнуков.

— Ты так похожа на мою жену, скончавшуюся восемьдесят лет назад... Дай мне поближе взглянуть на твоё лицо.

— Станный ты, дедушка. Говоришь так, словно тебя скоро не станет.

Охрана, сопровождавшая девочку, отвела взгляд, услышав её наивные слова.

Должно быть, они знали, что Гальвароссо, скорее всего, недолго осталось.

Сам же старик, однако, не проявил такой слабости и с улыбкой продолжил слушать свою праправнучку.

После недолгой беседы девочка и её телохранители покинули комнату.

Прикованный к постели Гальвароссо остался наедине с негромкими звуками, которые издавал его аппарат искусственного дыхания.

Несмотря на полное отсутствие охраны, эта комната, расположенная в глубинах штаб-квартиры семьи Складио, была защищена магией, которая превращала её в крепость.

Один из телохранителей, сопровождавших его праправнучку, был умелым магом. Без него она бы даже не заметила коридор, ведущий к его комнате.

Большая и сложная мастерская, созданная усилиями самых элитных магов в распоряжении семьи – вот чем была главная резиденция Складио.

Множество защитных механизмов и злых духов внутри мощного барьера из тридцати пяти слоёв.

Поскольку однажды произошёл случай, когда мастерская мага была уничтожена вместе со всем зданием, в котором она находилась, системы штаб-квартиры защищали её как от авиаударов, так и от попыток разрушить основание глубоко под землёй.

Более совершенной защитой, пожалуй, могли похвастаться лишь средоточия магов вроде Часовой башни и Блуждающего моря или же извращённые лабиринты и логова, на создание которых маги, желающие достичь Истока, тратили всю свою жизнь.

В центре прочнейшего барьера находилось пространство, в котором не было даже намёка на насекомых, не говоря уж о злобе.

Здесь ничего не угрожало Гальвароссо, за исключением его собственной продолжительности жизни. Несмотря на это... он сознательно снял маску, уставился в пустоту и произнёс:

— Ты здесь, не так ли, тьма, возвещающая о моей смерти?

Пустота не ответила.

Однако Гальвароссо продолжил говорить будто сам с собой:

— Да, я знал. Знал... вот уже много лет.

Без маски дыхание, должно быть давалось ему с трудом, но Гальвароссо это не остановило.

— Я потратил своё личное состояние на аукционе, чтобы заполучить этот Мистический глаз... Мы были не очень-то совместимы... или, наоборот, слишком совместимы... но он показывал мне лишь одно и то же будущее... снова... и снова...

Он продолжил обращаться к пустоте. В его слегка несоответствующих друг другу глазах читался смех, вызванный самоиронией.

— Сегодня. День, когда я умру...

Пустота по-прежнему не отвечала.

Но Гальвароссо говорил так, словно был уверен в том, что его слышат. Что-то в выражении лица выдавало его облегчение.

— Я понял, что сегодня тот самый день... когда Оливия попросила у меня... плюшевую лису.

Гальвароссо пересадили Мистический глаз на одном поезде.

Он показывал ему будущее.

Будущее, которое разыграется здесь, в его собственном пристанище.

Он видел, как «тьма» закрывает его глаза после того, как он отдаёт плюшевую лису своей праправнучке.

— Всё просто. Мне нужно было лишь не давать эту лису Оливии... самой юной в моей семье. Этого бы хватило, чтобы изменить мою судьбу. Так я подумал... но, полагаю, вот что значит стареть... Я скорее умру... чем буду смотреть, как Оливия плачет и дует на меня... Вот что я чувствовал, честно...

Гальвароссо тихо объяснил свой поступок, обращаясь к пустоте.

Хладнокровный лидер, некогда внушавший ужас другим картелям, исчез. Остался лишь умирающий человек, который продолжал говорить с кем-то невидимым.

— Забавно, правда? Я сокрушил немало организаций, убил много, очень много людей, чтобы подняться на эту вершину... Тьма, что принесла мне смерть, прошу тебя... Если ты и вправду здесь, послушай... Я... умру, но не так... Нет, я не могу умереть вот так...

Его лицо постепенно становилось всё бледнее, словно от нехватки кислорода, видимо, по причине того, что он снял маску.

Но, словно показывая, что ему ещё есть что сказать, он протянул руку к пустоте и продолжил:

— Маги, которые пытались продлить мою жизнь... решили, что больше не важно, останусь ли я мной... Баздилот был против... но другие маги... убили души других влиятельных американцев... и переписали... их личности. Они хотели превратить эту страну... в рай для магов... Прошу... прекрати этот вздор... Позволь мне... умереть... Я просто хотел обрести шанс... использовать *волшебство*... магию...

Его речь стала прерывистой. Слова постепенно переставали складываться в предложения.

Но, словно в попытке запечатлеть своё естество в этом мире, он продолжал выговаривать слова, которые были чуть ли не проклятиями, обращаясь к пустоте комнаты.

— Да, да, первая женщина, которую я полюбил, моя жена, была магом... Магических цепей у неё почти не было... Можно сказать, дилетантка... Убита Часовой башней... Магия... Да, волшебство... Я всегда жаждал его... словно ребёнок... Я хотел... использовать магию... как она... Хотел увидеть тот же мир... то же самое... что видела она... Это всё, чего я хотел... Власть... Организация... А... А-а... А-а-а-а...

Гальвароссо продолжал кусками вспоминать пройденный им путь, словно желая искупить свои грехи.

По мере того, как слова слетали с его губ, его глаза дрожали от эмоций.

И затем, когда его сердце готово было вот-вот разорваться от страха смерти... *тьма потянулась к нему из пустоты, чтобы тихо и нежно закрыть его глаза.*

«Он» существовал.

Посланник смерти, который проскользнул прямо в сердце этой гигантской магической мастерской - чьи барьеры и защитные механизмы пусть и не были

совершенными, но всего лишь на шаг были ниже, чем он – не задействовав ни одну из её систем.

— Тебе нечего бояться.

Это был странный голос. Он, казалось, доносился отовсюду и в то же время был слышим лишь Гальвароссо. Слова, что произнёс этот голос, были просты, но именно из-за своей простоты они нашли отклик в его хаотичных эмоциях.

— Ты уверен?.. Человек вроде меня...

Из его Мистического глаза, который ничего ему больше не показывал, потекли слёзы. Тьма милосердно окутала его жизнь.

— Мне не дозволено судить тебя. Как не дозволено и тебе самому. Доверь всё ночи.

Тьма, которая незаметно для старика приняла человеческие очертания, положила ладонь на его голову и бесстрастно изрекла:

— Пробудись же в мире и покое на дальней стороне сна.

Затем тьма незаметно исчезла из комнаты, оставив лишь старика, которому больше не нужно было дышать. Глаза его были закрыты, а на лице читалось облегчение.

Он жаждал магии.

Этот человек так долго действовал за кулисами магического и американского общества, погубил бессчётное количество жизней... всего лишь ради детского желания. Можно сказать, что для такого, как он, эта смерть была уж слишком мирной.

×

×

Настоящее. Сноуфилд. Мясоперерабатывающий завод.

Битва между гигантской механической Героической душой и Алкидом превратила мясоперерабатывающий завод в руины.

Однако, благодаря Благородному Фантазму Франсуа Прелати он был, по всей видимости, восстановлен.

В его искажённом пространстве маг, который был Мастером Алкида – Баздилот Корделион – собирал элементы, которые разрушение не затронуло, и обустроивал простую мастерскую.

Его подчинённые – маги семьи Складио – шептались друг с другом, наблюдая издали за Баздилотом, который, используя магию, связывался с кем-то через коммуникатор.

— Эй... А когда мистер Корделион спит?

— Ты разве не знаешь? Он особенный. Я слышал, что он может спать всего по несколько секунд в день.

— Серьёзно?.. Я допускаю, что он может протянуть так несколько дней с помощью магии, но...

— Это ещё не всё. Ест он тоже по минимуму. Ходят слухи, что он обходился без воды и еды целых тридцать дней, когда выслеживал враждебного мага, укрывшегося в мастерской где-то в заснеженных горах.

Маги наблюдали за работой своего начальника со страхом в глазах.

— Нам повезло, что он на нашей стороне... Когда здесь появилась та жуткая Героическая душа, он даже бровью не повёл.

— Да уж. Не знаю, что за маги другие Мастера, но я не могу себе представить, чтобы он им уступил.

Даже среди магов и заклинателей они были едва ли не бесприютными. Да и в семье Складио их положение нельзя было назвать высоким.

Но внутри здания завода вдруг раздался голос взрослого человека, который, в отличие от их шёпота, был совершенно спокойным.

— Да никакой мистер Корделион не неуязвимый. Его побеждали несколько раз, и он этого не скрывает.

Это был мужчина, который работал под началом Баздилота дольше всех.

Когда-то он пришёл на замену другого доверенного Баздилота, который перекинулся на сторону другого вражеского мага, но в итоге ему удалось занять довольно высокое положение в семье Складио, однако Баздилот всё равно стоял гораздо выше его.

Заклинатель-ветеран начал рассказывать про Баздилота своим более молодым соратникам.

— Он едва не погиб в бою с экзекуторами Святой Церкви, а однажды его перехитрил фрилансер по фамилии Сисиго. Магало из Дер Фамилье выдавил ему одно лёгкое, а брат Деграс выжег большую часть его Магических цепей. Кажется, ничьей закончился его бой с У из компании «Марбл»... Это произошло ещё до его вступления в семью, но я слышал, что все ставили на его смерть, когда он выступил против одной из самых печально известных организаций Часовой башни – Аббатства Шпонхайм, кажется.

— В-вот как?

— Пугает то, что всё это никак не сказалось на его разуме. Даже когда его органы сгнили, даже когда к его ногам бросили голову его возлюбленной – он оставался спокоен. Тот, кто бросил эту голову, вероятно, надеялся наложить на него какое-то заклинание, когда это зрелище потрясло бы его... но это не сработало, — как ни в чём не бывало произнёс мужчина, запалив сигарету.

— Что стало с тем магом? — сглотнув, спросил один из подчинённых.

— Да то же, что и с другими. Мистер Корделион просто запихнул его в ту машину и переработал в кристалл маны. Разумеется, рыдал он сильнее всех прочих.

Взгляд мужчины замер на огромной машине, созданной магом по имени Атрам Галиаста для преобразования жизненной силы человека в кристаллы маны. Во время сражения с гигантской Героической душой днём ранее она была повреждена и в данный момент не работала.

Однако проблемой это не было. У них в запасе имелось достаточно кристаллов для того, чтобы Алкид мог сражаться в полную силу до самого конца Войны за Святой Грааль.

— Видите ли, он принёс в жертву свои жизнь и семью большому боссу, Гальвароссо Складио... Я ни разу не видел, чтобы он плакал или...

Мужчина вдруг прервал свой непринуждённый рассказ.

Баздилот встал со своего места у коммуникатора и незаметно для всех направился в сторону склада, находившегося в глубинах мясоперерабатывающего завода.

— Мистер Корделион... Что-то не так?

Подчинённые маги гадали, что же такое ему понадобилось на складе, но, поскольку никаких приказов озвучено не было, они остались на своих местах.

Затем через небольшой промежуток времени... Баздилот вышел из широко распахнутых дверей склада.

Его подчинённые выпучили глаза.

Их удивление было вызвано музыкальным инструментом, который он нёс в правой руке.

Разумеется, обычный инструмент не изумил бы их так сильно.

На самом деле даже сямисэн, обтянутый человеческой кожей, удивил бы их гораздо меньше.

Дело было в типе музыкального инструмента.

То, что держал в руке Баздилот, было больше его самого. Это был рояль.

— ...

Среди магов, которые были не в силах переварить увиденное, воцарилась тишина.

«О, это же... рояль? Что?»

На первый взгляд могло показаться, что Баздилот тащил чёрную громадину, но нет, он удерживал инструмент над землёй силой одной лишь руки.

Должно быть, его тело было изменено усилением или магией господства.

У магов не умещался в головах тот факт, что Баздилот использовал эту непропорциональную сверхчеловеческую силу для такой странной цели, как вынести со склада рояль. Чем лучше они осознавали ситуацию, тем сильнее становилось их замешательство.

Он продолжал идти, двигаясь в сторону огромного морозильника, изготовленного для мясоперерабатывающего завода.

— М-мистер Корделион?! Что происходит?! Рояль, э-э-э...

Они знали, что на складе для какой-то цели стоял рояль.

Они были в курсе, что игра на рояле была одним из талантов Баздилота, но никто не понимал, зачем он вообще потащил его в такое место.

Прежде всего, пребывание в морозильнике вряд ли положительно скажется на музыкальном инструменте и лишь значительно уменьшит срок его жизни.

Настройщик или пианист, наверное, лишились бы чувств при виде такого.

То, что их головы посетили столь неуместные мысли, лишь подчёркивало степень их замешательства, вызванного действиями Баздилота.

Когда они уже начали думать, что это, возможно, был какой-то Тайный знак, замаскированный под рояль, невыразительный Баздилот произнёс:

— Похоже, что мистер Складио... Дон Гальвароссо покинул нас.

— Что?..

На этот раз время в их головах будто замерло.

Миновав ошарашенных магов, Баздилот открыл двери морозильника и исчез в лесу из подвешенных туш.

Двери закрылись, и морозильник погрузился во тьму.

Когда угольно-чёрный рояль оказался в его центре, чуждая «чернота» пожрала мир красной плоти и белого жира.

В морозильнике, сопоставимым по размерам с теннисным кортом, воцарилась зловещая гармония, словно он был произведением искусства.

Баздилот, всё ещё не проявляя никаких эмоций, положил руки на клавиши и замер.

Вокруг его лица не было даже белых облаков пара. Похоже, что он перестал дышать.

Тишина и неподвижность слились воедино, пронизывая холодным воздухом кожу мага с ещё сильнее.

Спустя минуту в этой неподвижности, настолько совершенной, что, казалось, застыло даже время... Баздилот, по-прежнему не дыша, начал с лёгкостью скользить пальцами по клавишам.

— Эй, что он имел в виду, когда сказал, что дон нас покинул?

— Подождите.

Один из магов, с тревогой ожидавших снаружи, жестом потребовал тишины и напряг слух.

За дверями морозильника он услышал... беззаботный фортепьянный мотив.

От этой прекрасной эфемерной мелодии сердца поражённых людей стали спокойными, словно поверхность чистого ручья.

— Реквием... Это... «Lacrimosa»? — пробормотал ветеран.

Вольфганг Амадей Моцарт. На закате своих лет великий композитор начал работу над великим произведением, которое после его смерти закончил один из его учеников. Этим произведением был «Реквием».

А эта мелодия – «Lacrimosa» - являлась его частью.

Их сердца, очарованные звуками рояля, тронутыми горем, но исполненными нежностью, наконец-то вобрали в себя смысл слов Баздилота. Гальвароссо Складио был мёртв.

У них не было иного выбора, кроме как принять это.

— Мистер Корделион... По дону...

У одного из младших подчинённых, слушавшего доносившуюся из морозильника мелодию, на глаза навернулись слёзы.

Они слышали, что Гальвароссо, скорее всего, недолго оставалось. Баздилот, должно быть, привёз рояль с собой в Сноуфилд, чтобы сыграть реквием, когда до него дойдёт весть о его кончине.

Омывая свои души в звуках игры Баздилота, люди запечатлели в головах уважение к его решимости и тому, с каким спокойствием он выражал свою скорбь по дону.

Если бы свидетелем этой сцены стал кто-нибудь посторонний, он бы стал гадать, стоило ли ради такого вообще тащить сюда рояль, но людей Баздилота подобное уже не заботило.

Они просто вновь убедились в том, что их начальник был выдающимся человеком.

«И всё же зачем прикладывать такие усилия, чтобы сыграть в морозильнике?»

К тому времени, когда этот вопрос вновь возник в их головах, представление подошло в концу.

Последовала недолгая тишина, и двери морозильника отворились.

— Мистер Корделион!

К нему тотчас же подбежали несколько человек, чтобы узнать подробности.

— Когда дон?..

Их слова замерли.

И не только слова.

Само время будто застыло для них. Они замерли, не в силах говорить.

Это было не то время и не то место, чтобы расспрашивать Баздилота.

Само его лицо оставалось привычно невыразительным и исполненным машиноподобной убийственности.

Но в противовес этому... интерьер огромного морозильника за его спиной превратился в *красно-чёрный ад*.

Красный и чёрный.

Эти два цвета царили в морозильнике.

Дюжины животных туш, вместо того, чтобы висеть, как им и полагалось, были сбиты со своих крюков.

Одни куски мяса были размазаны о стены и напоминали красные стельки. Другие были изрублены в фарш прямо вместе с костями и разбросаны по полу.

Местами мясо сгнило, растворяясь в красных лужах, похожих на кровь, а где-то вообще было сожжено в пепел. Куски мяса уже воспринимались не как то, что когда-

то было пищевым продуктом, а как трупы животных - и между ними извивалось нечто, напоминающее тёмно-красную грязь, что словно собирало уничтоженную плоть в себя и пожирало её.

— А-а-а...

Один из подчинённых осел на пол.

Все они были магами или заклинателями.

Зрелища в морозильнике было мало, чтобы их испугать.

Но когда на них нахлынула сочившаяся из него хаотичная и неиссякаемая магическая энергия, подобная гневу ребёнка, вложившего все свои силы в эту смесь жажды крови и враждебности, они не выдержали и закричали.

Они были в ужасе.

В ужасе от своего начальника, Баздилота Корделиона.

В ужасе от его рациональной ненормальности, которая породила такое зверское буйство магической энергии во время исполнения столь прекрасной мелодии – и при этом ограничила его лишь одним помещением.

Баздилот посмотрел на своего рухнувшего подчинённого, после чего повернулся и окинул взглядом морозильник, оставаясь всё таким же невозмутимым.

— Похоже, немного попало на рояль.

Несколько кусков говядины угодило на его ножки.

Тёмно-красная «грязь» полностью избегала рояль. Всё выглядело так, словно вокруг него был возведён барьер.

Спустя секунду... рояль в мгновение ока потонул в море грязи и исчез из виду.

Баздилот закрыл двери морозильника и направился к центру своей мастерской, словно ничего не произошло.

Затем вместо его подчинённых, которые всё ещё не могли пошевелиться, рядом с Баздилотом материализовался его Слуга, который до этого момента пребывал в призрачной форме, и произнёс:

— Это было неожиданно.

— Что ты имеешь в виду?

— Что тебе интересна музыка.

Алкид не стал затрагивать эмоции Баздилота и попросту выразил своё удивление тому, что его Мастер умел играть на рояле.

— Это упражнение, помогающее мне сохранять непоколебимость ума, — бесстрастно ответил мстителю Баздилот. — Мистер Складио однажды услышал, как я играю, и ему понравилось.

После небольшой паузы он добавил, объясняя причину, по которой он только что играл на рояле:

— Я пообещал, что сыграю реквием... если случится худшее.

Баздилот повернулся к Алкиду и произнёс:

— Похоже, ты оправился от физических ран. Тебе сильно досталось.

— Беспокоиться не о чем. Однако сражаться с Райдер... царицей амазонок в том состоянии было проблематично.

Алкид был одним из немногих участников недавнего сражения на главной улице, которые не исчезли и остались в Сноуфилде.

Предыдущей ночью, когда хлынувший из больницы «чёрный дым» готов был окутать его... Алкид призвал четырёх коней Диомеда, которые были частью его Благородного Фантазма, Царских приказов, отправил трёх из них в чёрный дым в качестве приманок, а сам успешно покинул главную улицу верхом на четвёртом.

Однако он подвергся нападению Райдер, царицы амазонок Ипполиты, которая выбрала именно тот момент, чтобы появиться, и получил ранения.

Эти повреждения, а также рана от смазанного ядом гидры клинка полностью исчезли.

Сила «демона», которую он украл у Берсеркера, в данный момент была заключена внутри него. На первый взгляд Алкид выглядел так же, как и после его призыва и преобразования.

Однако Баздилот бесстрастно спросил про другую сторону его Слуги:

— *Сколько дней ты ещё выдержишься?*

Алкид с удивительной готовностью ответил:

— *Я смогу сохранять рассудок ещё три или четыре дня.*

— Вот как. Это ставит нас в невыгодное положение перед фальшивками... Нет, учитывая, что само по себе безумие тебя не уничтожит, у нас всё ещё будет преимущество.

Яд гидры действительно отравил Алкида.

Он использовал мерзкую грязь, чтобы поглотить его и предотвратить телесное разрушение... но этот смертоносный яд, который когда-то оборвал жизнь Алкида и косвенно довёл его третью жену до самоубийства, всё ещё находился в его теле.

Яд ещё не изъел его плоть лишь благодаря воздействию Царских приказов.

Он использовал силу, которую получил от эриманфского вепря.

Эта сила, однако, принадлежала не вепрю.

Величайшим трофеем, которым Алкид завладел в том походе, был вовсе не зверь.

Нечто, что он в покаянии забрал у своего наставника.

А именно бессмертие Хирона.

Хирон, обладавший бессмертием кентавр, был случайно поражён стрелой Алкида, смазанной ядом гидры.

Боль была такой невыносимой, что кентавр передал своё бессмертие Прометею и умер.

Поэтому, несмотря на то, что Алкид лишился двенадцати жизней, которыми обладала его нормальная духовная основа, одна дополнительная жизнь – бессмертие

Хирона до того, как оно было передано Прометею – у него всё же была в качестве одного из Благородных Фантазмов.

Однако его высвобождение означало, что он будет *испытывать ту же боль, что и Хирон*.

В этот самый момент бесконечная агония – нестерпимая боль, которая вынудила его когда-то расстаться с жизнью – продолжала терзать его. Он сводил её на нет, преобразуя эти страдания и боль в силу с помощью влияния «грязи».

— Ты сожалеешь? О том, что убил своего наставника?

— Моё сердце, ныне ослеплённое местью, говорит мне радоваться тому, что я избавил наставника от бессмертия, от этого мерзкого проклятия богов.

Дав этот уклончивый ответ, Алкид продолжил:

— Пока что грязь побеждает, но этот яд – символ моей смерти. Он понемногу снедает не только тело, но и разум моей духовной основы.

Но он ничем не показал, что его это страшило.

Несмотря на смягчающий эффект «грязи», по его венам беспрестанно текла агония, породить которую не был способен ни один обычный яд. Но Алкид сохранял своё обычное психическое состояние – терпеть боль ему помогала жажда мести.

Однако это продлится лишь несколько дней, как он и сказал своему Мастеру.

— Этого будет достаточно. Тебе лишь нужно успеть заполучить Грааль, прежде чем яд убьёт тебя.

На это заявление Баздилота из-под ткани, скрывавшей лицо Алкида, вопросительно донеслось:

— Я думал, что сам Грааль тебя не интересует.

— Я бы и дальше им не интересовался, если бы мой господин просто умер естественной смертью.

Баздилот слегка прищурился.

Он редко проявлял эмоции, но его голос сочился ненавистью и чем-то, очень похожим на жажду крови.

— Некоторые из магов семьи попросту не знают, когда нужно остановиться... Они скопировали личность моего господина в мозги нескольких других людей... но все эти «замены» тоже скончались. По разным причинам.

— О?

— Это значит, что их смерти не были цепной реакцией, вызванной побочными эффектами магии. Вмешался кто-то посторонний. И теперь я могу предположить, какая организация могла бы пойти на такое.

Прилагая усилия, чтобы своей сверхчеловеческой силой воли подавить рост «грязи», что напивалась, поглощая его собственную ненависть, он начал убеждать Героическую душу:

— Когда заполучишь Святой Грааль, используй его силу и покажи им всем сполна. Как только сокрушишь эту страну и раздавишь её под своей пятой, верни себе имя, от которого ты отрёкся, и задай всем хорошую трёпку. Переверни с ног на голову здравый смысл, уничтожь все таинства, и имя, которые ты так презираешь – Геракл – будет смешано с грязью и канет в забвение вместе с самой богиней Герой.

— Само собой.

В этот день, в этот самый момент... над Соединёнными Штатами нависла новая угроза.

Если Баздилот получит Святой Грааль... то он использует его силу, чтобы обрушить месть на государство.

Он намеревался совершить приношение во имя исполнения своего желания, используя силу Алкида, в которого впитается вся мощь Святого Грааля.

Фалдеус допустил лишь одну ошибку.

Он предположил – ошибочно – что Баздилот Корделион был бесчувственным магом. Именно магом до мозга костей или заклинателем, который будет ставить сокрытие тайнств выше всего остального. Предположил, что маг, который был шестерёнкой в одной большой организации, после смерти её лидера обратится к любой другой организации, которая сделает ему наилучшее предложение, чтобы воплотить свои амбиции.

Разумеется, Фалдеус намеревался убить Баздилота. Как только тот сделает неверный шаг, Фалдеус воспользуется возможностью и прикончит его.

Однако Фалдеус сам являлся магом и поэтому просчитался.

Он был прав в том, что большинство магов семьи Складио либо использовали Складио, чтобы продолжать свои исследования в поисках пути к Истоку, либо были наёмниками-заклинателями, которые готовыми присоединиться к любой организации, которая предложит им поддержку получше.

Но остальные, в том числе Баздилот, были другими.

Очень немногие мыслили совсем не как маги – и в то же время не как обычные люди.

Даже среди этого меньшинства Баздилот Корделион укоренился в семье Складио исключительно сильно.

Его характер было сложно понять... но он становился чем-то отличным от такового у мага. Для Баздилота семья уже стояла выше, чем Исток.

Баздилот не был магом.

Он не был заклинателем.

Он не был священником.

Его душа пустила корни в общине под названием «семья Складио».

И эти корни залегли глубоко и крепко переплелись.

Настолько глубоко и настолько крепко... что маг вроде Фалдеуса ни за что не смог бы понять, что им двигало.

Просто Фалдеус об этом ещё не знал.

Во ____.

Очнувшись, Аяка Садзё поняла, что её сознание перенеслось куда-то далеко-далеко.

Она оценила ситуацию и быстро осознала, что вновь видела «прошлого» Сэйбера его глазами.

Аяка пришла в чувство, но ощущала себя так, словно её тело двигалось само по себе.

Она вспомнила, что в прошлый раз, когда она была в теле Сэйбера, он скакал по полю вместе со своими рыцарями и встретил человека, назвавшегося Сен-Жерменом, за рулём автомобиля...

Однако в этот раз всё было другим.

Она находилась в старомодном каменном замке в окружении роскоши.

Судя по высоте столов и размеру её ладоней, на которые она то и дело бросала взгляд, Аяка поняла, что находилась в теле ребёнка.

«Значит, это... детство Сэйбера?»

Тело, которое не подчинялось её воле, судя по всему, играло на музыкальном инструменте.

Даже Аяка могла сказать, что это была красивая мелодия.

Она отражалась от каменных стен, из-за чего у Аяки создавалось впечатление, будто она слышала богатое звучание целого оркестра, несмотря на то, что музыкант был всего один. Сложно было поверить, что играл ребёнок.

«Он тогда хорошо играл на гитаре... Похоже, это у него с детства...» — подумала Аяка, вспомнив его импровизированную игру в ночном клубе.

Как только представление закончилось, взрослые вокруг начали возносить ей хвалы.

— Великолепно, принц Ричард! Не верится, что Вы стали настолько хороши... за столь короткое время.

— И не только в музыке. Ваше Высочество также прекрасно проявляет себя в искусстве и владении оружием.

— Я слышал, что Ваше Высочество одолел в фехтовании одного из личных охранников Её Величества.

— Ваше Высочество поистине сын «несравненной» королевы Алиеноры.

Похвалы одна за другой слетали с языков старомодно выглядевших мужчин, выстроившихся перед ней.

Однако Аяка поняла.

К лучшему оно было или к худшему, но от неё не ускользнули зависть и страх перед Ричардом, скрывавшиеся за их словами.

И судя по взгляду и поведению тела юного Сэйбера, ему это тоже не особо нравилось.

Спустя какое-то время мальчик вернулся в свою комнату, где его встретила прекрасная женщина.

— В чём дело, Ричард? Ты выглядишь несчастным.

Затем в ушах Аяки прозвучал голос юного Ричарда.

— Матушка.

«Что?»

«Эта красивая дама... мама Сэйбера?..»

Слово «величественная» очень ей подходило.

В ней чувствовалось величие, затмить которое не способно было даже роскошное убранство замка. На самом деле она вызывала у Аяки такое чувство, что замок и солдаты находились здесь только для того, чтобы защищать и усиливать её, и это не было бы преувеличением.

Когда Аяка подумала, что, должно быть, такими и были королевы из сказок и легенд, женщина, которую по праву можно было назвать олицетворением своей прекрасной родины, обратилась к ней с любящей улыбкой матери на лице.

— Расскажи мне, Ричард. Безусловно, я не стану обещать, что помогу тебе, но и насмехаться над твоими словами не буду.

В ответ на это юный Ричард, поколебавшись секунду, отчётливо произнёс:

— Я боюсь, матушка...

— Боишься? Чего же?

— Я... могу делать *что угодно*. И делать очень хорошо.

«Прошу прощения?..»

«Какие самоуверенные слова».

«Однако...»

«Нет, это определённо очень самоуверенные слова!»

Аяка мысленно возразила целых два раза, но Ричард, естественно, никак на это не отреагировал.

— Я обучался обращению с мечом, и теперь никому в замке меня не одолеть. Я думал, что они сдерживаются, потому что я принц, поэтому покинул замок и напал на бандитов, которые гордились своей доблестью. Однако я без труда их уничтожил.

— ...

«Что этот парень творит?!»

«Он что, идиот?!»

«То есть да, это очень в духе Сэйбера, но всё же!»

— То же касается музыкальных инструментов. Любой из них я осваиваю очень быстро и начинаю превосходно на нём играть. Стрельба из лука, рисование, борьба, охота, рыбалка, дуэль на копьях, верховая езда, шатрандж, игра в мельницу... я в совершенстве обучаюсь всему, за что ни берусь. Вскоре никто не сможет победить меня в любой игре!

— Боже.

— Так я никогда не заведу друзей. Все смотрят на меня с завистью. Я хочу поладить со всеми, хочу, чтобы люди шли за мной, но что мне делать? Может, будет лучше, если я начну сдерживаться и делать вид, что плох во всём?

«Ого. Не будь он ребёнком, я бы отвесила ему знатный пинок под зад. И всё же Сэйбер никогда не сказал бы *такого*. Может, это значит, что он повзрослел... правда, у меня такое чувство, что он не так уж сильно изменился...» — раздражённо подумала Аяка, но затем вспомнила смесь зависти и страха в глазах взрослых мужчин и испытала к юному Ричарду лёгкое чувство сострадания.

«Что ж... Если люди всегда смотрели на него так, то неудивительно, что он стал немного странным».

Мать Ричарда, однако, разразилась хриплым смехом.

— Ты же обещала, что не будешь смеяться, матушка, — обиженно надулся Ричард,

— Нет, я сказала, что не стану «насмехаться». Да, я засмеялась, но я не собираюсь отмахиваться от твоих слов и чувств.

Затем, мягко погладив Ричарда по щеке, королева произнесла:

— Послушай, Ричард. Ты гений, и это правда.

«Она сказала это так уверенно...» — удивившись, подумала Аяка, но мать Ричарда, улыбаясь, сказала:

— Но *на этом всё*. В чём смысл быть гением?

— Что?..

— Ты просто способен делать что угодно. Но это не значит, что ты чего-то добился. *Делать* что-то и оставить наследие после себя – совершенно разные вещи.

Мать Ричарда утешала его как сына, но в то же время говорила с ним как с личностью, запечатлевая свои слова в его душе.

— Прежде чем по своей прихоти драться против бандитов и похвастаться этим, ты должен ощутить боль людей, которых эти бандиты заставили страдать, и найти способ преодолеть её вместе с ними. Почувствуй стыд за то, что бандитов, которых ты поразил, породило состояние твоего королевства. И я разделю этот стыд вместе с тобой.

Обняв сына, королева продолжила:

— Чтобы стать героем, мало быть гением, Ричард. Человек становится героем, когда отчётливо видит свой путь, даже если у него нет никаких талантов.

— Героем?

— Да. Героем вроде короля Артура и его рыцарей Круглого стола или Карла Великого и его паладинов. Вроде сэра Кея, который, как говорят, был наименее талантливым среди рыцарей короля Артура, но стал героем, который поддерживал Круглый стол, благодаря тому, кем он был. Тебе нужно узнать, как они создали эти земли и заложили основу для людских сердец. Если ты действительно думаешь, что способен на *всё*, Ричард, то тебе стоит ценить способность рассказывать истории превыше всего остального.

После этого она перешла к истории.

Истории о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Мать Ричарда рассказывала о Ланселоте, Гавейне, Тристане, Галахаде, Персивале, Гарете, Агравейне – даже о предателе Мордреде – так, словно видела их собственными глазами. Должно быть, она постепенно вошла во вкус, потому что начала добавлять сцены, которые показались Аяке чрезмерными даже для мифов. Когда она принялась бессвязно бормотать про то, «как король Артур создал мир, отделив небеса от земли, как Артур узнал о зловещем плане короля Вортигерна обрушить луну на Лондон и бросил в неё Мерлина, чтобы отбить назад, как Ланселот, защищая озеро, сдерживал пять миллионов пиктов одной лишь соломинкой», Ричард уже был на грани того, чтобы мирно заснуть.

Когда даже перед глазами Аяки начало всё расплываться, мать Ричарда с добротой посмотрела на лицо сына, нежно погладила его по щеке и со смешком сказала:

— Разумеется, Вортигерн не ронял луну, я это выдумала... А теперь проснись.

— М-м-м... Матушка?... А что потом стало с сэром Бедивером?..

— Доброе утро, мой дорогой Ричард. Это я расскажу в следующий раз.

Затем её тон слегка изменился.

— Но перед этим, Ричард, я буду вынуждена задать тебе трёпку.

— Что?

— Как твоя мать... я должна наказать тебя за то, что ты покинул замок без разрешения, чтобы сразиться с бандитами.

На её лице оставалась нежнейшая улыбка, но было очевидно, что на Ричарда вот-вот обрушится ужасающий гром материнского гнева.

Однако на этом сознание Аяки захлестнула тьма.

×

×

— ...ка. Аяка, ты в порядке?

Аяка услышала уже привычный ей голос взрослого Сэйбера.

— Что?..

Очнувшись, она обнаружила себя в церкви.

Увидев перед собой Сэйбера и вспомнив, что случилось до того, как она погрузилась в сон, Аяка вскочила на ноги.

— Ты!.. Как твои раны?! С тобой всё хорошо?!

— Да. Я ещё не до конца восстановился, но уже могу двигаться. Всё-таки полдня уже прошло, даже больше. Правда, мне бы несладко пришлось, если бы атаки того золотого Арчера отравляли или поглощали духовную основу...

— Вот как... Слава богу...

Аяка облегчённо вздохнула.

Сэйбер на секунду отвёл взгляд, после чего собрался с духом и склонил голову.

— Прошу прощения! Я позаимствовал у тебя очень много магической энергии, чтобы один из моих *спутников* использовал на мне магию исцеления. Наверное,

поэтому ты так долго спала. Прости, — виновато произнёс он, но Аяка крепко сжала его руку и гневно сказала:

— Да плевать мне на это! Я не поэтому так зла на тебя!

— Что? А, ты про то, как я бахвалился, а потом продул? Да, это было...

— И не поэтому, идиот! Дело вовсе не в этом!

Напряжённые слова Аяки, обращённые к озадаченному Сэйберу, звучали скорее расстроено, нежели гневно.

— Ты... оставил меня в церкви, чтобы я получила там защиту после того, как ты умрёшь, не так ли?.. Ты сказал, что в Войне за Святой Грааль Наблюдатель защищает побеждённых Мастеров...

— Я подумал... Ну, подумал, что так для тебя будет лучше всего.

— Если у тебя есть время переживать за меня, то лучше начни думать о себе... Это не самобичевание, Сэйбер. Будь я королём или королевой, то сказала бы то же самое! Тебе нужно больше заботиться о себе! Чёрт, я столько всего хочу тебе сказать, но не могу подобрать правильных слов... И... эм-м... спасибо. Ты снова меня защитил...

Аяка поняла.

Вероятно, Сэйбер смог бы избежать атаки на крыше церкви, если бы захотел.

Но тогда церковь была бы разрушена, а Аяка, находившаяся внутри, скорее всего, погибла бы.

— Прости. Похоже, я снова стал причиной твоего беспокойства. Нужно было увести его куда-нибудь подальше от церкви, но я был уверен, что смогу победить ту Героическую душу, только если ударю быстро, практически неожиданно... Нет. Я проиграл, так что это всего лишь оправдание.

В голосе Сэйбера чувствовалась тревога. Вздохнув, он поднял взгляд к потолку и произнёс:

— Та золотая Героическая душа тоже видела меня насквозь. Вероятно, я ещё не начал воспринимать эту войну всерьёз... Наверное, потому что так и не понял, что хочу всем сердцем попросить у Грааля.

Он пошутил, что хотел бы забрать с собой в Трон всевозможные песни и героические сказания, но это желание, похоже, можно было исполнить и без Грааля.

— Но если я искренне чего-то пожелаю... то тогда действительно втяну тебя в эту войну. А этого я не хочу.

— Я уже увязла в ней по самые уши. Всё-таки меня чуть не смело вместе со всей церковью и... — начала Аяка, но вдруг кое-что осознала.

Сэйбер смотрел на потолок церкви.

Церкви, которая должна была быть разрушена в результате атак золотого Слуги, но почему-то теперь стояла целая и невредимая.

— Не может быть... Что происходит? Это та «магия», про которую ты говорил, Сэйбер?..

— Не хочу тебя разочаровывать, но если бы я был способен на такое, то восстановил бы театр, который я разрушил после своего призыва. Есть вещи, которые даже мне не под силу.

Аяка, которая наконец смогла возобладать над своими чувствами, вздохнула, услышав самоуничижительный тон Сэйбера. Она поправила очки и произнесла, чтобы скрыть своё смущение:

— Пусть ты и сказал... «Матушка, я могу делать что угодно»?

Услышав это, Сэйбер застыл.

— Ты видела?.. — с вымученной улыбкой спросил он. На его лбу появились капли холодного пота.

Ричард задрожал, понимая, что Аяка говорила о его «прошлом», которое она увидела благодаря связывавшей их магической энергии.

Аяка, несмотря на мысли о том, что ей не следовало упоминать про это, отвела взгляд, словно подтверждая его подозрения.

— Да... У тебя была очень красивая мама...

После этого Сэйбер какое-то время пролежал на полу красный как рак.

— Ты по-прежнему думаешь, что способен на всё? — вскользь спросила Аяка, когда Сэйбер смог взять себя в руки.

Она не дразнила его, да и выглядела серьёзной, поэтому Сэйбер так же серьёзно ответил:

— Я уже не ребёнок. Впрочем, я уверен, что легко справлюсь с большинством вещей. Должно быть, так моя природа запечатлена в Троне.

— Наверное... Ты выглядишь так, будто можешь делать что угодно. Сомневаюсь, что ты в чём-то плох... кроме как в оценке настроения.

— Ты преувеличиваешь. Есть вещи, которые мне не давались при жизни. Сейчас я целиком состою из знаний Трона, но...

— Что тебе не давалось? — с интересом спросила Аяка. Ричард замешкался, после чего отвёл взгляд в сторону и ответил:

— Английский.

— Что?

— Я... владел французским, итальянским и персидским, — удручённо сказал Ричард. — Но несмотря на то, что я был королём Англии... с английским у меня всё было безнадежно плохо.

Аяка ошеломлённо уставилась на него... после чего, похоже, расслабившись впервые за всё это время, расхохоталась.

— Нехорошо смеяться над чужими недостатками, Аяка.

— Прости. Просто... ты так уверенно говорил, что можешь делать «что угодно»... Аяка ещё раз вздохнула и посмотрела на Сэйбера, вытирая слёзы за очками.

— Я рада, что ты жив, Сэйбер. Спасибо.

— Это чувство взаимно.

Сэйбер повысил голос, когда увидел улыбку Аяки, словно говоря, что этого было достаточно, чтобы его удовлетворить.

— Ладненько, перед тобой совершенно другой человек! Теперь, когда ты знаешь про моё позорное прошлое, мне нечего терять! В следующий раз я даже наkostenю!

тому золотому стиляге! Я защищу тебя, Аяка, что бы ты ни говорила! В конце концов, я человек, способный на что угодно!

Теперь Аяка понимала.

Это была не бравада, и он нисколько не упал духом.

Даже узрев столь огромную разницу в силе, даже оказавшись на грани гибели, Ричард был неустрашим.

Аяка с завистью смотрела на него, пока атмосферу не потревожили гости.

— Сэйбер и Аяка Садзё, верно?

Двери церкви отворились, и на пороге показалась группа полицейских.

Это были офицеры, которые сражались с другим Арчером на главной улице между церковью и больницей.

— О, вы целы? Вступить в бой с тем пугающим лучником и выжить – это тот ещё подвиг. Я впечатлён! — осыпал их Сэйбер неподдельной похвалой.

— Вы не могли бы присоединиться к нам? — спросила его полицейская, которая, судя по всему, их возглавляла.

— Копы!.. — пробормотала Аяка в напряжённой атмосфере.

Но Сэйбер лишь посмотрел на потолок, словно вспомнил что-то, и, пожав плечами, сказал:

— Если подумать, то мы с Аякой сбежавшие заключённые, разве нет?

Однако женщина тихо покачала головой и предложила Сэйберу сделку.

— Нет, сейчас мы не намерены обвинять вас в чём бы то ни было. Я бы хотела заключить временный союз.

— Союз? Против кого? Кажется, золотого Арчера спустили с небес на землю... Что с ним стало? Или же мы будем сражаться против существа, чей странный рёв я услышал, прежде чем отключился?

Сэйбер ухватился за предложение, словно ребёнок. Полицейская же, оставаясь совершенно спокойной, бесстрастно огласила факты:

— Вероятно, мы изолированы в каком-то «мире», похожем на Зеркало души.

— Изолированы?

— Мы видели на улицах людей, но их разумами что-то завладело. Полицейский участок и городские офисы пустуют. Покинуть город можно, но после определённой черты дороги ведут обратно. У нас есть предположение, что пространство искажено, но мы не можем быть в этом уверены.

Она начала как ни в чём не бывало рассказывать всё, что они успели увидеть.

Рядом с полицейской, представившейся Верой, стоял офицер с безвольно болтавшейся сломанной искусственной рукой. Похоже, что церковь была полностью окружена.

— Мы искали Мастеров и Слуг, оказавшихся в этой же ситуации. Нам бы хотелось, чтобы вы присоединились к нашему союзу.

— Мире? Изолированы? О чём это она? — спросила сбитая с толку Аяка.

— Полагаю, это некое подобие Зеркала души, — объяснил Сэйбер. — Считай, фальшивый мир, созданный магом или монстром. Однако, судя по тому, что она

сказала, у меня такое чувство, что это что-то немного другое... У вас есть план, как выбраться из этого «мира»?

Услышав вопрос Сэйбера, Вера на секунду опустила глаза, после чего произнесла:

— Мы полагаем, что нам необходимо...

— ...уничтожить ядро этого «мира», будь то маг или Героическая душа.

Интерлюдия

「Наёмник, убийца, _____」

— ...

Очнувшись, Сигма обнаружил себя в саду частного дома.

— Что произошло?..

Несмотря на замешательство, он быстрыми и плавными движениями проверил сначала своё снаряжение, затем физическое состояние, после чего осмотрелся.

Судя по тому, что больницы поблизости не наблюдалось, а вдалеке виднелось здание казино, находившееся в центре города, он предположил, что оказался в совершенно другом, жилом районе.

Опустив глаза, он увидел Ассасин, лежавшую на траве.

Под головой у неё лежало некое подобие подушки, а сверху она была накрыта тонким покрывалом.

При ближайшем рассмотрении он обнаружил, что поверх него тоже было похожее покрывало, а там, где покоилась его голова, лежала небольшая подушка, но не постельная, а диванная.

«Нас кто-то... уложил?»

Ассасин, похоже, не была ранена, а когда Сигма склонился над ней, то увидел, что она дышала во сне.

«Я слышал, что Героическим душам, воплощённым во временных телах, сон, как правило, не нужен...»

Если так, то это могло быть вызвано каким-то внешним фактором, погрузившим её духовную основу в состояние сна.

«Это дело рук того кровососа?» — задался вопросом Сигма. Возможно, но тогда почему сам Сигма всё ещё был жив?

— М-м-м...

Ассасин, похоже, пришла в сознание и медленно подняла своё закутанное в чёрное одеяние тело со свежего зелёного газона.

— Где... Что случилось?..

— Ты в порядке?

— Да... А тот монстр?..

— Его здесь нет... По крайней мере, я так думаю.

Он не чувствовал присутствия кровососа.

Но это лишь выбило Сигму из колеи.

— Напоследок он сказал кое-что тревожное... — произнесла Ассасин, и Сигма вспомнил слова кровососа, назвавшегося Джестером.

«Жду не дождусь... увидеть, как вы оскверните его прекрасные виды собственными руками».

— Возможно, это ловушка. Может, мы на первый взгляд и не ранены, но он мог подсунуть какое-нибудь заклинание в наши тела или одежду.

— Зачем ему прибегать к таким ухищрениям? Он мог бы просто прикончить нас, пока мы были без сознания.

— В мире полно ненормальных. Мне как раз одна такая приказывает, и я уверен, что этот кровосос ничем не лучше.

Сигма как ни в чём не бывало пропустил магическую энергию через своё тело, проверяя его на присутствие каких-либо странных заклинаний. Затем, будто запоздало подумав об этом, он привёл пример ненормального поведения.

— Среди заклинателей есть даже такие, кто делает вид, что отпускает человека, но при этом внушает ему убить жену и детей по возвращении домой. Не по какой-либо реальной причине, а просто для того, чтобы насладиться реакцией.

Те, кто забыл про свою цель совершенствования магии и использовал её как инструмент или для собственного удовольствия.

Многие из самых порочных и злобных «заклинателей» попадали под эту категорию.

К слову, маги, преследующие цель довести до совершенства магию и таинство, способны были на вещи и пострашнее, так что невозможно было сказать, какая из этих двух групп опаснее.

Ассасин, которая заметно нахмурилась, услышав пример Сигмы, махнула рукой в его сторону и с помощью восприятия, даруемого ей Медитативной чувствительностью^{Забания}, подтвердила, что в его теле не было никакой аномальной магической энергии.

— Я не вижу в тебе никаких признаков странных заклинаний. Мне не по силам обнаружить воздействие на разум, которое не полагается на магическую энергию, но...

— Да, мой собственный анализ тоже ничего не выявил. Ты сама в порядке?

— За меня можешь не переживать.

Сигма, которому не оставалось ничего, кроме как поверить словам Ассасин, вновь начал изучать окружающую обстановку... и вдруг осознал кое-что тревожное.

— ?..

Если исходить из устоявшейся закономерности, то одна из теней-«фамильяров» Уотчера должна была сказать что-нибудь саркастичное, когда он очнулся.

Но Сигма их даже не видел, а связывающий его со Слугой канал магической энергии, который он научился чувствовать за последние два дня, очевидно ослаб.

— Что?..

Он телепатически окликнул Уотчера, но ответа от теней не последовало.

Нет, нечто, похожее на отклик, он ощутил, но осмысленно обмениваться информацией не мог. Это было похоже на внезапную блокировку Интернет-соединения тяжёлым трафиком.

— Что-то не так?

— Я не могу связаться со своим Слугой. Не думаю, что он мёртв, но...

— С Лансером?.. Если его не уничтожили, то в худшем случае ты можешь призвать его с помощью командного заклинания.

«Командного заклинания, значит. Интересно, что произойдёт, если я его использую».

Тени сказали, что Уотчер где-то там, высоко...

Ассасин и всем, кто с ним связался, Сигма говорил, что его Слугой был «Лансер Чарли Чаплин».

Однако Сигма сам не понимал, чем на самом деле был Уотчер. Он погрузился в размышления, думая над тем, как ему следует использовать свои командные заклинания.

— GPS не работает.

Сигма убедился в работоспособности электронного терминала, который был частью его снаряжения, и сверился с координатами, чтобы уточнить их текущее местоположение.

— Мы в Сноверке, жилом районе Сноуфилда. Исходя из нашего положения относительно «Кристал Хилл», ошибки быть не может.

Когда-то Сноуфилд представлял собой несколько городков, которые затем объединили в единый муниципалитет. Этот район сохранил своё старое название, от города «Сноверк», и поговаривали, сейчас его считали районом элитного жилья, где проживает немало местных знаменитостей.

— Давай уйдём отсюда. Я бы не хотел, чтобы нас обвинили во взломе и проникновении и начали угрожать оружием.

Тем, кто проявил к ним такую заботу в виде подушек и покрывал, мог быть и не хозяином дома.

Сигма, зная о том, что касающиеся оружия местные законы были нестрогими даже по меркам Соединённых штатов, направился к дороге... но прежде чем ему удалось выяснить, кому принадлежал этот сад, дверь дома открылась.

— О, вы проснулись?

К ним вышел отрешённый на вид мужчина азиатской наружности.

Сигма узнал его лицо. Он присутствовал в документах, которыми его снабдили Фалдеус и Франческа.

— А Вы?..

Сигма подумал, что спрашивать имя владельца собственности, на которую они, как могло показаться, вломились, было бы грубо, но решил, что сейчас не время беспокоиться об этом, и задал вопрос, приготовившись мгновенно контратаковать при любых обстоятельствах.

Однако мужчина, судя по всему, нисколько не оскорбился и с доброй улыбкой представился:

— А, я Куруока. Рад познакомиться. Я директор частной библиотеки по соседству.

Его ответ соответствовал содержанию документов.

На публике Куруока заведовали местной частной библиотекой, работавшей по принципу членства, и создавали себе имидж в Сноуфилде, чтобы не выделяться.

«Куруока...»

«Должно быть, он отец той девочки в больнице».

«В таком случае это он призвал нас сюда?»

«Он знает о состоянии своей дочери или же ведёт какую-то свою игру?.. У меня было не так уж много времени, но, пожалуй, стоило расспросить о нём Уотчера».

Одной из способностей Уотчера было восприятие всего, что происходило в городе.

Однако это ограничивалось лишь тем, что можно было увидеть или услышать. Способность не распространялась на разумы людей. Объём информации был огромным, но Сигма мог получить к нему доступ, лишь расспрашивая тени. Это означало, что ему нужно было запросить необходимую информацию сродни поиску в сети.

Теперь же, потеряв связь с этими тенями, он предстал перед непреодолимой нехваткой данных о человеке, стоявшем перед ним.

Для начала Сигма решил представиться и пронаблюдать за реакцией. Он был уверен, что мужчина ничего о нём не знал, но также не чувствовал необходимости использовать фальшивое имя.

— Меня зовут Сигма. Стыдно говорить такое, но мы, похоже, отключились прямо в Вашем саду. Я помню, что прошлой ночью был в городе и плохо себя чувствовал, но после...

— Вот как? Что ж, судя по всему, моя дочь нашла вас в саду сегодня утром. Мы как раз обсуждали, переносить вас в кровать или нет.

«Я бы на твоём месте сначала позвонил в 911».

У Сигмы были вопросы, но он решил пока что подыграть мужчине.

— Ясно. Должно быть, это Ваша дочь принесла нам покрывала.

Женщина, появившаяся из-за спины мужчины, который назвался Куруока, с такой же умиротворённой улыбкой ответила:

— Да. Заметив у неё в руках покрывала, я подумала, что она опять нашла в доме щенка... однако увидеть людей я точно не ожидала.

На первый взгляд она казалась естественной, но Сигма чувствовал в ней какую-то пустоту.

Словно подтверждая его подозрения, Ассасин прошептала так, что услышать её мог только Сигма:

— Будь осторожен. Эти мужчина и женщина, похоже, находятся под воздействием чьего-то внушения.

Сигма это осознал.

В таком случае если появится человек, не подверженный внушению, то его или её следует начать подозревать в первую очередь.

Сигма заключил, что им, по крайней мере, стоило бы задуматься над его или её намерениями... но этот «незатронутый» человек возник перед ним раньше, чем он ожидал.

— Мистер, мисс... вы в порядке?

Из-за спины матери робко высунула голову маленькая девочка.

На вид ей было около десяти лет. Она вышла вперёд и поспешно, но явно по своей воле склонила голову.

— Я Куруока Цубаки!

Девочка, которая должна была лежать в больнице в коматозном состоянии.

Девочка, которую пытались спасти Ассасин и полицейские и которой, предположительно, завладел Слуга, стояла перед ними совершенно здоровая.

Не успел Сигма подумать, что это могло значить... как девочка бросила взгляд им за спину и произнесла:

— А это мой друг, мистер Черныш!

С этими словами... позади них возникло странное присутствие.

Сигма и Ассасин тотчас же развернулись... и увидели угольно-чёрную массу, возвышавшуюся в тени большого дерева.

Представ перед этим скоплением «тьмы», чьи очертания отдалённо напоминали человеческие, они насторожились и приготовились к бою... но затем услышали голос Цубаки:

— Он очень большой, но совсем не страшный!

×

×

— Жду не дожусь.

За этой встречей издалека наблюдала одинокая фигура – Мёртвый Апостол Джестер в облике мальчика примерно одного с Цубаки возраста.

— Интересно, какое у тебя будет лицо, когда ты поймёшь, что это самый счастливый ад в мире, — сказал он с опьянённой улыбкой, которая никак не вязалась с его юной внешностью. — А осознав, что никто, кроме меня, не сможет покинуть его, не убив Куруока Цубаки...

— ...что ты будешь делать, мисс Ассасин?

Связующая глава

「Как-то на вершине здания」

День четвёртый, утро. «Кристал Хилл», верхний этаж.

— Ты всё ещё отказываешься сдаваться? — разнёсся по номеру люкс отеля-казино «Кристал Хилл» спокойный голос.

В пространстве, которое теперь представляло собой скорее музей или выставку мебели и украшений Короля героев, нежели мастерскую Тины, продолжал вихриться невероятный объём магической энергии.

Тина Челк. Девочка, которая до вчерашнего дня была Мастером Гильгамеша.

Её тело становилось проводником для магической энергии из духовных жил.

Энергия, которая текла через неё, снедала не только цепи, но и кровеносные сосуды, нервы и даже кости.

Несмотря на это, Тина даже не думала приостанавливать поток.

Она стояла там уже больше дня, держа руки над затейливым магическим кругом, начерченным в центре комнаты.

— Два часа и тридцать четыре минуты, — раздался позади неё андрогинный голос. — Это время, через которое твои цепи полностью выгорят.

Голос был спокоен, но в нём чувствовалась нотка механического холода.

Он звучал в разуме Тины, словно голос самой Смерти.

— Без лечения твои жизненные функции прекратятся по прошествии ещё тридцати минут. Это, конечно, если мои расчёты полностью соответствуют системам этой эпохи.

В словах Смерти – Энкиду – Тина не сомневалась, но всё равно продолжала высвобождать магическую энергию.

Энкиду, несравненный Лансер. Его слабо светящиеся бледно-зелёные волосы слегка колыхались, словно на ветру.

Он стоял рядом с Тиной и со следом печали в глазах смотрел на труп, лежавший в центре магического круга.

Однако «труп» было не совсем точным словом.

Оно – духовная основа, которая ещё две ночи назад была сияющим королём – продолжало умирать, не будучи при этом живым.

От дыры в его груди расплзалась странная гниль всех цветов радуги. Она и яд гидры из оставленных стрелами ран пожирала друг друга.

Единственным, что едва удерживало тело от разрушения, был напор огромного количества магической энергии, которую в него вливала Тина, приостанавливая тем самым распад духовной основы одной только грубой силой.

— Я не сдамся... я не могу сдаться!.. — закричала Тина, больше убеждая себя, чем отвечая на вопрос Энкиду.

Энкиду бесстрастно, лишённым гнева или скорби голосом описал ей реальность ситуации.

— Будь Гил жив, он бы, наверное, сказал: «Шавка, ты же не настолько тщеславна, чтобы считать причиной моего поражения свою неумелость?»

— Я знаю! Но... даже если он назовёт меня дерзкой или казнит, я не могу сдаться сейчас!..

Помещение огласил низкий звериный вой.

Серебряный волк мягко потёрся о ноги Тины и затем посмотрел на Энкиду.

— Эта девочка не похожа на ту, которую зовут Аяка. Она одна из «людей», которых ты презираешь, Мастер. Ты уверен?

В ответ на вопрос Энкиду серебряный волк вновь негромко заскулил и улёгся рядом с девочкой.

— Я понимаю. Ты очень добр, Мастер.

Энкиду тихо присел и положил одну руку на волка, а вторую – на правое плечо Тины.

Из тела волка вырвался огромный всплеск магической энергии и окутал девочку.

— Что?..

— Я предотвратил разрушение твоего тела с помощью энергии моего Мастера. Это временная мера, но теперь ты выдержишься гораздо больше того времени, что я рассчитал.

— Но зачем?..

Не ответив, Энкиду посмотрел на тело своего друга, окутанное оболочкой магической энергии из духовных жил, и пробормотал:

— Словно клетки подземного мира. Что бы сказала Эрешкигаль, если бы увидела это?..

Затем он сунул руку в эту оболочку.

Его кожа расплавилась и слеза под напором магической энергии, но Энкиду мгновенно восстановил её и коснулся ладонью груди Гила.

— Я хочу, чтобы ты помог мне, Гил. Проснись, если можешь.

Духовная основа Короля героев была потеряна.

Даже если они возродят его, Врата Вавилона будут заперты, и им не удастся нейтрализовать яд. Но несмотря на это, Энкиду сказал своему верному другу, позволив эмоции закрасться в его голос:

— Я хочу... спасти её душу – той, что встретил до того, как стал собой.

Затем он медленно поднялся и, глядя через окно на лес, который до вчерашнего дня являлся его базой, а теперь был захвачен чужой магической энергией, обратился к эпицентру этого изменения:

— Ты в той духовной основе?

Прошлые.

Раньше даже, чем его жизнь.

— Или... неужели даже воспоминания о том цветочном саде канули в небытие?

Вспоминая то, что было до его рождения в мире, он пробормотал:

— В этот раз я... нет, мы спасём тебя. Всех вас...

Не проявляя эмоций, он прошептал её имя.

Имя «человека», который однажды повстречался ему и спас его душу... которого он потом встретил вновь и, будучи не в силах спасти её душу, уничтожил совместно со своим другом.

— Ты всё ещё там... Хумбаба?

Следующий эпизод [Fakeo6]

Послесловие (Содержит крупные спойлеры к основному сюжету; рекомендуется к ознакомлению после прочтения книги)

Привет, это я, Нарита. Давно не виделись.

Первое и самое важное – мне очень жаль, что публикация этого тома так сильно затянулась!..

Сначала я обнаружил у себя болезнь, которую правительство классифицирует как «неизлечимую», (Умирать я не собираюсь, но и полностью выздороветь не получится.) и несколько месяцев провёл в больнице, но, думаю, можно с уверенностью сказать, что теперь мне гораздо лучше!

Мои проблемы со здоровьем никак не связаны с вами, дорогие читатели, поэтому ещё раз искренне прошу прощения за ожидание. Мне очень жаль, правда!..

Этот том я писал самым настоящим методом проб и ошибок, отчасти потому что прошло много времени, и многое мне пришлось вырезать или изменить. Диалог между «ним» и Дюма изначально был раза в три длиннее и включал всё, что произошло с момента их встречи и до расставания. Но это, естественно, было чересчур и посягало на главных персонажей, так что я сократил его до нынешнего размера. Но я всё равно жду удобного случая, чтобы использовать этот материал.

Я всё ещё сверяюсь с самыми разными источниками, включая биографии, романы и даже слухи о Героических душах, фигурирующих в этом томе. Если заметите противоречия между всеми этими источниками и книгой, то, пожалуйста, закройте на это глаза. Пусть это будут просто преувеличения с моей стороны, не более.

Героические души, чьи имена всплыли в конце, я держал в запасе с самого начала серии и уже скопил по ним много информации.

Я, четыре года назад: Интересно, как отреагирует Гильгамеш, если перед ним действительно появится ____?

Насу-сан, четыре года назад: Как Ве__та на появление Идеального Се__ или Фр__зу после превращения.

Я, четыре года назад: Прошу прощения?

Насу-сан: Вместо взрывов энергии он гневно закричит – Куа-а-а-а! – и начнёт мочить из Врат Вавилона с аурой беспощадного демона.

Я, четыре года назад: Нам придётся собрать семь душ (Призраков прошлого) и призвать дракона, исполняющего желания!..

Много времени прошло с того разговора.

Я был уверен, что Король героев изменился после «Экстры» и 7-й главы «FGO»... но решил, что его эмоциональное ядро останется прежним. Тем не менее, я обратился к Насу-сану, думая, что после работы над «FGO» он уже не тот, что был четыре года назад...

Насу-сан: Насчёт этого тома «фэйка»... Есть одна серьёзная ошибка... Не хочу показаться придирой, но это важный элемент сеттинга, так что мне придётся на это указать.

Я: (Блин! Я никогда не видел его таким серьёзным! Мне конец.) Д-да?

Насу-сан: Та часть, где мама Ричарда говорит, что «Артур создал мир... бросил в Луну Мерлина...» Очень жаль, что ты не включил знаменитый пассаж о том, как «Мордред-маг пролетел по небу верхом на железном гиганте и разбомбил Камелот, но Экскалибкр отправил его в открытый космос»... но ты уже сделал достаточно, так что так тоже нормально!

Я: О-ого, это и вправду серьёзно! Ещё я забыл написать о том, как «Тристан мог пробить дыру в уязвимых местах своих врагов со ста двадцати ярдов, а слово “гольф” проиизошло от музыки, которую он тогда играл – *горьюфу!*».

Я с облегчением узнал, что четыре года работы над «FGO» никак не сказали на Насу-сане. Ещё мне почти показалось, что тон нашей беседы *слишком уж* не изменился, но это отдельная тема.

Тем не менее, мне всё ещё нужно ложиться под капельницу два раза в месяц, чтобы поддерживать здоровье, при этом я изо всех сил стараюсь работать над другими проектами, так что, пожалуйста, потерпите!

«Другие проекты» - это работы, изначальным создателем которых мне повезло считаться, и все они выходят в этом месяце – «Dead Mount Death Play», публикуется в «Young Gangan»; «Kuroha no Nijisuke», публикуется в «Magazine Pocket»; и «Mushikago no Joumae», ТВ-драма производства «WOWWOW» с мангой-спин-оффом, публикуемой в «comico».

Теперь, когда в Войне за Святой Грааль Сноуфилда появился первый «проигравший», история наконец-то добралась до вершины горы. Дальше она будет скатываться вниз под тем же углом.

Следующий том – уже шестой – уверенно продвинет сюжет вперёд и представит Франческу, которая в этом томе практически не появлялась, и Истинную Райдер, которую тоже давно не было видно. Надеюсь, вы будете ждать с нетерпением!

А теперь благодарности таким людям, как:

Мой редактор Анан-сан, которому я опять доставил немало проблем с дэдлайнами, а также весь народ в издательстве; Ояма и все прочие в II V, которые изменили свои графики ради меня; Сакураи Хикару за консультации по «его» репликам в разговоре с Дюма, а также все писатели и мангаки, кто так или иначе связан с «Fate»; Мива Киёмине и Team Barrel Roll, занимавшиеся для меня изучением деталей по Слугам; Санда Макото, помогавший деталями по магическому обществу и Лорду Эль-Меллоу II и вообще постоянно делившийся своим мнением и отзывами; (Поздравляю с аниме по «Досье Лорда Эль-Меллоу II»! Флат тоже там будет! Ура!) Мории Сидзуки за множество замечательных предложений по визуальной стороне и создание ещё больше невероятных иллюстраций для этой книги.

И что самое главное, огромное спасибо Киноку Насу-сану и всему составу «TYPE-MOON» которые создали «Fate» и помогли мне с работой, а также всем, кто

трудится над «Fate/Grand Order», для которой мне повезло написать интерлюдии Энкиду... и всем читателям, купившим эту книгу и дочитавшим до этих строк.

Огромное вам спасибо!

Февраль 2019-го, всё ещё не отошёл от вчерашнего просмотра фильма «Code Geass». Нарита Рёго.